

Даугава

В НОМЕРЕ:

Проза, поэзия,
фантастика

Правовой аспект
«Высший суд» —
и не только о нем

Культурология
Исторический фильм
и динамика власти

Обзоры
Что мы
унаследовали

Письма, дневники,
воспоминания

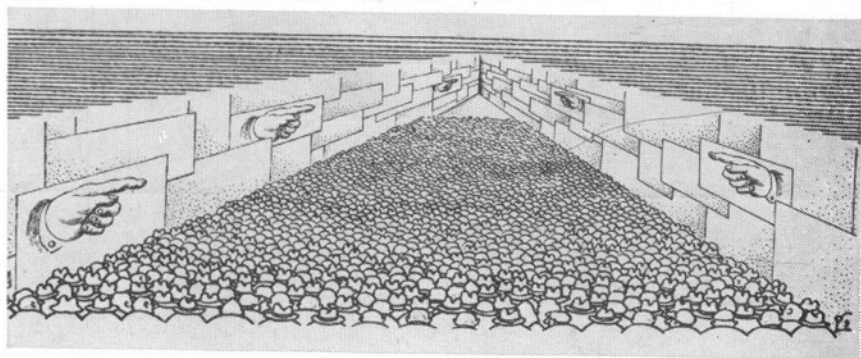
Последний чай
со Шкловским

1988

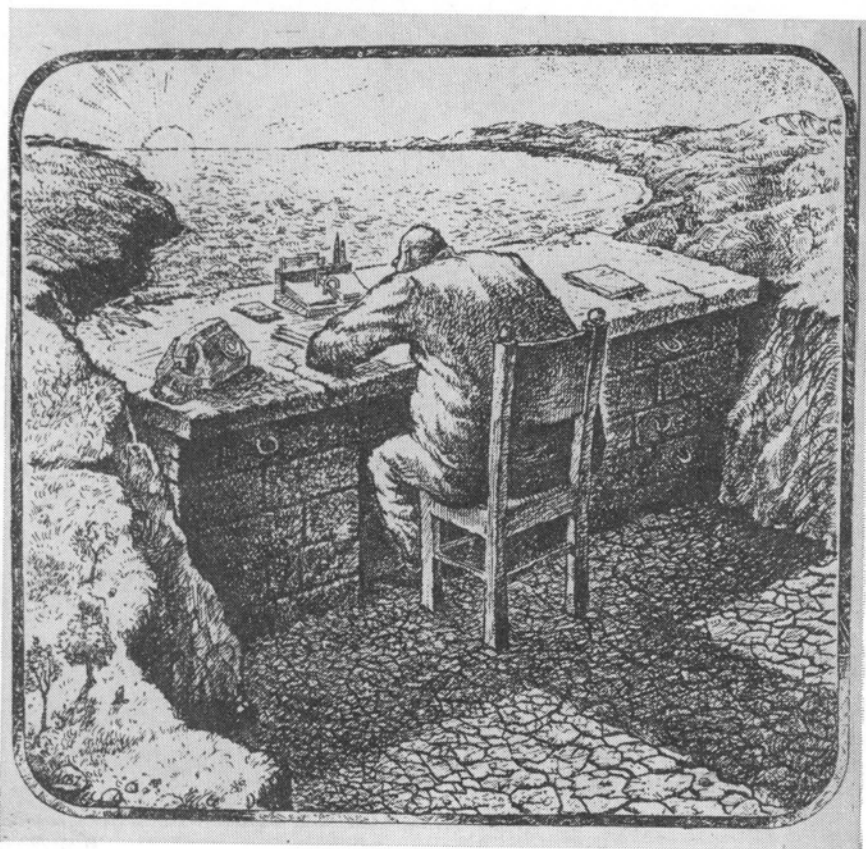
4

С ВЫСТАВКИ «КАРИКАТУРА ЗАЩИЩАЕТ ПРИРОДУ»

Игорь Смирнов (Москва)

Анатолий Орехов (Москва)

Даугава

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ЛАТВИЙСКОЙ ССР.
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1977 ГОДА

4 (130)

АПРЕЛЬ
1988

В НОМЕРЕ:

Переключка поэтов

ЛЮДЕНС В. Дом ветра. Стихи	3
ДРЕЙКА Д. Свет вершин. Стихи	5
НИКОЛАЕВА О. В том роднике — огонь. Стихи	7

Проза

ЗИГМОНТЕ Д. Проклятие. Роман. Окончание	11
---	----

Кафедра

СТРАДЫНЬ Я. Виновата ли наука!	62
--	----

Фантастика

ВАРШАВСКИЙ И. Последний кит. Кукла. Рас- сказы. Вводная статья А. Балабухи.	66
ПОЛОЦК И. Рейд. Рассказ	74

Публицистика

КОВАЛЕВСКАЯ Л. «Мы сами ничего не знали». Новоселье	79
--	----

Правовой аспект

ФЕЙНИЕКС А. «Высший суд» — и не только о нем	88
---	----

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК КП ЛАТВИИ.
РИГА

(см. на обороте)

В НОМЕРЕ (окончание):

Культурология

ЦИВЬЯН Ю. Исторический Фильм и динамика власти: Троцкий и Сталин в советском кино 98

Обзоры, размышления, рецензии

СКУЕНИЕКС К. Что мы унаследовали? Латышская поэзия 1987 года 102

Год Блауманиса

КРУПНИКОВ П. Остзейцы и Рудолфс Блауманис 109

Письма, дневники, воспоминания

ЗОРИН М. Последний чай со Шкловским . . 115

Искусство

ЯКУБАН А. Карикатура защищает природу 123

Книжная полка

САЖИН В. Повторное приглашение . . . 125

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

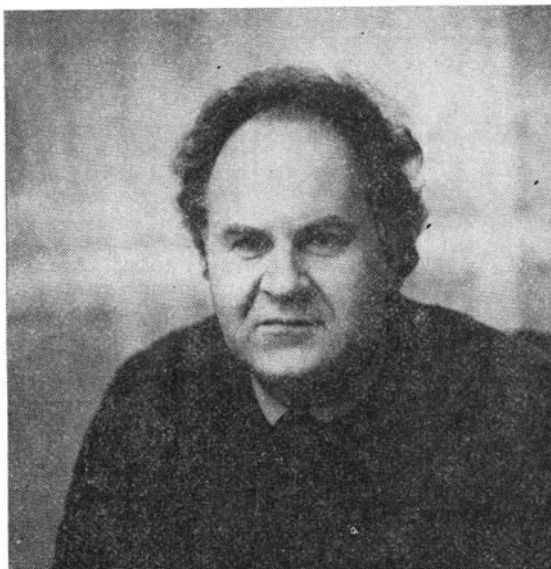
Главный редактор.
Владлен ДОЗОРЦЕВ

Редакционная коллегия
Юрий АБЫЗОВ, Виктор АВОТИНЬШ (отв. секретарь), Людмила АЗАРОВА, Астрида АЛЬКЕ, Улдис БЕРЗИНЬШ, Николай ГУДАНЕЦ, Юрис ДИМИТЕРС, Вика ДОРОШЕНКО, Вячеслав ИВАНОВ, Марина КОСТЕНЕЦКАЯ, Петр КРУПНИКОВ, Григорий НИКИФОРОВИЧ, Янис ПЕТЕРС, Кнут СКУЕНИЕКС, Ян СТРАДЫНЬ, Янис СТРЕЙЧ, Роман ТИМЕНЧИК, Леонид ЧЕРЕВИЧНИК (зав. отделом), Адольф ШАПИРО, Андрис ЯКУБАН (зам. главного редактора).

Редакция
Сергей КОЛЬЦОВ, Илан ПОЛОЦК, Вадим РУДНЕВ

Витаутс ЛЮДЕНС

Латышский поэт ВИТАУТС ЛЮДЕНС родился в г. Елгаве в 1937 г. После окончания средней школы работал в МТС слесарем и комбайнером, учился на историко-филологическом факультете ЛГУ им. П. Стучки, работал литконсультантом в журнале «Лиезма», зав. отделом поэзии в газете «Литература ун мансла». Издал 11 сборников стихов, среди них: «Взлетные полосы солнца» (1966), «Тридцатилетние глаза» (1969), «Грамоты на бересте» (1973), «Сонеты Усмы и Межитие» (1975), «Лодка» (1984), «В своем доме» (1987). Выпустил 10 сборников стихов и ниигу пьес для детей. В переводе В. Люденса изданы книги стихов для детей И. Тонмановой и Г. Виеру. Переводил гимны Ригведы, стихи Б. Пастернака, А. Жунауснаса и других поэтов. Стихи В. Люденса переводились на языки народов СССР и зарубежных стран. В переводе на русский язык вышли книги стихов: «Пылающий луг» (1973), «После бури» (1978); стихотворные сборники для детей: «Хвост павлина, хвост лисички» (1970), «У дроздихи шесть дроздят» (1975).

ДОМ ВЕТРА

Перевела Ольга НИКОЛАЕВА

ЛАСТОЧКИ

Дни — словно ласточки. Напрасно
Их взвешиваешь на весах.
Онн качнут твою березу.
Онн свободны в небесах.

Но им нужна любовь. Ведь хрупки
И сван солнечных пустот,
И звезды без нее — скорлупки,
И вся она — в тебе живет.

Твое здесь тихое сиянье
Цветет невидимо для глаз.
А в нем и рая обещанье,
И ад не устрашает нас.

И миру выше не подняться,
И нового под небом нет.
Лншь ласточкам сквозь ветер мчаться,
Все дальше унося свой свет.

ЗВЕЗДА ПРОХОДИТ СКВОЗЬ МЕНЯ

Сквозь — звезда проделась —
Сделалась поленом.
Сквозь тебя прошилась —
в пламя превратилась.

Той горячей пряжей
связанные, — пляшем.
Красных углей ритмы,
вместе с ритмом пепла.

Закоптила копоть
чайники с котлами,
только звезды блещут —
копоть не достала.

Дома стены теплы,
дома крыша греет,
что угодно вымыть
теплому нетрудно.

Того не сказали,
догадались сами, —
очаги, как звезды,
Только что земные.

* * *

Силы твоей и моей
Напряженная тишина.
Дать ли другое имя? —
Только она НЕЖНА.

Безмолвное утешенье
рук твоих и моих.
Искать ли определенье
ДОВЕРИЮ, что меж них?

Молчим. И только дыханье
мое парит над твоим.
ЖИЗНЬ. Другого названья
этому не дадим.

* * *

Божья коровка на горку
Летом бредет по кустам.
Темно-зеленая музыка
С божьей коровкою там.

Дом ветра, пестрый и узкий.
Здесь каждая тропка крута —
Завязывается в узел.
Вернусь ли, взобравшись туда?

КОСТЕР

В жизнь — на костер. Еще стою у края.
И хищно пламя, словно птичья стая.
Но я не крот, чтоб в глубь земли зарыться.
Щекам и лбу легко воспламениться.

Сбежать ли в осень? В стужу без движенья?
Сломалась ветка о мое плечо,
Горящая. Но жернова забвенья
Стирают все, что прячется еще.

Песком ли сделаться и по ветру кружиться?
В лице ли каменном свое укрыв, укрыться?
Мускулатуру звонкую сковать?

Но трудно мне внимать самообману.
Внутри огня, шагнув, спокойно встану.
Плащ пламени пора на плечи взять.

Дагния ДРЕЙКА

СВЕТ ВЕРШИН

Перевела Ольга НИКОЛАЕВА

* * *

Не льет. Какая красота! Какая тишь.
Уж сохнет площадь. А казалось — тонет.
Пуст рынок. Ветер из щелей и ниш
Пучки соломы деловито гонит.

Как лебеди измятые, листы
Летят, бумажно крыльями шурша.
И на асфальте «классы» и кресты
Выводит девочка, цветной мелок кроша.

Молчи. Не разглажься. Все уже
Подсчитано и продано на вес.
Закрывают будки. И, с грошом в душе,
Спокоен, мелкий торжествует бес.

* * *

В то утро, как вся даль туманами омылась,
Когда глядели в нас глаза пустые окон,
К тебе лицо мое измученно стремилось,
В слезах. Но в облаке недремлющее око

Еще сильнее, опять неудержимо
Влекло к земле, на грудь, песком набитую,
Ни солью слез, ни грозами не сытую.
И в сумерках, когда на клочьях дыма

Остывшего проснусь, с того мгновенья...
Мир дому твоему. Оставь заботу.
Уж никому не оплатить по счету
То тяжкое, сквозь слезы, озаренье.

* * *

Когда свою нить старательно
Паук-крестовик потянет,
Я знаю: я ведь сестра ему,
Он ненавидеть не станет.

Латышская поэтесса, прозаик, переводчик **ДАГНИЯ ДРЕЙКА** родилась в Риге. Окончила Латвийский государственный университет им. П. Стучки — отделение французского языка и литературы факультета иностранных языков. Издала сборники стихов: «Карие звезды» (1971), «Лунатизм» (1975), «Дельта» (1982), «Долина в Цветах» (1986), книгу прозы «Рассказы и саги» (1981). Переводила стихи и прозу русских, французских, английских, югославских писателей, пьесы для театра («Эрнани» В. Гюго, «Шантеклер» Э. Ростана). Стихи Д. Дрейки публиковались в переводе на русский, украинский, армянский, польский и другие языки народов СССР и зарубежных стран.

В ТОМ РОДНИКЕ — ОГОНЬ

* * *

Солнце высокое, Феб лучезарный!
О, равнодушной и неблагодарной,
И неверна, легковерна и зла, —
Так я ту, прошлую жизнь прожила.

Солнце в тетрадь мою падает справа.
Так лебедой зарастает потрава,
Войн и охот зарастают следы.
Милое солнце качают пруды.

Осень. Но ясные множатся блики.
Словно угодников чистые лики,
Радостно чтимые в радужной тьме,
Искры несметные сеют в уме.

В сердце и в зеркале звон миротворный.
Выжжены заросли поросли сорной
Лавой вулкана, плеснувшей во тьму
Ребер и струн в лучезарном дыму.

* * *

Море всегда вдали.
Берег — всегда с тобой.
Я для тебя — Залив,
Ты для меня — Прибой.

Рушится — молодым,
Вспенился, тороплив!
Руки! — живой воды
Ты для меня прилив.

Жду я их, расстелив
Водорослей сады,
В вихрях, что груди дюн
Стиснули, властелин!

Жемчуг бери, коралл!
Море, не умирай,
Грузы свои в ладью,
Сети свои убрав.

Только бы не отлил!
Стенами до луны,
Дюны не утолив,
Волны вознесены.

Это качанье чаш —
Падаю и парю.
Плача я и шепча,
Ветры заговорою.

Русская поэтесса
ОЛЬГА НИКОЛАЕВА
родилась в Ленинграде. С 1965 года живет и работает в Латвии. Училась на филологическом факультете Тартуского, затем — Латвийского государственных университетов. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Сельская молодежь», «Даугава», «Таллин», в альманахе «Поэзия и других изданиях. Выпустила три сборника стихов: «Немеркнувший сад» (1976), «Живые искры» (1980), «Высокая горница» (1986). Пишет литературно-критические статьи о латышской и русской поэзии. Переводила стихи Аспазии, О. Вацietиса, Д. Авотыни, К. Скуениекса, В. Люденса, М. Чаклайса, Я. Рокпелниса, Д. Дрейки, А. Айзпуриете и других латышских поэтов.

Плетки штормов прощу,
Сушею укрощу,
Бури разверстый рот,
В гневе разбитый флот.

О, возвращайся вновь,
Моря и рев и ярь!
Маятником волны —
Ты ли, любовь? — ударь!

* * *

Теплое, осмелев,
Море у ног земных.
Крыльями — по скале,
Волнами — у колен.

Ласково по волне
Вскидывая свой взгляд,
Ластится и ко мне
Видимая земля.

Сбрасывай маскарад,
Серая льдов кора!
Радуется корабль
Странам ее, мирам!

Бочки свои смоли.
Залили — и смели.
Спали бы и летя
С палубы до земли.

Страшно тебе — бросай
Страстные паруса!
Взвихрясь в пылу коррид,
С брамселями сгорит!

Море! Весенний вест
Чайкам не надоест.
Мало твоих снастей
Буре моих страстей.

* * *

Сумеречною бабочкой,
Крыльями волочась,
Нежно ладонь царапая,
Лапками копошась.
Словно в сухом и теплом
Спать ложась лепестке,
Одна рука замирает
В другой дорогой руке.

Но словно волна рождается,
Ответной волны ища, —
Когда она пробуждается,
Волнуясь и трепеща.

Ладонь — ладони другой:
О, холм, изгиб дорогой!

Пальцы, яская пясть:
В руку — ручьями впасть.

Податливых пальцев струи —
Целебные, как поцелуи.

К устью струясь, к запястью,
Сжав жилку, к какому счастью
В пламени вен скользят? —
Жизнь! ты не жгись, нельзя!

Объятье.

Обморок рук.
Ты — русло мое. Ты — струг.

Ладони — ладонь другая:
Ты нежная, ты дорогая.

Вечно друг к другу плыть.
Руки из рук поить.
В том роднике — огонь.
И не разжать ладонь.

* * *

Одинока, смела, бела,
На ущербе луна плыла,
Зарываясь лицом в бурун,
Как бегущий с горы Гарун.

Огибая мглу изб, в глубь глыб,
Губ изламывая углы,
Схлынь, неслыханная! Спасла.
Словно лань от хлыста, ушла,
Как пловец, вперед головой,
Между облачною пахлавой.

Похвала моя, славь посла!
Если б звезды она пасла,
То не падали бы с небес,
Словно всадники с седел — в лес.

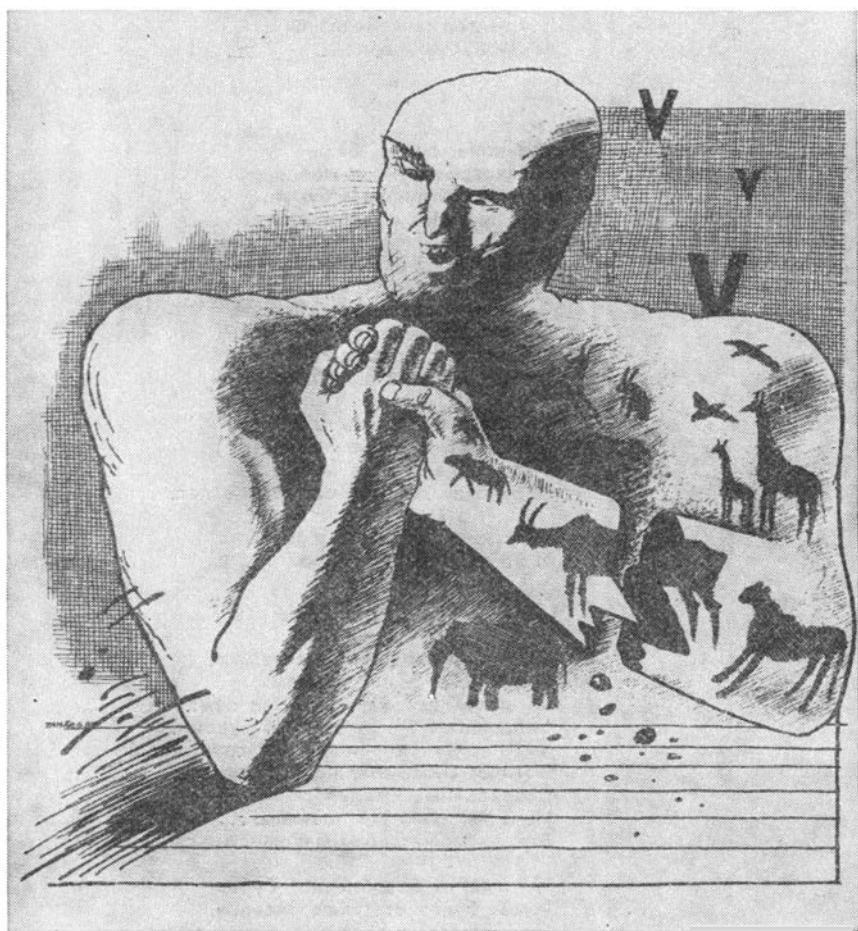
О, руки твоей мрак и ток!
И не видел меня никто.

* * *

Стоя, он погружается в землю.
Голова его — за облаками.
Он огромный, как мир. Над землю
Свод небесный он держит руками.
Как подняться к нему? Как спуститься?
Помню: вновь ему надо родиться,
Стрекозиные крылья снимаю —
Ночь великая! Не понимаю...
Как он может во мне поместиться?..

И тогда, от безоблачной бури
И как будто от землетрясения,
Накреняется к травам пространство,
До небес расширяется сердце!

И потом, голова с головою
С целым миром покоясь на ложе, —
Словно в лодке по вечности! Лежа,
Он на Север и Юг — бесконечен.
В центре — полюс его раскаленный —
Там, в груди его — молот тяжелый.
И уже сверхъестественной силой,
Словно в русле, весь мир поднимаю —
Реку, полную звезд, и великим,
Но как будто младенческим криком
Сам своим он внезапно разбужен! ..
Так деревья взлетают со стоном! ..
Я женою была. Он — мне мужем.

Тамара Сергиенко (Рига)

ПРОКЛЯТИЕ

Р о м а н

Перевела Вика ДОРОШЕНКО

Лесник доводился Карлу дальней родней.

Карл никогда этим родством не пользовался — и тогда, когда можно бы без форменного разрешения свалить дерево или просто нарубить для загона жердей. Он шел напрямиком в лесничество и платил по таксе сколько следует. Когда он однажды явился с разрешением на рубку, лесник ему сам заметил, что из-за такого пустяка Карлу не стоило ходить к лесничему, но Карл и бровью не повел, а сказал — спасибо на добром слове, но столько заплатить хозяин «Лайнтов» еще в силах. Зачем же родичу брать грех на душу.

— Будет случай — и придется взять, — возразил лесник.

— Ну если такой случай будет, я про тебя вспомню.

Время шло, а случая такого не было и не было и казалось — не будет. Поэтому лесник искренне удивился, когда в один прекрасный день во двор к нему зашел Карл и сказал — им надо бы поговорить, найдется ли у родича время?

— Должно найтись, — отвечал лесник.

— Я хотел бы с тобой погулять, — продолжал Карл. — Больно хороший денек.

Они прошли уже порядком, а разговор

еще не начался. И вот на одной травянистой опушке Карл остановился и спросил, известно ли родичу, что старшему сыну Лайнтов нынешней осенью идти в армию.

— Так он уж такой большой? Да, мы стареем, дети растут. Ну, тебе их бог дал вон сколько. Одного отпустишь служить господам, другие останутся.

— Я его не отпущу.

— Так, так.

— Мои дети в солдаты не пойдут, — веско заявил Лайнт.

— Как это так?

— Я у тебя совета хочу спросить.

Ага, подумал лесник, тот самый случай видно и настал.

— Мой совет, что мой совет против приказов важных господ.

— Твоего совета достаточно. Я на твоём участке присмотрел одно место и хочу там вырыть землянку.

— Да ну, не военное же время, — суесловил лесник, а сам уже чувствовал, куда тот клонит.

— Хуже военного. Юрия хотят забрать в армию, а забрать не смогут — исчез и все тут. На время, на сколько понадобится. Я не прошу, чтобы ты Юрию сам помогал. Только закрой на это глаза. А место — на берегу Ирбе, от пути твоего обхода оно в стороне. Не твоя забота, что там на побережье делается!

Лесник качал головой. Ружье он снял и положил к ногам.

— Ну, родич?

— Не так это просто, — наконец проговорил лесник. — Я в ответе за всякое место в моем обходе, и за берег Ирбе тоже...

— Потому я с тобой и говорю. Устрою там этакое... гнездо, — Карл усмехнулся, — и никто его не заметит, если только с целью не налетит. Ты же не налетишь?

— На что мне... Но почему твои сыновья не могут служить? Все служат.

— Мои сыновья не будут!

— Не хотят что ли?

— Я не хочу, — сказал Карл. — Другие смеются, когда я говорю, что я король. И над моими сыновьями будут смеяться. Допустишь ли ты, чтобы над ними смеялись?

— Нет, смеяться действительно не след, — согласился лесник. — А землянка будет точно маленькая?

— Маленькая.

— А если, — сказал лесник, снял свою зеленую шапку и пригладил рукой волосы, — если господа осенью устроят охоту?

— Ты первый узнаешь, когда будут готовить охоту, — сказал Карл. — На несколько дней парень может приткнуться где-нибудь еще. В сараях на лугах, скажем.

— Сарай на лугах хорошее место. — Лесник вертел в руках шапку. — Так пусть он... в сараях!

— Но там будет холодно. Зимой там будет сильно холодно.

— А ты думаешь — и зимой?..

— Пока ему будет грозить опасность. Пока не пройдет его очередь.

— Ну прямо как в рекрутские времена, — усмехнулся лесник. — Но после Юрия ведь и другим твоим сыновьям подойдет срок! И знаешь, если высокое начальство задумает, оно может взять твоего Юрия в любое время и вне очереди.

— Ну так мой Юрий будет жить в той землянке пять лет.

Лесник сидел сгорбившись. Карл откашлялся и спросил:

— Так как же? Будешь ты ходить вдоль Ирбенского берега?

— Если нужда не заставит — не буду. Потому что ты мне родня. Потому что ты не ходил ко мне клянуть дрова и дерево для поделок... но лучше бы уж клячил, это бы я тебе охотнее разрешил. А знаешь ты как холодно у реки, когда придет зима?

— Зимой везде холодно. Мои ребята не избалованы. И должны делать то что велю я. Они сыновья короля.

С лесником Карл расстался как и подобает мужчинам, они договорились почти обо всем. И когда Карл вышел в обратный путь, на душе у него было спокойно.

Снег выпадать не спешил, и все же осень была холодней обыкновенного. Но может быть так только казалось? Юрию, который мерз, и домашним, которые о нем думали.

Карл навещал сына сам, обычно под вечер. Тогда хозяин Лине коротко говорил:

— Иди собери что-нибудь. — Карл брал узелок и уходил в сумерки — один, без собак. Отнесет сыну еды, немножко посидит, но долго сидеть ему некогда, такое сидение было бы чистым баловством, этого еще не хватало, чтобы король Лайнт своих детей баловал! Они должны расти сильными. Юрий брал принесенное и говорил спасибо, отец даже не отвечал. Он сидел на пороге землянки и смотрел, как течет река. Он не спрашивал, не холодно ли сыну, не страшно ли сыну одному по ночам — это было бы признанием в мягкотелости. А раз не спрашивал ни о том ни о другом, то говорить им было не о чем, помолчат вместе немножко и все. Потом Карл вставал и говорил:

— Ну так до следующего раза, там видно будет когда.

Однажды вечером Карл вышел из дома раньше и возвращался тоже раньше, он решил дать круг вдоль дюн, сам не знал почему — хотелось увидеть море и дюны. Тут он в лесу услышал яростный лай, но голос собаки показался знакомым, и правда — в двух десятках шагов навстречу выбежал Муст и, увидев хозяина, сконфузился весь, до самого кончика хвоста.

— Это что такое? — сказал Карл. — Ты что здесь делаешь, шляешься, а? — Конечно, здешние собаки не только шастали по девкам, иногда они так просто пробегутся по лесу и кто знает, повезло ли им, собаки об этом не рассказывали, а хозяева особого любопытства не проявляли. Вот Карл и спрашивал свою собаку, и тут они услышали в лесу какой-то треск — уж не

зверь ли какой? Нет, это шаги человека, притом бегущего человека.

— Муст! — крикнул хозяин, указывая в сторону шума, однако пес и думать не думал туда бежать, он деловито помахал хвостом: хозяин, я знаю, хозяин, свои!

Лайнт покачал головой. Шум в лесу удалялся. Карл сделал несколько шагов в том направлении, однако махнул рукой и двинулся к дому, у него пропала охота выйти к морю. Муст пропустил крупной рысью, и Карл догадался, что пес кого-то провожал. Карл только не узнал кого — когда он пришел домой, там все было как обычно. За ужином он упомянул о происшествии в лесу, и никто ему на это не ответил, Карл оглядел всех своих домашних, но те склонили головы над мисками с кашей — не ниже ли, чем обычно? Особенно занята едой, казалось, Анна. Карл искоса на нее взглянул, однако не сказал ни слова.

Анна сегодня не встретила Улиса, а именно сегодня ей так хотелось его видеть. Отец нагрязнул, хорошо еще что там вертелся Муст, вовремя предупредил. Что бы Анна сказала, встретивши отца? Она не могла предстать себе. Самочувствие было какое-то странное, во всем теле ужасная слабость, весь день у нее кружилась голова, в лесу один раз она чуть не упала без сил.

Что с ней случилось?

Анна не знает, она надеется что не знает, она очень страшится своих предчувствий. Хотела спросить у матери, но в последний момент прикусила язык. И решила сказать Улису — но тут откуда ни возьмись отец, и Анна убежала домой, за ужином она сидела опустив глаза в миску, и ей виделись багровые стволы сосен, мимо которых она прятаясь бежала.

Улис...

Завтра же она должна с ним встретиться. Надо поговорить. Пусть Улис что-то посоветует.

Когда Анна ему сообщила, Улис даже приоткрыл рот от неожиданности.

— Ты уверена?

Анна кивнула. Теперь она даже слишком уверена.

— Мать тоже сказала, — обронила она, отворачивая голову.

— Да, — проговорил Улис.

— Вот так, — сказала Анна, очень спокойная. На душе у нее совсем не было спокойно.

— Вот тебе на, — протянул Улис. Они стояли друг против друга и просто не знали что делать со своими руками, что говорить, в голове вертелись обрывочные, бессвязные мысли: да, вот так, к несчастью так. Анна на Улиса не сердилась, что он не обрадовался; сама-то она разве случившемуся рада?

Далеко в лесу долбил дятел. Улис помаленьку приходил в себя.

— Не горюй, Анна, мы найдем выход.

— Должны найти, — тихо сказала Анна, теперь она осмелилась посмотреть на Улиса благодарным взглядом.

— У меня только очень уж мало денег, — услышала она голос Улиса. — По правде сказать... совсем нет.

— Ты же обещал копить.

— Да, но дома всегда столько дыр! Слушай, Анна, можем мы подождать до весны? Сейчас, зимой... куда рыбаку зимой податься? Один бы я еще как-нибудь... а с тобой?

— Теперь уж не со мной одной, — отвечала Анна, пытаясь улыбнуться. — До весны ждать все же нельзя.

— Мать так сказала?

— Да, и мать так сказала.

Улис вздыхает, сквозь сосны глядя на море.

— Сколько денег теперь от лова выручим, — заговорил Улис, — я скажу — я забираю все.

— Ты скажешь, а тебя послушают?

— Должны послушать! — Улис обнял Анну за плечи. Он думал — жаль, что случилось это теперь, осенью. Весной было бы легче, весной все легко, легко дышать и легко жить, даже о том горевать не надо, где взять крышу над головой. Хотя Анна правильно говорит — теперь ведь их будет трое и этого третьего вряд ли уложишь под сосной.

— Только не горюй, — просил Улис. — Когда больше нельзя будет, приходи ко мне.

— А отец? — спросила Анна, и Улис знал, чего она не договорила: они ведь мечтали уйти куда-нибудь далеко-далеко, где их не настигнет рука и гнев хозяина «Лайнтов». Но сейчас он не мог Анне этого дать и обещать.

— Когда увидит, что ничего нельзя сделать, твой отец примирится. Ведь не дикий же он зверь. Когда узнает, что у тебя ребенок...

— Ребенку он не обрадуется, — малодушно ответила Анна. — Ничего я не хочу отцу говорить. Не надо, мать тоже так думает.

— Так будем жить по-старому?

— Надо жить. И если я тебе еще не противна...

Улис досадовал, что это случилось, что это случилось теперь, еще осенью, но Анна не стала ему от этого менее дорога. Когда они расставались, он чувствовал, что любит Анну еще сильнее. У них будет ребенок. У них обоих. И они все же уйдут куда-нибудь далеко и там будут счастливы, они будут любить друг друга и своих детей.

Потом снова пришла маленькая, злая, насмешливая мысль — счастливы? Когда это будет, когда вы будете счастливы? У тебя и лата нет за душой и ее отец готов палкой выгнать Анну из дома... Она как-то сказала — он ее бы убил. Нет, Улис этого не допустит. С Анной ничего не должно случиться.

Но... их нищий домишко, их «Дюны» посмешище, а не хутор... Который уж год отец обещает копить деньги на строи-

тельство нового дома! Не строит нового, так хоть починил бы старый! Особенно щедр он на посулы, когда воротится из корчмы, тогда он герой, у него такие планы!

Он шел домой и думал — жалко, что уговорились никому ничего не рассказывать. Улису казалось, что нужно рассказать и его матери, раз уж Аннина мать знает. Но Анна так разволновалась, она даже задрожала и просила-умоляла: нет, нет, говорила она, ни в коем случае, а то мой отец узнает! Что моя мать — болтуня? Улис даже обиделся.

— Я не знаю, но... нет, нет!

— Ты так ужасно боишься?

— Ты просто понять не можешь, как я боюсь, — призналась Анна.

В поселке знали, что Юрий исчез из дому, в поселке только не знали куда он делся и с бóльшим почтением стали смотреть на хозяина «Лайнтов», он, что ни говори, человек особенный, не чета другим! Карл снова добился своего, он мог этим гордиться и тешил этим свою совесть, когда вспоминал землянку и Юрия, когда вздохи жены стали повторяться слишком часто. Взрослый парень, не птенец какой-нибудь, авось не замерзнет. Если мать хочет, пусть даст еще одно покрывало, или сундуки в «Лайнтах» опустели?

Не опустели, есть покрывало, а если б не было, Лина сама бы села за станок и соткала... хотя сегодня и в деревне в домах все покупные, все покупные.

В тот день отцу было некогда. А мать испекла свежий хлеб и настаивала — надо и Юрию. Она была согласна сходить сама и отнести, этого она видно хотела больше всего, но Карл оборвал ее коротким «нет», ничего не выйдет. Он поочередно окинул взглядом своих детей и сказал Анне:

— Придется идти тебе.

На дворе сеялся мелкий занудливый дождик. Удовольствие небольшое... но Анна сказала «да» и стала одеваться.

Юрий обрадовался гостю. Анна передала ему маленький поскребыш, какие мать обыкновенно пекла детям, в нем было запечено мелко нарезанное сало с луком, ой какая вкуснота! Теперь целый такой хлебец Юрию предстояло съесть одному. Он хотел поделиться с Анной, но та отказалась, крошку одну взяла только попробовать.

— Я дома наемся до отвала.

Юрий особенно не навязывался, ел сам так что за ушами трещало. Глядя на него, Анна думала — не так и страшно, он уже привык. На конце стола был прилеплен огарок свечи, Анна спросила — разве он по вечерам... и Юрий ответил, по вечерам нет, по вечерам он лежит, ожидая когда придет сон. И пожаловался сестре на такую несправедливость — раньше спал как убитый, а теперь никак не может заснуть, ну не ужас? Спросил, глядя на сестру своими добрыми синими глазами, и Анна ти-

хонько ответила, с ней почти то же самое и она не может уснуть.

— Отчего ж это у тебя? — встрепенувшись спросил Юрий, и Анна отвела взгляд, ой она вовсе не хотела плакать, как это с ней случилось — из глаз вдруг брызнули слезы да еще ручьем.

— Что с тобой, что с тобой? — спрашивал Юрий, но Анна не отвечала, все плакала и плакала, кто бы мог подумать, что выплакаться от души — так сладко! Юрий ласково обхватил рукой Анну за плечи, и хотя эта рука была не в силах помочь, а лишь успокоить, Анна была благодарна брату за его робкое утешение. Наконец она подняла на него глаза, и в них была непривычная нежность.

— Нет, скажи что с тобой! Отец — да?.. или дома?..

— Не отец, — ответила Анна и смахнула еще несколько слезинок, они пролились легко, как-то сами собой.

— Ну что, скажи!

— У меня будет ребенок, — проговорила Анна и наконец вытерла глаза.

Юрий ответил не сразу, или он не понял? Нет, понял, он только не находил что сказать. Он смотрел на сестру и улыбался, потом, покачав головой, сказал:

— А ты как будто бы рада.

— Да, я рада, — отозвалась Анна. — И Улис рад.

— А что вы с ним будете делать? Что вы будете делать?

— Я уйду к Улису.

— Анна, Анна! Да как ты уйдешь!

— Отцу придется меня отпустить. Улис на мне женится. Но до этого мы уйдем далеко-далеко.

— Куда это — далеко? Мне кажется, нет на свете такого места, чтобы... — Он умолк, не в силах продолжать.

— Здесь так тихо, — сказала Анна.

— Правда ведь — страшно тихо?

— И ты не можешь уснуть?

— Так тихо, что не могу уснуть. Анна, если бы я знал, как здесь будет... меня бы только связанным сюда приволокли... я думаю, и силком бы не затащили!

— Ну а теперь, — думала вслух Анна, — ты же и теперь еще можешь пойти и...

— Нет, теперь я уже не могу. Тебе этого не понять. — Лицо Юрия стало печальным. — Понимаешь, я разучился желать. Отец меня привел сюда... я ведь сам помогал строить землянку... он привел меня и сказал — «живи», и я живу.

Что ему делать? Ничего. Сидеть тут, выполняя волю отца.

Даже злиться по-настоящему на отца он не может.

Когда Анна собралась уходить, Юрий просил:

— Слушай, приходи почаще!

— Если отец пустит, — ответила Анна.

Снова отец! Такова видно участь детей Лайнтов.

Анна скрылась в прибрежных зарослях ивняка. Юрий смотрит

ей вслед. Давно уже потеряв Анну из виду, он тем не менее видит ее совершенно ясно. Видит даже, как она улыбается, продираясь сквозь ивняк, до чего же он густо нарос.

И вот он опять один... Воздух в землянке тяжелый. И с чего ему быть легким? Маленькая труба ни к черту; когда не хочет работать, выплевывает дым обратно, не продыхнуть — как в преисподней. А тепла хотелось. Юрий глотал дым, кашлял, но открыть дверь и выпустить драгоценное тепло все же боялся.

Юрий лежит в холодной темноте и кашляет. Сон ходит где-то далеко, дальше, чем Юрия когда-либо в жизни уносили ноги, сон — в другом селении и сладко смежает веки других людей.

Екаб шел домой, и на душе у него было муторно. Хотя бы на минутку завернуть в корчму... Он уже собирался юркнуть налево, но тут навстречу ему вышел сын, спрашивает — отец идет домой?

А как же, домой, куда же еще.

И они вместе пошли домой.

— Соседи утром выходят в море, — сообщает Улис.

— Значит выходят?

— Да, и спрашивали — как мы, собираемся?

— Я думаю, мы не пойдем. Такое красное небо.

— Вчера тоже было красное. — Оказывается и Улис смотрел на небо.

— И охота тебе в море мерзнуть? Зима у дверей.

— Да, у дверей, но еще не ступила за порог. Успеем зимой отдохнуть. Отец, у нас же совсем нет денег!

— Когда это было, чтобы у рыбака водились деньги! — весело отозвался отец, но, заметив озабоченность на лице сына, тоже посерьезнел. — Деньжат маловато... На что тебе деньги?

— А если мне нужно? Если я... — Улис осекся.

— Если ты жениться задумал, а? — добродушно посмеялся Екаб. Отец добрый, очень добрый. Отец такой добрый, что даже не в силах противиться злу.

— А если бы так?

Екаб даже остановился посреди песчаного проселка. Остановился и, глядя на сына, громко, радостно засмеялся:

— То-то смотрю я и вижу — мой сын вырос! Мой сын взрослый! И славно что взрослый, моя сила начинает идти на убыль...

— Так как же, отец, насчет моря? — не отставал Улис. Он почему-то был уверен, что завтра должно хорошо ловиться. Возможно соседи уговорили, этим всегда мало. Улис смотрел на отца, и отец снова думал — да, взрослый стал его парень.

— Если скажешь, кто твоя ненаглядная... тогда пойдем в море! — Екаб был в необычайно приподнятом настроении. Он всегда любил посмеяться — был бы хоть малейший повод. Сегодня, думал он, такой повод есть. И лишь постепенно становился серьезным, когда заметил, что Улис смеяться не расположен.

— А, не хочешь сказать... прежде времени, да? Ладно, чтобы я не знал... но когда-то тебе придется ее к нам привести и показать!

Улис молчал.

— Ну пусть будет так... завтра идем.

Отцу страшно не хотелось вставать, он как будто забыл про вчерашнее обещание, и когда Улис о нем напомнил, отец стал жаловаться — у него все косточки болят. Чудно, вчера не болели, а сегодня болят. Извергом надо быть, чтобы больного человека из постели вытаскивать, Улис и был извергом, он вытаскивал. Отец охал и вздыхал, даже матери стало его жалко. Ничто не помогло. Пришлось вставать.

— Ну зачем нам сегодня идти, — стонал отец. — Вечером такие были красные облака... Говорю тебе, будет шторм!

— Ни одна веточка не шелохнется, — отвечал Улис. Он уже успел во дворе разведать.

— Налетит! — предрекал Екаб.

— К тому времени мы уже давно будем дома.

Рыбаки вышли со двора «Дюн». Утро действительно на редкость спокойное, еле заметный теплый ветерок наводил на мысль скорее о тихом весеннем утре, чем о поздней осени. Отец тоже прибодрился, больше не жаловался на боли, а шагал живо-споро. На берегу уже сошлись люди, они вполголоса здоровались, одну лодку уже стаскивали в воду.

Горизонт был тепло-серых тонов. Улис подумал, как странно — по существу весна к нам осенью ближе, чем летом... Только бы зиму как-нибудь пережить и снова все зазеленеет, думал Улис, это будет прекрасная весна для него и для Анны, наверняка все устроится — как же иначе. Работая веслами, он все смотрел в ту сторону, где за дюнами и соснами стоят «Лайнты». Анна пожалуй еще сладко спит... нет, уже не спит, уже на ногах, доит коров... Вспоминает ли Улиса? Он об Анне думает неотступно. Если пораньше вернется, может быть сегодня вечером они встретятся. Смешная она — не хочет, чтобы Улис ходил в море. Если бы она видела, какое море спокойное. Женщины все такие трусихи. Не оттого ли, что хотят, чтобы их успокаивали?

Шторм начался к полудню, он не стал дожидаться, пока рыбаки управятся с делом. Буря подкралась тихонько и она свое получила.

Могло бы море взять Екаба. Он свое все равно отжил, не то чтобы стар, а... Что ему оставалось в жизни? Мог еще долго тянуть, ни живой и ни мертвый, ни работника из него, ни моряка. На берегу сможет чинить сети другим людям — для чего ему теперь свои сети? Лодку, ту старую, море разбило, оставив бывшему моряку дальнего плавания лишь пару досок, чтобы держаться, пока подоспеет помощь. Улису не оставило и того. Видимо, так рассуждал Екаб после, темным взглядом глядя на

море, видно Улиса оглушило ударом, когда опрокинулась лодка. Иначе бы он так просто не дался, парень он сокол, жену привести собирался.

Парень он сокол, это верно, говорили другие рыбаки — и те, которым в тот день посчастливилось в шторм спастись, и те, что остались на берегу и потом уверяли: они же видели, видели, что это не к добру, два вечера подряд запад горел как пожар. Чего же еще было ждать как не беды? Они чувствовали в чем-то вину перед хозяевами «Дюнь». Грянула беда, она слепая, беда ищет себе жертву, но заранее не знает, кого взять, и берет того, кто первым подвернется. Она взяла Улиса, молодого парня, который, как болтал отец, уже присмотрел себе жену. Кто ж такая, на девиц в поселке он глаза не плялил.

Имя Анны Лайнт еще не было у всех на устах.

В те дни люди часто заходили в «Дюнь», женщины — ведь они сердобольные и любопытные — и мужчины — они чувствовали себя виноватыми перед Екабом. Они даже похорон не могли устроить, море еще не отдало Улиса. Бог весть к какому его прибьет берегу. Поэтому люди просто так приходят в их хижину, женщины приносят что-нибудь — если мелочь какую, то под фартуком, а если хотят, чтобы другие их щедрость видели, то под мышкой или в корзинке. Приходят мужчины — с бутылкой пива или чего-нибудь покрепче, ведь Екабу сейчас идти в корчму не пристало. И закурят молча и мрачно выпьют по чарке, отчего на глаза даже набегают слезы. Потолкуют о том о сем и об Улисе тоже, молодом парне, которому бы жить и жить, рыбачить и рыбачить, если б не нагрязнул тот несчастный шторм.

Анне об этом сказала мать, и хорошо еще что сказала мать. А то было бы еще тяжелее.

Они были в доме одни. Анна стояла и смотрела на мать, и в глазах ее было одно недоумение.

— Что нам теперь делать! — сокрушалась мать. — Господи, что ты теперь будешь делать!

Мать смотрела на Анну. Уже было заметно, что фигура у дочери стала округляться. Что же нам делать-то, думала она.

Анна медленно-медленно подошла к вешалке, надела теплую кофту и на голову повязала платок.

— Куда ты?

— Я пойду.

— Куда же ты пойдешь? — спросила мать, а когда дочь направилась к двери, проговорила быстро, с испугом: — Только к морю не ходи!

— Нет, к морю я не пойду, — отвечала дочь. Она вышла из дому, дверь хлопнула. Мать села на конец лавки и, глядя в пол, бесцельно теребила пальцами угол фартука.

Во дворе Анна задумалась. Ей пришло в голову сходить на берег реки к Юрию, но потом она рассудила, что не стоит нести

свое тяжкое горе брату в его одиночество. Какое-то мгновение она действительно не знала куда, но потом решила пойти в «Яки» к Ульдрику. В такое время он наверно дома. Старые моряки — они если не в море, то сидят дома.

Ульдрик еще ходил в море. Однако сегодня он и правда был дома. Сестра заставила его колоть дрова. И Ульдрик это делал с кислой миной.

Он обрадовался госте, но и удивился. Обрадовался потому, что после занудной работы можно будет разогнуть спину. Удивился потому, что из «Лайнтов» гости обычно не жаловали. Он загнал топор в колоду и сделал несколько шагов навстречу Анне.

На этой девушке просто лица нет. Она смотрит на Ульдрика, но разве она его видит? Наверное все же видит — она поздоровалась. Ульдрик ответил и пригласил ее в дом. Анна за ним пошла. Ей нужно было сейчас кого-то слушаться — собственной воли она в себе не чувствовала.

Миновав темные сени, где стояли и ведра для свиней и вода, они вошли в комнату. Комната маленькая, но разве двум одиноким людям нужна большая? К тому же есть еще две каморки. На окне бесполезно растет пышный мирт, на комод, застланном красиво промереженной салфеткой, стоит искусно встроенный в бутылку корабль. У Анны болезненно дернулось лицо. Опять корабли, опять море. В этом поселке никуда не уйти от моря.

— Тебе не нравится?

— Нет, почему...

— Я, когда на него смотрю, вспоминаю дальние моря, где я плавал. Кажется давно ли это было, а на самом деле — сколько уж тому лет.

— Да...

— Ты просто так, Аннуша, — ласково спросил Ульдрик, — или может дома что случилось?

— Нет, да, нет... — отвечала Анна.

Ульдрик взглянул на нее пристально.

— С тобой что-нибудь?

— Со мной ничего, — ответила Анна очень ясно. — Со мной-то ничего. Но утонул Улис, вы слышали?

Ульдрик печально склонил голову. Он еще не догадывался, с чего Анне горевать о Екабовом сыне. Но у таких молодых добрых девушек доброе, мягкое сердце, они могут поплакать и над птенчиком, которого поймал озорник-кот.

— Что тут сказать, детка, такова жизнь рыбака.

— Я просила его не ходить в море, — тихо произнесла Анна, — а он меня не слушал. Говорил — он ничего другого не умеет.

— Ты просила?

— Да. И когда он был в море, как я ждала его возвращения! Я молилась богу. Наверное мало молилась.

Ульдрик не знал что и думать. Он слушал. И Анна продолжала:

— Мы хотели пожениться. Мой отец не разрешил бы. Но мы бы ушли куда-нибудь далеко. Так мы уговорились. И у меня будет ребенок.

— Аннуша, Аннуша...

— И когда отец узнает, он меня убьет.

— Не надо так говорить! — укорил Ульдрик. — Ни один родитель не убьет свое дитя!

— Может быть, — сказала Анна. — А мой отец убьет.

На это Ульдрику сказать нечего. Она как будто и не ждала ответа. Немного погодя спросила:

— У вас есть Библия?

— Да, — отвечал Ульдрик.

— И вы ее читаете?

Он сконфуженно покачал головой. Ему не хотелось лгать Анне. Они оба перевели взгляд на маленькую черную этажерку возле комода.

Анна сразу ее узнала. Большая черная книга, только запыленная.

— Твой отец наверное часто читает Библию?

— Теперь меньше, — сказала Анна. — Он наверно уже вычитал все что ему нужно.

— Почему ты про Библию?..

— Отец когда-то говорил — вся мудрость там есть и все успокоение.

— Тебе это вряд ли поможет. — Ульдрик задумался.

— Да, да, — согласилась Анна. — Мне тоже так кажется. Я просто хотела спросить.

— Аннуша, детка, — проговорил Ульдрик, он не находил слов, а сказать что-то надо было. — Что ты теперь будешь делать? Бедная ты девочка...

— Я не знаю, — ответила Анна, и теперь наконец у нее покапались слезы. Ульдрик взял ее за руку, подвел к лавке, посадил. Анна сидела и тихо плакала. Ульдрик вышел в кухню, взял чайник и налил из него в кружку. Сам он был большой любитель чая, особенно черного китайского, но если китайского не было, то не брезговал и настоем на разных травах, которых сестра насушила целый ворох. По-мужски неловко поднес он Анне кружку, и она пила чай, в который он не положил сахара. И ресницы у нее были еще мокрые.

Ульдрик не мог дать никакого совета. Да и что он мог придумать? Когда Анна шла домой, она сама не знала, почему отправилась в «Яки». Может потому, что идти ей больше некуда. За что они все так любят море? Ульдрик и сейчас наверно еще мечтает — сесть бы еще раз на судно и уйти в море. Но теперь вместо него ходят другие. Если бы шторм не разбил у Екаба лодку, вместо Улиса нашелся бы другой, кто бы на ней ездил. Всем это кажется само собой понятным, что морю время от

времени нужны жертвы. Для нее одной, Анны, случившееся непереносимо.

Мать стоит во дворе, уж не ждала ли она все это время? С опаской взгляделась в глаза Анны.

— Долго ходила. Где ты была?

— В «Якаха», — ответила Анна.

Мать покачала головой.

— И — сказала?

— Все и так знают.

— Все? — прямо-таки простонала мать.

Анна поняла, что мать имеет в виду, и медленно объяснила:

— Про смерть Улиса.

— А-а, — мать вздохнула с облегчением. Никто, никто из них, даже мать, себе не представляет, что означает смерть Улиса для Анны. Неужто действительно нет в мире человека, который поймет? Анне казалось, она стоит не во дворе своего дома, а на каком-то громадном, совсем пустынном снежном поле. Что человеку делать в таком поле?

— Ты это... сейчас же иди в постель, — сказала мать. — Отцу я скажу, что ты больна.

— Я и правда больна, — с трудом выговорила Анна. Мать всхлипнула. — Я хотела бы спать и спать и не проснуться, — продолжала Анна. И мать подумала: может так бы оно и лучше? Но она себя одернула за такую нелепицу, разве Анна — не любимая ее дочь? Помочь дочери она была не в силах. Вернее — боялась.

— Мы что-нибудь придумаем, — неуверенно пообещала она, но Анна больше не слушала, она пошла в дом. — Сейчас же ложись в постель, — вдогонку ей наказала мать, — я перед отцом тебя оправдаю.

В хлев мать идет одна, доит коров дольше обычного. Она бы лучше согласилась просидеть там, в хлеву, в сумерках, хотя бы всю ночь, только бы не встретиться глазами с Карлом. Как все нехорошо получилось... и не она ли тому виною? Когда узнала, что Анна встречается с Улисом... почему не запретила, не распекла на все корки, да, почему не пошла хотя бы к отцу, ему не сказала? Еще можно было наверное все спасти. Что она думала тогда, да и потом? Хотела дать Анне погреться на солнышке? Но это солнышко, она же знала, рано или поздно затянут тучи. Так оно и вышло.

Он убьет Анну, а может и меня тоже.

С бьющимся сердцем возвратилась она домой, и еще на пороге ее встретил нетерпеливый окрик Карла:

— Что это сегодня делается, поесть не дожدهшься! Все в доме больные что ли?

Лиана не ответила, быстро прошмыгнула мимо мужа. Когда ужин дымился на столе, отец спросил:

— Где Анна?

— Хвораєт, горит вся в жару... Я сказала иди ложись, чтобы совсем не расхворалась. Простыла, сейчас погода такая...

Карл не ответил, он поварешкой черпал из миски кашу.

— Вот еще новости, теперь пойдут болеть. Как же Юрий в таком холоде не болеет?

— Скоро заболєет, — неожиданно колко ввернул Вилис и сразу осекся. Отец бросил в его сторону злой взгляд, однако ничего не сказал. Ясно, мальчишке жаль брата. А Карлу не жаль? По ночам ему кажется — в комнате невыносимо жарко, он сбрасывает одеяло, а бывают минуты — он хотел бы быть на месте Юрия в холодной сырости землянки. Но ничего не сделаешь, нельзя парню оттуда уходить. Он надеялся, Юрий это понимает. Когда он при встречах спрашивал сына, как тот себя чувствует, Юрий, отворотив голову, бурчал сквозь зубы — что же тут можно сделать. Верно, нельзя. Зато ни один вшивый капрал не муштровал королевского сына. Вчера, когда Карл зашел в поселок, люди, казалось ему, смотрят на него с почтением. Король он и есть король, когда-нибудь и здесь медные лбы это поймут.

— Отнеси же Анне что-нибудь поесть, — распорядился он, когда кончили ужинать.

— Много ли больному нужно, — вздохнула Лина. — Разве что кружку молока.

— Отнеси кружку молока, — согласился Карл. — Заглянуть пожалуй к ней надо, а?

Лина не посмела отговаривать. И отец с керосиновой лампой в руке зашел в темную девичью комнату, где лежала Анна уткнувшись лицом в подушку. Отец поставил лампу на шаткий столик, тяжело сел на край кровати.

— Что это ты болеть надумала? — Он провел рукой по лбу дочери. Лоб был совсем прохладный, что это Лина болтала — та горит точно в огне? Уж не вздумала ли Анна полодырничать? Он так напрямик и спросил у своей любимой дочери, ведь дома же должен быть порядок.

— Сейчас уже лучше, — проговорила Анна в подушку, она никак не хотела повернуться к нему лицом.

— Смотри у меня, — произнес отец. — Валяться в кровати последнее дело.

Анна промолчала, и отец, тихо покашляв, взял лампу и пошел вон. Слава тебе господи, уходит! Анна не знала, сумеет ли дольше выдержать. Только в двери он еще обернулся и на удивление мягко сказал:

— Если тебе чего особого захочется... только скажи матери, она все принесет. Ты мне дорога, Анна.

Отец удалился, а с ним и желтый круг света от лампы. В темноте Анна широко раскрыла глаза, и у нее снова ручьем потекли слезы.

Отец велел Лине дать дочери поваляться пока не выздоровеет. Теперь Анна могла лежать, отдыхать, и это ей было совсем не в радость, с ней произошло в точности то же, что с Юрием там, у реки, ей была предоставлена свобода и эта свобода была ей горше смерти.

Смерти? Смерть?

Нет, смерть для Анны еще пустой звук, хотя Улис и был потерян. Не умер, именно так — потерян.

Какая странная у них, у Лайнтовых детей, судьба. Самый богатый дом в округе — и самый несчастный. Анна вздрогнула, как подумала, что со временем в землянку придется идти и Яну с Вилисом, отец не отступит, нет, не отступит. Странно, что в тяжкие для нее дни Анна много думала о других детях Лайнтовых, о том, что младшие остались без школы, а старшие должны подчиняться непререкаемой воле отца... Да, но разве землянка хуже того, что ожидает Анну?

Что ее ждет? Анна не могла себе представить. И ворочаясь в постели, не больная и не здоровая, она вспоминала встречи с Улисом, иногда все прошедшее казалось таким близким, протяни только руку и из темноты выйдет ее любимый, и окажется, что все по-прежнему и Улис вовсе не погиб... а порою казалось, что счастье с Улисом ей лишь пригрезилось в длинном и прекрасном сне длиною во все прошедшее лето. Под конец она уж перестала понимать, что прошло, а что есть и сегодня, в комнате был вечный сумрак, мать завесила окно шерстяной тканью, свет не на пользу больному человеку, и если бы отец зашел при свете проведать больную дочь, он бы сразу углядел, что Анна опять плакала.

Целых десять дней она так промучилась, больше не могла — встала, и никто не удивлялся, что Анна бледная, разве поднявшийся после болезни человек может быть румяным как дикое яблоко?

— Ты только отцу не попадайся на глаза, — без устали твердила мать.

Делать что-то по хозяйству ей-богу же было легче, чем лежать. Если работа и не могла залечить ее раны, то все же позволяла на какое-то время забыть. Ребенок в ее чреве пока еще не слишком давал о себе знать, головокружения бывали и проходили, тошнота как будто унялась. Анна делала все что придется, теперь она не избегала никакой работы, и отец хвалил ее за усердие. Лучше бы не хвалил! Он конечно не знал, как тяжело это Анне слышать, и удивлялся, какая дочь тихая — в ответ даже не улыбнется. Да, Анна растет работящая, радовался про себя отец. Ему очень хотелось выказать свое удовольствие, и Анна от этих его слов горела как на медленном огне. Один раз отец сел рядом с Анной — она за столом чистила сухую фасоль.

— Ты еще не совсем поправилась, дочка? — спросил отец, и

Анна от этих слов съежилась. Отец испытующе взглянул на нее долгим взглядом. Господи боже мой, он ничего не заметил! Нет, он смотрел любовно, озабоченно.

— Ты стала бледная.

Что было бы, ой что было бы, если бы Анна бросилась отцу в ноги — она именно так подумала или же вспомнила слышанные где-то слова «броситься в ноги» — и высказала бы все, все? И сказала бы, что любила Улиса и они хотели пожениться, и теперь...

И теперь она ждет ребенка. По спине у нее побежали холодные мурашки. Никогда, ни за что.

Но ведь когда-то же это станет видно?

— Ты мне скажи, если у тебя в чем затруднение, — проговорил король «Лайнтов». — Скажи мне, я этого желаю. Всегда надо говорить все как есть. Только не лгать и не прятаться, это никому не к лицу. А тебе, моей дочери, и подавно.

Не лгать и не прятаться, как Анне этого хотелось! А придется и лгать и прятаться!

Ох если бы можно было совсем спрятаться!

Выпал снег, первый раз в этом году. Когда Анна, выйдя утром во двор, увидела широкое белое покрывало, которым ночь незаметно одела землю, она подумала — как теперь земле будет хорошо и покойно вплоть до ранней весны, когда снег начнет таять. Долгие дни отдыха, долгие дни покоя. Когда они наступят для Анны? В хлеву она села под первой коровой и стала доить, и молоко журчало в подойник весело, радостно. У одних был отдых, у других была радость, и между всеми ними бедная Анна, которой тоже хотелось радости и покоя.

Дитя в ее чреве росло, оно уже шевелилось. Анна вспомнила, что слыхала о неблагополучных родах, когда рождался мертвый ребенок и тогда все жалели бедную мать... Если бы с ней так получилось! Нет, Анна вовсе не зверь, она всей душой любила бы свое дитя, но ей этого не позволят. И погиб Улис. Достанет ли у нее сейчас сил выносить ребенка? Порой она в этом сомневалась. И постоянно над ней висит черный страх перед известным и неизвестным, и она съеживается всякий раз, когда слышит отцов окрик, да просто резкое слово, хотя сказанное и не ей.

Отец не позволил Юрию прийти домой, хотя обещал. Для матери это было еще одним горем. Которое из двух больше? Она не знала. Выпавший снег таять не собирался. Мать думала о сыне, потом снова о дочери, почему они в «Лайнтах» такие несчастные. Когда она спросила у Карла — как же с Юрием, он только глянул из-под густых бровей и не счел нужным ответить.

Однажды к Юрию пошли сразу два гостя. Янка и Вилис. День был серый, но холод не слабел, облака тянулись от моря с тяжелыми мешками на спине.

Юрий ребятам обрадовался. Но вид у него нездоровый, это заметно сразу. Глаза ввалились, сам то и дело кашляет.

— Это дым, — оправдываясь говорит он. — Тяги нету, труба выплевывает его назад. Здесь хуже чем в риге. А если не топить, замерзнешь.

В воздухе держался стойкий запах дыма, хотя печурка была холодная.

— Давай затопим, — предложил Вилис. Юрий пожал плечами. Если брат хочет, пускай топит. И тот действительно взялся bravо и немного погодя победно воскликнул:

— Ну видишь, назад совсем не шибает.

— Это сначала, — Юрий знал лучше. — Потом все равно хоть беги.

— Да, — протяжно заметил Ян. — В солдатах ей-ей тебе было бы лучше.

— Ясно что лучше. Но теперь уже поздно. Иногда я прямо-таки жду, чтобы меня нашли. Пускай сажают куда хотят, пускай сажают в тюрьму. Тут я скоро сойду с ума.

— Лесник, — вспомнил Вилис. — А лесник здесь ходит?

— Лесник все знает и обходит это место стороной, — объяснил Юрий. Помощи ему ждать неоткуда. Гости печально переглянулись. Как старший брат изменился! Еще летом он был бесспорно их вожаком и верховодом, охотно пошутит, посмеется. А теперь кукует здесь как старый старик, не в морщинах ли у него лицо? Нет, так только показалось.

— А как дома?

— Анна тоже как в воду опущенная... Пролежала больная, сейчас ходит, ничего перед собой не видит. Никакой дома нет радости.

— Ее и не было...

— Я так думаю, — не удержался Вилис, — что у Анны что-то было с Улисом. Когда он утонул, то Анна...

Юрий ничего не знал, братья рассказывали наперебой. Конечно, отец не станет передавать Юрию вести о несчастье в поселке, а в последнее время к нему ходил только отец. Юрий слушал и думал: бедная Анна. Чем дело кончится, чем оно может кончиться? Нету нам счастья, детям Лайнтов. А отец говорит — мы королевские дети.

В землянке стало теплее, но зато и дымно. Теперь кашляли все трое.

— Лучше выскочить на свежий воздух, — сердито буркнул Вилис.

— Тут выскочишь... Замерзнешь и опять вернешься, — отвечал Юрий, и он был прав.

В густеющих сумерках гости возвращались домой. И такая осталась от встречи горечь, такая подавленность — и у Юрия, и у братьев.

Анне становилось все труднее. Еще отец ничего не знает —

ой страшное слово «еще». А дни шли чередой. Первый снег как выпал, так целиком не растаял, суровая будет зима? И выпал он в пятницу, значит по примете надо ждать целых пять оттепелей. Но может быть и так, что они приберегут себя до весны. Сейчас на полях и в лесах лежат длинные языки белого снега, а в небе растут новые облака. Еще одна зима пришла в прибрежные поселки латвийского взморья, вороны наохлившись устраивали сходки в вершинах деревьев, Анне казалось, что они говорят только о радостях ушедшего лета и жестокой скудости предстоящей зимы. Анне тоже хотелось поговорить с кем-нибудь о прошедшем лете, но ей совершенно не с кем. И она ходит молча и работает, хорошо что дел хоть отбавляй. Мать, которая сперва ее жалела, теперь изменилась. Теперь она часто винит Анну в легкомыслии; мать так боится отца! Поэтому Анна не сердится на мать за упреки. Наверно она их заслужила. Мать останавливалась среди комнаты — с веником в руках или с ведром или с тазом, с чем придется, и стояла, глядя куда-то в пространство, и потом, посмотрев на дочь, говорила:

— Что же мы будем делать! И как только ты могла!

Анна с опущенной головой проходила мимо матери во двор или же в угол комнаты. Ей нечего ответить и не хотелось отвечать. В последнее время ей не хотелось ничего. Как странно все же, что еще недавно было лето, Анна еще сегодня утром нашла два багряных листа клена, их загнало ветром в щель между оградой и сараем, там листья и остались, сейчас казалось, что они пришли из другого мира. Ой да это и был другой мир, теплый и счастливый мир, Анне никогда в него больше не попасть.

Отец послал Анну в лавку — за керосином. У нее муть подступила к горлу при одной только мысли о бидоне керосина и запахе, который будет провожать ее всю дорогу... но муторно ей или нет, до этого никому нет дела, и она пошла.

В магазине Шмулович участливо спросил Анну, что с ней, девочкой, случилось, она такая бледная! Что подтвердила и вошедшая следом Марта: даже старая дева Марта со щеками как сморщенное яблоко выглядит здоровее Анны. Анна объяснила — она болела, и Шмулович сочувственно сказал — молодым девушкам болеть не пристало. А Марта... она ей-ей глядела особенно пристально. Скоро все они увидят. Вопрос только кто первый.

Бидон с керосином тяжелый, и в этот раз Анна никак не могла приловчиться его ухватить: она чувствовала, что керосин выплескивается и масляно течет по бокам бидона, сейчас он запакает ей одежду... Но что она может сделать? Ей оставалось только тащить ненавистную ношу, зная, что навстречу никто не выйдет и не возьмет из рук... Тот, кто вышел бы и взял бы, отправился в дальний неведомый путь.

Портниха Марта еще мешкала в магазине, она полюбопытствовала — не кажется ли и господину Шмуловичу, что у Анны Лайнт... ну что у нее совсем особенная болезнь?

Взглянув на нее воспаленными глазами, Шмулович с улыбкой ответил, что в женских делах он ровно ничего не смыслит. Но Марта, погрозив пальцем, сказала — ох он и хитрый!

Потом она ушла. Шмулович с грустью думал — теперь она раззвонит о своих наблюдениях женщинам, которые не будут так молчаливы, как лавочник. И если ее подозрения не напрасны, ой как все это выльвет наружу, бедная Анна! Он уже теперь думал — бедная Анна.

А та пройдет и остановится, пройдет и остановится, неужто керосин такой тяжелый? И под конец, войдя в лес, она села прямо у дороги на заснеженный пенек и заплакала навзрыд. И неожиданно ей показалось — она слышит голос, который говорит:

— Шла бы ты к людям...

Голос был незнакомый, такой голос, бывает, слышишь во сне, не ведая откуда он идет. Слова прозвучали и растаяли, но Анна сразу же за них ухватилась всем своим изболевшимся сердцем.

К людям! Вокруг нее давно уж не было людей. Отец грозный и непреклонный, а мать так боится отца, она и пальцем не пошевелит, чтобы Анну защитить. Братья еще молодые и сестры маленькие, что же ей, взрослой, идти к ним вымаливать помощь? И вообще — может ли она в «Лайнтах» надеяться на помощь?

К людям. Надо идти в «Дюны».

Внезапное решение жарко обожгло разум. Там она найдет покой и дом. Там, в «Дюнах», родится Улисов ребенок, она была уверена, что это будет мальчик. Сама-то Анна хотела бы девочку, но раз это ребенок Улиса, пускай будет мальчик, у него будут Улисовы глаза, после долгой разлуки Анне вновь улыбнутся его глаза.

Эта мысль несла Анну на крыльях и делала легкой и ее ношу. Она вошла в «Лайнты», чтобы как можно скорее оттуда уйти.

Мать так и села на лавку.

— Так вот ты что придумала.

— Да, придумала, — подтвердила Анна.

Лина заплакала. Слезы у нее близко.

— Мама, так будет лучше.

— А отец?

— Тебя он не убьет, — успокоила Анна. — Скажи ему все как есть. Хуже все равно быть не может. — Анна посмотрела в окно, за которым был привычно хмурый зимний день. Мой ребенок родится ближе к весне. Когда с южной стороны дома уже будут сосульки. Анне захотелось, чтобы сейчас был февраль с его звонкими сосульками, она бы обломилась одну и сосала, в детстве она часто так делала. На нее сейчас находили такие странные желания, она знала — это оттого, что она сейчас «таякая». Она улыбнулась матери.

— Ничего, обойдется. Или ты не думаешь, что еще может обойтись?

— Да, хуже смерти ничего не будет, — неожиданно сказала мать. — И что ты с собой возьмешь?

— Свое, что есть, — смиренно сказала Анна.

Мать со вздохом поднялась и направилась к шкафу, но потом вернулась.

— Ты сперва-то много вещей не бери. Вдруг они тебя назад отправят?

— Не отправят.

— Все равно. Если все уладится, потом сможешь забрать. Одна же корова — твоя, тебе на счастье...

— На счастье, — медленно произнесла Анна.

Когда Анна вышла со двора, Лина долго смотрела ей вслед. На счастье ли ушло ее дитя или на свою гибель? Анна держалась стойко... И мать задумалась о том, что будет, когда вернется Карл. Хорошо тем бабам, у кого мужья пьют в корчме. Они приходят пьяные, виноватые, и жены их песочат. Тогда легче вставить и что-нибудь такое... тогда можно сказать: да, а все оттого, что тебя где-то носит, мне одной пришлось растить детей и то, что сейчас произошло, это по твоей вине. А что может сказать Лина Лайнт своему мужу и королю, который обходит корчму стороной и превыше всего на свете ставит свою гордость и честь? Лина не помогла мужу сберечь эту гордость и честь? Приди и накажи, накажи меня, муж. Твоя дочь тебя боится, вот почему твоя дочь не пришла за советом ни ко мне, ни к тебе, она пошла на зов своей молодой любви, так все это и получилось, муж и король.

Ой, да он не даст сказать и десятой доли того, что я сейчас думаю.

Жена Екаба — ее звали Клара — вострепнулась как маленькая серая мышка, а Екаб сидел прислонясь к печи, смотрел на Анну и повторял:

— У нашего Улиса будет ребенок.

Клара поставила перед Анной кружку горячего чая, и Анна держала ее обеими руками, так как ручка у кружки отломилась и края обкрошились. Чай был горячий, с медом, Клара выскребла все остатки со дна коричневого горшка, мед там хранился долго, но мед не портится. Она спросила, не хочет ли Анна есть, и та ответила — она поела дома, и Улисовы родители внимательно Анну слушали, она еще добавила — далеко ли здесь идти, всего ничего. Родители Улиса прямо как исповедь слушали Аннин рассказ об ее с Улисом любви, и Клара смахнула слезу, а Екаб проговорил тихо и торжественно: «То-то мне Улис сказал, что пора ему присматривать жену». Упоминание об Улисе вызвало у матери новые слезы, и Анна громко втянула воздух. Хозяева «Дюн» были счастливы, удивлены, им и в голову не приходило не верить словам Анны. Потом Клара сказала: как бы то ни было все же Анна должна поесть, пусть она помнит, ей теперь надо есть за двоих. Анне было приятно

слышать эти слова, сказанные в полный голос; дома они с матерью могли об этом только шептаться. Там на это смотрели как на преступление, здесь — как на благое дело. Клара подошла к Анне — обнять нежданно объявившуюся невестку она видно не осмелилась — и спросила, кого та ожидает.

— Там увидим, — покраснев, сказала Анна.

— А когда?

В конце февраля, так она думает.

— Тогда уж солнце будет ой как высоко, — порадовалась Клара. И она окликнула Екаба, который тихо сидел погрузившись в себя и сиял, слышал ли он, что внучонок у них будет в конце февраля.

— Улис, — прошептал Екаб, — Улис не увидит.

И расплакался как женщина, не стыдясь своих слез. Анне было его жалко и еще ей подумалось, что защитит ее Екаб не сумеет. Потом эту мысль оттеснила другая, радостная: что же она давно не пришла сюда, здесь живут такие хорошие люди! Сейчас Анне нужны хорошие люди больше чем когда бы то ни было.

В маленькой комнатухе Клара взбила тюфяк, она доверительно сообщила Анне, что сегодня та будет спать на кровати Улиса.

— Сердце не позволяло вытащить вон, как будто мне кто говорил: подожди, найдется кому здесь спать...

Мать Улиса сварила суп с клецками.

— Еще весной они ездили с отцом продавать рыбу, — сказала Клара. — Тогда...

— Мы выменяли на репу, — поправил Екаб.

Анна пошла с Klarой помочь ей по хозяйству. Корова у них одна, уже сейчас, в начале зимы, отощавшая, и Анна догадалась — виной тому не нехватка кормов, года у коровы не те чтобы давать молоко. Ничего, думает Анна, приведут корову, привезут пару возов сена. Мы еще поживем.

Было видно, что мать Улиса перед Анной робеет, никак не хотела брать Анну с собой в хлев. Но та настаивала, и Клара больше не противилась. А теперь наблюдала за выражением лица гости.

— Нелегко вам тут, — мягко сказала Анна. Разве она смела что-либо порицать, раз сама пришла просить крова? Хотя люди здесь, в «Дюнах», не из тех, что просящего выгонят.

— Так мы и живем, — проговорила Клара.

— Ничего, проживем, — сказала Анна, и у Klarы снова скатилась слеза.

— Ты не думай, дочка, — сказала она в свое оправдание. — Я уж держусь... после Улиса как могу. Но когда ты сегодня пришла... мне все чудилось, будто он сам вместе с тобой явился, только остался во дворе... и я уж, дочка, не могла сдержаться. Один он у меня был, ты же знаешь, какой он был хороший.

— Он был хороший, — подтвердила Анна, глядя, как корова с трудом выдирает из яслей сено. Сено было осоковое, жесткое, острое.

Клара уложила Анну как принцессу, подоткнула под стенку свою кофту, чтобы не ходил ветер, странно, только в «Дюнах» Анну впервые уложили как принцессу — с такой заботой и с такой любовью.

— Не будет тебе холодно, дочка?

— Не будет, — уже в который раз заверила Анна. В чужом доме, а сон ее прямо одолевает, как будто на этой кровати она спала всю жизнь. Ну да, здесь еще не остыло дыхание Улиса. Где-то в печной щели поет сверчок. Почему Анне раньше казалось, что в «Дюнах» должно быть неуютно? Ласка этих людей ее согревала как самое теплое пуховое одеяло.

Анна заснула, а в комнате рядом тихонько толковали Улисовы родители.

— Ей-богу правда, я сама не своя от счастья, — сказала мать.

— Надо бы пропустить одну на радостях, — отвечал Екаб. — Слышь, я пойду принесу...

— Да будь ты человеком! — едва сдерживаясь, повысила голос Клара. — Ничто другое тебе на ум нейдет?

— Как нейдет, как нейдет... так я же ничего плохого, я хотел отпраздновать как положено... Ну раз нет так нет, — Екаб не в силах был скрыть огорчения.

— Только бы Лайнт у нас девушку не отнял, — высказал тайные опасения Екаб.

— Что? Ты думаешь? Да нет же...

— Ну, за ней-то он не придет, — рассудил Екаб. — Раз Анна сама сюда прибежала. Умница что прибежала. Карлу же будет стыдно, что у его дочери... а мы уж как будем эту девочку любить, как будем любить!

— И ребенка!

— И ребеночка. Мне прямо кажется — я помолодел.

Сухонькая Клара окинула взглядом мужа с головы до ног — на что там особенно смотреть, все известно... Помолодел? Не помолодел,нисколько. Но это ничего. Мы еще поживем, все равно мы еще поживем. Улис послал им эту девушку. Улис, их единственный сын.

Рано утром, услышав, что за стенкой тихо возится Клара, Анна тоже стала подниматься. Вошла Клара, ласково ее пожурила:

— Тебе, детка, незачем так рано вставать. Со своим хозяйством я живо управлюсь, ты лежи и отдыхай. В комнате холодно, домишко наш продувает насквозь. Но ничего, скоро воздух нагреется, тогда можешь одеваться. Отец идет к соседям — пилить дрова. Мы с тобой вдвоем как голубки... обо всем поговорим, все обсудим. Правда, детка?

Анна не могла противоречить. Она охотно послушалась и снова окунулась в приятную дрему. Отец пошел к соседям

дрова... вспомнила она. Ну да, в «Дюнах» живут бедняки, которые должны держаться за других людей, и ты рад-радешенек, если про тебя вспомнят, когда нужно подсобить... Она хотела вздохнуть, но ее убаюкал сон.

Долго ли она спала? Уже сильно потеплело, в сущности она проснулась оттого, что одеяло на груди стало тяжелым и жарким. Анна откинула его и широко открытыми глазами, уже совсем стряхнув сон, стала оглядываться вокруг.

Да, маленькой и бедной была комнатуха Улиса. На стене крючки, здесь он вешал одежду. У окна столик, на нем стопка книг — своих ли, у кого-то взятых ли. Обшарпанный горшок с кривым, изогнутым, разросшимся кустом столетника. Наверняка это не Улисов, его наверно внесла мать, ведь тут южная сторона, цветам здесь больше нравится. Даже занавеска на окне, в других комнатах занавесок нет. Анна поднялась и стала одеваться. Услыхав движение, в дверь просунула голову мать Улиса.

— А, ты уже поднялась. Ну тогда я ставлю завтрак на стол!

Анна поела, они вдвоем чисто-чисто вымыли каждую миску и чашку. Да, отец ушел, женщинам теперь никто не мешал поговорить по душам.

Мать взялась чинить Екабу варежки — совсем изорвались, наверное об дрова да об хворост. Анне неловко было сидеть сложа руки, и она сказала об этом Кларе.

— Прилежная ты какая... Но у меня ничего нет. — Она развела руками. Анна все же не успокоилась, пока Клара не принесла два неподрубленных полотенца.

— Раз уж тебе вынь да положи...

Сверчок утих. Анна обмолвилась — ей вечером так понравилось его пение.

— Да, этого добра у нас полно. Шерстяную одежу точат сквернавцы.

Плита истопилась и еще дышала ровным теплом на обеих женщин. Мать сказала, что на обед сварит уху из копченой камбалы, отец любит.

— Те, кто в достатке живет, те правда говорят — это бедняцкая еда.

Анна поспешила заверить, что ей копченая камбала нравится в любом виде. На самом же деле она опасалась, сможет ли есть рыбу с таким особенным вкусом, у нее сейчас всякие причуды и капризы... Когда сготовится, тогда видно будет.

Анна уши не дождалась. Мимо них обеих, занятых работой и неспешно разматывающих нить разговора, проскользнула в окне темная фигура. Анна вздрогнула. Клара тревожно на нее взглянула.

— Отец дома? Ему еще рано быть дома!

В дверь стучали. Ну Екаб в своем доме стучаться бы не стал. Не дожидаясь разрешения, вошел Карл Лайнт. Анна слабо вскрикнула, из рук выпала катушка ниток и, весело подсакивая, покатила по полу. От волнения Анна не догадалась ее

поднять, смотрела на отца, он же глядел так пристально, будто много лет не видел дочери, это ли его Анна?

— Здравствуйте, — сказал Карл.

Клара ответила, у Анны же язык присох к небу.

— Что же ты так, дочка, убегаешь из дому, срам просто, — произнес Карл и сел у очага, они обе пригласить не догадались. Но он казался чувствовал себя как дома, Анна смотрела и не верила, у отца было приветливое лицо и спокойный голос. Могло ли произойти чудо? Анна сомневалась, и все же ей хотелось верить.

— Какой же тут срам, почтенный Лайнт, если девушка пришла к родителям своего мужа, — старалась завести любезный разговор Клара. Голос ее слегка дрожал. До Анны дошло, что и Клара не храброго десятка.

— Уж и мужа, — сказал Карл, — так сразу и мужа. Про мужа тут речи нет. А что есть — беспутная девчонка, положить такую на колена да и всыпать горячих.

— Не девчонка она, взрослый человек! — вступилась за нее Клара.

Карл коротко усмехнулся.

— Девчонка она, совсем еще ребенок. Правда, позор учинила побольше чем иной взрослый. Согрешила. А подумала ли ты, что за твои грехи бог покарал Улиса? Анна, где была твоя голова?

Клара, как всегда при упоминании имени Улиса, всхлипнула. Анна потупила голову. В комнату острым копьём вонзилась тишина. Хоть бы затрещал сверчок! Молчит подлый... Ждет вечера. А до вечера все может случиться.

— Не надо так строго, почтенный Лайнт, — ответила Клара. — Вся беда в том что лодка была ветхая, не Аннин тут грех виной... Всяко бывает, только не надо гневаться. Будет у вас и у нас внучонок. Мы так обрадовались, когда Аннуля прибежала. А то мы совсем одни... Вы ведь позволите Анне остаться?

Сердце у Анны в ожидании его ответа забилось часто-часто. Позволит или нет?

— Ничего из этого не выйдет, — сочувственно проговорил Карл. — Я все прекрасно понимаю... но Анна должна идти домой.

— Не сердитесь на нее! — снова просила Клара. — Молодые люди, и когда любишь...

— Странная у нас, стариков, участь, — сказал Карл и коротко хохотнул. — Молодые знай себе идут кривыми дорогами, а мы знай только вытаскивай их из грязи и при этом прощай... Ты, дочь, наверное тоже ждешь прощенья?

Анна пошевелила губами, но вымолвить слова не смогла. Сердце, только что бешено колотившееся, сейчас билось медленно и глухо. Придется, придется идти домой. И снова гнуться под игом отца. Почему мать Улиса не стоит за меня тверже?

Почему нет дома его отца? Но может оно и хорошо, что нет дома? Ведь отец с отцом Улиса враги. Вон как он странно улыбается... Нехорошая это улыбка. Ой, Анна, Анна, ничего хорошего тебя не ждет!

— Надевай что там у тебя есть и пойдем домой, — произнес Лайнт все еще ровным голосом.

— Отец...

— Тебе, дорогая дочь, лучше помолчать. Где твоя одежда? Не доводи меня до того, чтобы я рассердился. Одевайся, тебе говорят! Пойдем домой, тебе говорят!

Клара встала одновременно с Анной. Она потерянно смотрела, как Анна одевается, никак не попадая рукою в рукав. Отец не помог — он не хотел, Клара тоже — она не смела. Ее морщинистое лицо совсем посерело от страха.

— Ты готова? Ну пошли. Скажи спасибо за ночлег! И скажи: больше я вас утруждать не стану.

— Какой же здесь труд, — заикнулась Клара, но Карл обрезал:

— Скажи — больше утруждать не стану!

Анна дрожащими губами выговорила что-то похожее. Ее обу-ревал ужас при мысли, как она пойдет домой вместе с отцом. Неужто никто не явится, не заступит дорогу? Никого. Почему Клара такая трусливая? Пусть бы гнала Карла в шею, пусть бы кричала на весь поселок, что Анна не хочет идти с отцом...

Да где там. Придется Анне идти куда ее ведет судьба, крепко и больно взяв за руку. Ах да, это не судьба, это отец. Не может ведь отец быть судьбой.

Король «Лайнтов» со своей дочерью вышел с тесного двора. Клара хотела бежать позвать мужа, но подумавши поняла, что толку от этого не будет. Карл на Екаба зол, это одно, да и Екаб уж больше не воин.

Со двора соседей, откуда слышится звон пилы, смотрел Екаб, он понимал, что происходит, и в бессильном гневе стиснул зубы. Лайнт уводит ее, мать Улисова ребенка. Ничего-то Карл другим не уступит и этого утешенья на старости лет тоже. Что он с тобой, девочка, сделает? Честить будет и бить, топтать ногами...

Глаза у Екаба увлажнились, это мешало работать. А сегодня надо нарезать много дров.

Эх, выбежать бы сейчас, заступить им дорогу, сказать Карлу: эта девушка наша, к нам она пришла, нашего внука произведет она на свет...

Но перед Екабом куча неразделанных дров. И к завтраку сосед налил две стопки из казенной бутылки. Там еще много осталось, на обед за глаза хватит, а вечером, смотришь, достанет еще бутылку. Сосед не скряга. И Анна ведь родная дочь Лайнта.

Ничего — когда ребенок родится, отдадут нам. Я как-нибудь поговорю с Карлом по душам. Скажу — Карл, будь человеком,

у тебя же дома целая гурьба детей, отдай нам Анну, утешь нашу старость. Все равно бы она ушла с Улисом.

Всю дорогу Анна думала: вырвусь, убегу, помчусь куда глаза глядят... и всю дорогу прошла как на привязи, глаз на отца не поднимая, а он молча шагал рядом.

Анна бежать некуда, убеги она хоть на край света, думает Анна, и скажи себе — ну теперь я смогу перевести дух... придет такая минута и мимо окна скользнет большая темная тень и Карл Лайнт, король, явится и дочери скажет: одевайся, пошли, и она встанет, оденется и пойдет, хотя бы и с края света. Слишком долго Анну учили покорности, чтобы она в решительный момент могла восстать против воли отца. Ведь против его воли не восстает никто, никто!

Они входят во двор, и Анна видит, как от окна отпрянула мать, какая же она трусливая! Она не вступилась за свою дочь и не вступится.

У двери Анна останавливается.

— Иди в горницу, — говорит Лайнт.

Анна заходит в дом. На пороге оглядывается, с жадностью оглядывается, словно боится никогда больше не увидеть то, что привыкла видеть всю свою короткую жизнь. Она видит заснеженные поля и за ними зубчатый лес. Видит хмурое низкое небо.

— Садись и сиди тут, — говорит отец, когда они вошли. И проходит в свою комнату.

В горнице пусто. Не видно матери, не видно ни сестры ни одной, ни брата. На лежанке пристроился Усан и на Анну даже не глядит. Она пропоминает — когда они входили во двор, обе собаки убрались за клеть, словно у них там вдруг нашлись срочные дела. Что здесь такое произошло?

— Кис-кис, — окликает она. Усан, не открывая глаз, с силой вытягивает все четыре лапы и раз-другой лениво урчит. И снова лежит молча. Анна могла бы встать и к нему подойти, но боится двинуться с места. Разве это не странно, она не смеет пошевелиться, так как отец велел ей сидеть!

Анна кажется, она и не могла б пошевелиться, пока отец не разрешит.

А он не идет. Есть такое выражение — дом точно вымер. Сейчас Анна вполне понимает что это значит.

Она все держала руки на коленях, теперь подносит их к глазам и разглядывает каждый палец в отдельности. Никогда она так не смотрела на свои пальцы. Улис смотрел. И сказал — у нее точеные руки. Точеные? Анна рассматривает свои руки: коротко стриженные ногти, на каждом ногте белая луночка. Это красиво? Она снова кладет руки на колени. Некому на них любоваться. Еще совсем недавно она была в «Дюнах» у ласковой робкой Клары. И еще вчера вечером Улисовы родители с

ней говорили и ободряли: теперь все будет хорошо, главное — не надо думать о печальном, это вредно ребенку. Они говорили так вчера вечером, а сегодня отпустили Анну с грозным отцом и ни единого слова не нашлось у матери Улиса, чтобы защитить Анну.

А она хотела идти к людям.

Потом входит мать. У нее большой синяк на виске. Она шевелит губами, но вслух не изрекает ни слова, и Анна не может понять, жалеет ли ее мать или клянет. Возможно мать что-то бы сказала, но следом за ней показался отец, и Лина Лайнт прошла мимо своей дочери, которая сидела в горнице одна. Мать вышла во двор и вернулась с прялкой. Запыленной — давно на ней не пряли. Мать хотела ее обтереть, но отец не позволил.

— Пусть она сама вытрет.

Анне велено сидеть здесь, в горнице, и прясть шерсть. Она толком не умеет прясть. И не знает, для чего это нужно. Но раз велено... И Анна делает, что велят.

Анна сидит в комнате одна и прядет, и за окном серый зимний день.

Она ждет, что отец с ней заговорит, однако же он не говорит ни слова. Наверно он знает, что так для Анны всего тяжелей. Учини он ей разнос, он бы выговорился и в другой раз этих слов слушать бы не пришлось, а так Анна живет в ожидании проклятий, над ней нависших. Пряжа выходит клочковатой, ой, Анна такая неумеха! Ей хотелось бы прясть гладко, но у нее не получается. И она плачет про себя от досады и заодно оплакивает свою жизнь.

Мать торопливо прошла через горницу и скрылась в боковушке. Немного погодя на обратном пути остановилась возле Анны.

— Прости меня, — сказала Анна.

— За что?

Анна кивком указала на ее висок. Та махнула рукой.

— Пройдет... Сколько раз бывало сама налечу в клетки на какой-нибудь крюк...

Снаружи послышался шум, и мать мгновенно преобразилась, она загнанно огляделась вокруг и чуть не бегом выскочила в дверь. Но там всего только Вилис вел запрягать лошадей.

У матери были причины опасаться. Нелегким вышло ее объяснение с Карлом.

— Где Анна? — спросил он. Настал вечер, и никаких поводов для отсутствия Анны быть больше не могло. Лина собрала всю свою невеликую отвагу и сказала:

— Она ушла.

— Да. Вижу. Куда?

Бить будет? Наверняка будет. Лина открыла рот, но звук не шел.

— Чего ты как рыба на берегу? Где Анна?

Лина тихонько всхлипнула. Карл подошел, какой он был большой, огромный, страшный!

— Где Анна? Куда она делась?

Он схватил жену за плечо, глядя на нее в упор. Ударит? Душить будет?

— Ушла... в «Дюны».

Карл не сразу понял.

— Что ей там делать?

У Лины брызнули слезы.

— Я не виновата! Анна в тебя — сама себе голова! Она сама надумала, я говорила — не делай этого, отец тебя убьет!

— За что? Что ушла в «Дюны»? Жена, говори толком!

Лина извивалась в тисках его руки, намереваясь вырваться.

— Ты будешь говорить? Будешь?

Тогда он другой рукой схватил жену за волосы, держал и самому было противно. Тщедушная, худая, лживая... Но он еще не узнал того, что хотел узнать. Чувствовал только, что последует что-то такое... Но что? Он сам не знал.

— У Анны с Улисом... ребенок.

— Ребенок? У моей Анны? Улис же утонул!

— Потому Анна и ушла к его отцу, — пробормотала Лина.

— И ты знала и допустила! И не сказала мне! Чтобы мой позор вынесли на люди! Чтобы весь поселок показывал пальцем — вот какая у Лайнта дочь!

— Но бывает же, — Лина чувствовала, что говорит не то и Карла такие слова не проймут, — бывает, что у девушки ребенок, а потом поженятся и все уладится... Они бы поженились, если б только с Улисом... Он обещал взять за себя Анну!

— И ты знала, — произнес Лайнт с расстановкой, — ты все знала и молчала!

— Я боялась...

— А теперь больше не боишься?

— Ну так бей, — покорно проговорила Лина, дикий страх у нее прошел и разум нашептывал: хуже быть уже не может, вытерпи до конца! И Лина только испустила слабый стон, когда Карл ее с силой отшвырнул и как раз на угол шкафа. Она грохнулась на колени, потом медленно поднялась, зная что никакой помощи от разъяренного мужа не дождетсЯ.

Карл подошел к вешалке, осмотрел висевшую там одежду. Лина со страхом за ним наблюдала.

— Ты же не пойдешь... — набралась смелости она, и муж не прерывал, он позволил Лине говорить, может быть он даже слушал?

— Я думаю, пусть Анна останется у них... Она Улиса любила. Ну ясное дело нехорошо, что так получилось... Но я же говорю, она твоя дочь, недаром ты ее больше всех детей любишь... — Лина отважилась на робкую улыбку. — Так пусть она там живет, там и ребенок родится, какое нам дело? Они ее при-

нимают, они признают, что это Улисов ребенок... Я так думаю, это самое лучшее, что можно сделать...

— И ты ей дала такой совет? — спросил Карл почти ласково.

— Она сама надумала.

— Ах сама, — проговорил Карл, еще раз смерив жену презрительно-уничтожающим взглядом, и вышел.

Порядком напало снега и в горнице посветлело. Легче стало прясть, только ровнее от этого нить у Анны не стала. Словно только что это заметив, отец повертел в руке пряжу.

— Что же у тебя получается? Разве это работа?

— Лучше у меня не выходит, — возразила отцу Анна, сама удивляясь тому, что может так говорить.

— Да, да, — покивал отец. — Похоже, ты и правда ничего не умеешь, кроме как лазать по кустам и приносить в подоле детей.

— Отец!

— Молчи! — сказал он довольно спокойно. — Как ты думаешь, что теперь будет?

— Отпусти меня в «Дюны», — набралась смелости Анна. — Они примут...

— Ты так думаешь?

— Но ничего же другого не остается, — жалобно произнесла Анна. — Раз уж... ребенок... мы ведь с Улисом поженились бы!

— Так, так, — проговорил отец. — Так.

Он постоял немножко, глядя как прядется у Анны бугристая пряжа, потом сделал к Анне шаг и сдернул ее за руку с места.

— Так знай же, что больше ты шагу из дома не ступишь — ни в «Дюны», ни куда-либо еще! Я разрешил тебе ходить и гулять, а ты нагуляла дитя, меня опозорила.

— Отпусти меня, я уйду, и не будет больше на тебе позора!

— Утопить бы ты его могла, и тогда действительно... Но разве у тебя хватит духу? Осрамиться, на это вы горазды, а того не знаете, что есть такой срам, который не избыть! Как ты думаешь, чего ты заслужила, моя дочь, которой я, дурак, гордился?

Анну трясло. Она смотрела на отца с отчаянием, но даже это разозлило Лайнта еще больше.

— Из-за тебя я стал посмешищем! Отныне я больше не уважаемый Лайнт, а человек, у которого дочь нашла в кустах ребенка. Ведь так, а? И тебе доставляет это большую радость, а? Я больше не король, а дед твоего ребенка, а? Почему ты не спрашиваешь, присмотрел ли я шест для зыбки, ведь мужа у тебя нет, тебе придется меня просить!

— Отец, жалься надо мной, — просила Анна, зная, что просьбы тщетны.

— Нет во мне жалости, — сказал Карл Лайнт, — ни капли, ни на волос. Это так же верно, как верно, что в небе есть

солнце и что каждый божий день оно вечером заходит по закону, данному всевышним... А закон всевышнего гласит, что отец может карать своих детей, он должен их карать, ибо он их властелин и повелитель на земле! И к тому же я король!

Карл немного помолчал, потом продолжал еще жестче:

— Только не думай, что я тебя отпускаю на все четыре стороны, чтобы ты разнесла по свету мой позор и свой позор. Сиди тут, у меня на глазах, и никуда ни шагу, а когда придет время, я сам своими руками задушу твоего ребенка и убью тебя, и никто на свете этого не узнает, и не будет больше тебя и моего позора. Тогда в мире снова будет порядок и справедливость.

Король Лайнт усмехнулся.

— Помни каждое мое слово, я повторять не стану! Я тебя убью, верь мне, а другим не позволю и пальцем тебя тронуть. И похороню тебя как положено...

Он отступил и окинул дочь пристальным взглядом.

— Статная ты выросла, самая пожалуй высокая из моих дочерей будешь... ну да неизвестно — Мильда еще маленькая и Алла тоже еще вытянется. Длинный гроб тебе понадобится. Длинный, слышишь? Я залезу на чердак клетки, там у меня есть доски. Я сам тебе гроб сколочу, своими руками, а ты будешь сидеть и смотреть, как я строгаю доски и отпиливаю по мерке. У тебя будет хороший гроб. И стружку я положу тебе в головы.

Анна медленно осела на своей лавке у окна, глаза сами собой закрылись, и в темноте перед глазами весело и беспечно прыгали разноцветные шарики и кружочки.

Она слышала, что отец выходит. Дверь он закрыл не громче обычного. Ушел? Когда Анна снова открыла глаза, в комнате никого не было, однако присутствие отца гнетуще чувствовалось.

Как и обещал, король Лайнт залез на чердак. Давеча ему так просто пришли на ум слова, сказанные им Анне, теперь он их обдумал и признал, что слова те правильные. Его дочь опозорила себя и своего отца. Но он не станет ей платить за это злом, он сделает ей хороший гроб сам, своими руками, звонкий как кокле.

Карл мог себе представить, как сейчас точат лясы в поселке. Тут уж треплет языком всяк кому не лень. Зима самое разлубезное время года для разговоров и сплетен. У гордеца Лайнта с красавицей дочерью самая что ни на есть заурядная беда приключилась, вот те на! Прибежала как бродяжка какая в «Дюны» к нищим — авось сжалятся... а тем и самим кусать нечего... разве я, кума, не знаю, Клара еще недавно охала, как они эту зиму протянут... и если они надеются, что Лайнт даст своей дочери приданое, то они, милая моя, сильно просчитались!

И верно — просчитались, криво усмехнулся Карл, ни крохи добра моего вам не видать. Живите себе и дальше голые-бо-

сые. Моя дочь, живая ли мертвая ли — моя собственность, поняли?

Ишь ты, какая Анна ловкая. Он дочь любил и говорил ей добрые слова. А она отца обманула как последняя тварь. Напрасно он думал, что в жилах Анны течет его кровь. Трусливая она и лживая, как и ее мать. Приди она к отцу открыто и скажи она не таясь: отец, я согрешила, я нашла себе возлюбленного без твоего ведома, и в лесу, в кустах он сделал мне ребенка, да, тогда...

Как тогда поступил бы Карл, хозяин «Лайнтов»?

Он бы так же Анну проклял и выбросил из своего сердца, и убил бы он Анну, но он бы гордился своей гордой кровью, которая идет напрямик и признается в своей вине, а не крадется поджавши хвост как шкодливый пес, стороной обходя хозяина.

И он снова спустился по лестнице, плотно закрыв перед тем люк, сейчас шулки плохи — подует ветер с дождем или снегом, раскроет люк, намочит сухие хорошие доски. Нельзя этого допустить — как же Карл будет гроб делать.

Позже он позвал на помощь обоих сыновей и потихоньку-полегоньку, спешить некуда, они спустили вниз доску за доской — Карл сам каждую отобрал — и оставил пока под навесом клетки. Карл сказал — дальше он сам справится.

— Что ты будешь делать? — спросил Вилис.

— Есть тут у меня одна тонкая работенка, — отвечал отец и прямо-таки дружески подмигнул. — Да сами увидите, — продолжал он в том же тоне. Ребята переглянулись. Происшедшее ни для кого в «Лайнтах» не было секретом.

Анна в окно видела, как с чердака клетки спускают доски. Только в этом она и вольна что посмотреть в окно. И она смотрела с таким чувством, будто сердце ее крепко зажали в тиски. Неужто отец и правда собирается сделать так, как сказал? Да можно ли так... есть ли у него такое право? Анна совсем не знала законов, но она думала — ведь жизнь человека священна...

Дитя в ее утробе снова шевельнулось. Бедное дитя, что с тобою станет? Я буду просить у отца позволения произвести тебя на свет, сама я согласна принять кару, если так нужно, буду страдать безропотно, говоря: так и должно быть, все правильно, но ты должно жить. Я буду молить отца.

Как дуновенье ветра доносит запах дальнего куста черемухи, так неожиданно всплывают воспоминания о том единственном, чудесном, беззаботном вечере и ночи в «Дюнах», когда Анна лежала в кровати своего любимого Улиса.

Два дня спустя Анна ночью проснулась, проснулась оттого, что ее кто-то звал. Но все было тихо, в комнате слышалось лишь дыхание обеих сестер. Они звать не могли. Тогда кто же? Анна колебалась недолго — пока из головы не выветрился сон. И поняла, что это может быть только Улис.

Днем она не смела выйти со двора. К ночи запрет не относится, со злорадством думает Анна, ночью я могу делать что хочу. Я бы давно могла сделать что хочу, но Улис меня не звал, и куда бы я тогда пошла?

Но теперь она должна идти.

Анна действовала бесшумно. Что проснутся сестры, нечего бояться, они спят так, словно уходились на молотье, но за стеной — родители, кто знает заснула ли мать, кто знает спит ли отец или опять предается своим королевским мечтаньям. Поэтому Анна двигалась тихо, она не стала искать теплую одежду, только сняла с вешалки платок. Задвижка лязгнула, но громко раздался звук потому, что кругом такая тишина.

И вот Анна во дворе.

Если б землю не покрыл снег, если бы деревья не стояли печально оголенные, впору бы подумать, что возвратились счастливые летние ночи, когда Анна вот так же украдкой летела на свидание с Улисом. Но сейчас зима, и Анна одна, и море скоро замерзнет.

Она шла легко, на снегу тонкий наст. Анна шла к морю, куда же еще мог ее звать Улис? Ей подумалось — может его вынесло на берег, он вышел на берег, может быть и правда он звал Анну, чтобы свидеться в последний раз. Она прибавила шагу. Что если Улис действительно тут?

Сосны в дюнах дают ей дорогу, ни один корень за ноги не цепляется. Анна спешит. Ну вот и гребень последней дюны, за ним сразу море, еще только маленький песчаный вал, сейчас не желтый, а совсем белый, покрытый снегом. Море дышит, море живое, море не хочет замерзать.

Лунный свет таинствен, порою обманчив, лунный свет не только выдает с головой, он и скрывает. Анна вглядывалась, и ей стало казаться, что у самой воды кто-то лежит. Что-то лежит черное, схожее с человеческим телом... слишком далеко, чтобы разобрать. Анна заторопилась, она бежала по склону к воде, бежала по смерзшемуся, заснеженному песку.

Не зовет ли ее кто сзади? Нет, сейчас некому звать сзади: если это Улис, то он там, впереди.

Лунный свет обманчив. Когда Анна с бьющимся сердцем подбежала к лежащему, оказалось — это бревно, выброшенное морем, и Анна подумала, может быть где-то в другом месте у самого моря так же недвижно лежит ее Улис и луна льет на него обманчивый, таинственный свет, и мелкие волны так же лепечут как здесь и катятся к его ногам.

Анна стояла, не в силах отойти от вынесенного на песок бревна, словно оно ей вдруг стало родным. И ей было здесь хорошо, на холодном морском берегу, одной, и чувство было такое, что навеки потерянный Улис — вот он, стоит лишь протянуть руку.

Но тут она снова услышала зов и очнулась как от глубокого сна. Ее звали, действительно звали. Но ведь это... голос отца.

Анна в ужасе оглянулась и увидела черную фигуру почти на том месте, где недавно стояла сама, и потом заметила, что фигура двинулась и подходит ближе. Анну охватил дикий страх, теперь она знала наверняка, что это отец, и бросилась бежать вдоль берега по самой кромке воды, время от времени слабо вскрикивая. Но никто ее не слышал. Неожиданно кто-то сзади сбил ее ударом в ноги, Анна упала и лежала на песке с открытыми глазами, в которых застыл невыразимый ужас.

Карл Лайнт к ней подошел. Пес, который первым ее настиг и сбил с ног, бегал вокруг и скулил.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Лайнт, к дочери не наклоняясь, он смотрел сверху и казался совсем равнодушным, разве что немного удивленным.

— Улис... — проговорила Анна.

— Вставай, — велел Карл и подумал: такое упрямство, бежать из дому! Это мы из тебя выьем, но не сейчас, не здесь, дома, все уладим дома. — Вставай, не то подниму силой, сейчас же вставай!

Но Анна не могла встать.

Теперь Анна лежит в постели, ей не надо пряхсть, не надо делать ничего. И лежит она даже не в комнате с двумя сестрами, отец вынес ее кровать в маленькую боковушку, куда другим детям ходить незачем.

Анна больше не поднимается; наверное от страха у нее отнялись ноги в ту ночь, когда она пошла на берег искать Улиса, а отец ее укараулил, двинулся следом и ее окликал, и пес, гонясь за ней по пятам, Анну до смерти напугал. Пес был не виноват, Анна Рыжего и не винила; когда он протиснулся в комнату, она потянулась рукой погладить его густую зимнюю шубу и с ним заговорила, но тут вошел отец и пес как ошпаренный бросился вон.

Зашла мать, она лишь горько вздохнула, глядя на дочь такими глазами, словно в них вместились все горести побережья всех времен. И под конец Анне сказала — теперь-то дочь видит и сама должна понять, что это все же кара и содеянное Анной — грех. Пусть она покорно несет свою участь.

А, что там нести, Анна могла только лежать.

Дитя в ее чреве теперь тоже затихло, лишь изредка напоминая о себе, и Анна не могла бы сказать, рада ли она этому. Теперь она вместе с будущим ребенком была целиком во власти короля «Лайнтов» и боялась, что эта власть ее раздавит.

Отец выстрогал две белые гладкие доски, за остальные он пока не брался. Возможно забыл? Нет, король «Лайнтов» не забыл. Он ходил мимо своей любимой дочери так, словно ее вообще нет на свете, но и не ругался, когда мать отнесет Анне что-нибудь получше — скажем, пару сморщенных яблок, когда та попросит чего-нибудь кислого. Он только войдет и выйдет.

Как-то раз Анна услышала во дворе громкие голоса: она прислушалась и почувствовала, как у нее немеет все тело, насколько оно еще способно было что-то ощущать. Ведь это же голос хозяйки «Дюна», как жалобно он звучит, и его покрывает властный голос отца. Анна не разбирает слов, но она представляет себе о чем речь. Мать Улиса все же пришла в «Лайнты» проведать Анну, и ясно как день, что ее не пускают. Как никогда раньше Анна сокрушалась о своей ужасной немощи, умерли ноги, разве не могли они подождать и умереть вместе с Анной? Она бы выбежала во двор, будь что будет, она бы кинулась на колени перед Кларой и молила взять ее с собой... Она сама бы ушла, и только мертвой ее смогли бы привезти назад.

Какое-то время спустя в комнату зашел отец и остановился у Анниной кровати. Она лежала, прижав руки к груди. Отец стоял, глядя на нее, потом сказал:

— Твоя свекровь приходила.

Молчание.

— Я хотел ее собаками затравить. Жаль — собаки у нас доброго нрава, не хотят зубами рвать. Но ушла, ушла, другой раз эта оборванка не явится. Посмотри! — Он протянул руку, и Анна увидела в его руке веточку цветущей фуксии, сильно помятую.

— Это она тебе принесла, отдайте ей, говорит... Так на вот, возьми!

Анна нерешительно протянула руку. Отец швырнул цветок наземь и дважды тяжело наступил сапогом. Сапоги у него и на этот раз были начищены до блеска. Наступил и еще вдавил каблучком, и когда он ногу отнял, на полу осталось лишь зеленое пятно.

— Я за текущими делами забыл главное, — сказал король, пристально оглядывая дочь. — Тебе в постели тут как, ничего, а? Но скучно, да? Ну больше не будет скучно.

Анна не стала гадать, что означают отцовы слова. Кроме несчастий и бед, ждать больше нечего. И потому она не удивилась, когда отец затащил в комнату верстак и еще нанес порядочно досок.

— Работа не ждет, — сказал он и кивнул Анне. — Время идет, и дело должно быть сделано.

Сама она была уверена, что умрет, и уверена также, что это единственное что ей в этой жизни еще осталось сделать. Не так много, нет, не много. Она видимо ждала смерти. И разве ее нынешнее положение так уж отличается от смерти? Она почти ничего больше не ела, мать иногда просит — съела бы хоть немножко, «у тебя же ребенок» — начнет она фразу, но не кончит. Ну да, какое имеет значение, что у Анны ребенок. Здесь — в «Лайнтах». Если бы в «Дюнах» — другое дело. Но никто Анну в «Дюны» не пустит, а сама она пойти туда не может.

Иной раз правда, когда она то ли во сне то ли наяву вспоминала Улиса и его любовь, в ней снова смутно просыпалась жажда жизни. А однажды она вспомнила, как вместе с матерью и се-

стренками ходила на болото за клюквой. По дороге был там глубокий черный ручей и над ним провалившийся мост, идти по нему еще можно было, а ехать уже нельзя. Перила моста поросли толстым темно-зеленым мхом и руке было приятно его касаться. На берегу росла осина, она была желто-красная, какими осины бывают осенью, и много листьев опало, они казались желтыми и красными монетами, так много монет в сырой осенней траве и на мосту с прогнившими досками, и на дороге, блестящей дождевыми лужами! И никому было не нужно этих красивых монет. Странно подумать, что эта осина еще там стоит и будет стоять долго, и каждую весну на ней будут цветы — пушистые червячки, и каждую осень — такие же красные и желтые листья, которые облетят и сгниют, никем не собранные. Какое-то время пожалуй продержится и мост, по нему еще можно будет ходить. И веки вечные будут там лес и болото, и на нем клюква, не будет только Анны. И никому, как сказал отец, не будет до этого дела.

Ей бы хотелось еще раз выйти во двор и вдохнуть совсем чистый воздух, резкий зимний воздух, пахнущий снегом на припеке, морем и соснами из дюнах. Но двигаться она больше не могла и к ее ногам вернется сила разве лишь на том свете, когда она увидит Улиса, идущего ей навстречу. Сейчас приходится мириться с этими не ногами, а бревнами, которые не хотят двигаться, только иногда их покалывает точно острыми иголками. Никому не приходит в голову вынести Анну на свежий воздух, а затруднять домашних ей не хотелось, разве им, хотя бы и здоровым, легко, все они заняты повседневной работой и она не тяжелее и не легче, чем в другие годы, она всегда была и будет такой.

Близилось рождество, и мать спросила у короля, что же он и на праздник не разрешит Юрию прийти домой? Неужели уж в праздничные дни кому-то вздумается его искать? Лина была твердо уверена — Юрия больше искать не будут. На здешнем побережье частенько бывало, что молодые парни уходят на судах, ни слова не сказав ни отцу ни матери, исчезнут — как в воду канут, и потом через какое-то время вернутся, заработав деньжат и купив пестрого заморского шелка матери, а то и своей суженой в одном из песчаных приморских поселков. Почему не мог так поступить Юрий, что он — без рук, без ног что ли?

Лучше бы он так и сделал, порой думалось Лине.

И отец, на удивленье, не слишком противился, он даже восторженно взглянул на Анну, и та сказала:

— Разрешите, отец, там же человек одичать может.

И отец решил — пусть Юрий на праздники придет домой. Король Лайнт в эти дни был настроен добродушно. Все снова приведены в покорность, все снова идет по его команде, гроб скоро будет готов и Анна живет в ожидании смерти.

Мать пекла белый хлеб, черный испекла еще вчера. Зажечь

елку король не разрешил, все это глупости и ерунда. А праздничный стол — против этого он не возражал. Верстак был задвинут в угол, и полуготовый гроб завесили попоной. Анна лежала, наблюдая радостную суету. Она лежала очень тихая.

— В поселке колокола звонят! — у самой голос как колокольчик, вбежала Мильда. Старшие сделали вид будто не слышат. Пускай звонят, к Лайнтам это отношения не имеет. Только Анна подумала — Клара с Екабом наверняка идут в церковь. И пастор может быть помолится за упокой души Улиса. О нем Анна думала дни и ночи, о своем коротком счастье.

Очень тихий за праздничным столом сидел Юрий. Войдя, он первым делом бросил взгляд на кровать, где лежала сестра, и подошел поздороваться.

— Ты больна? — спросил он. — Мне никто ничего не сказал... — Он замолк, видимо обдумывая, почему Анна лежит здесь, в горнице, а не в комнате, и Анна ничего не сказала. Мильда с Густом гомоня вбежали со двора, они весь вечер Юрия караулили и вот тебе на — все-таки прозевали! Юрий поздоровался с младшими, и Мильда спросила, как там теперь, у Ирбе.

— Снег, — отвечал Юрий.

— У нас тоже снег, — надулась Мильда. Ей казалось, брат нарочно не рассказывает ей про чудеса, какие наверняка можно увидеть у реки. Юрию там наверно страшно нравится, раз он живет в землянке и домой не приходит. Она забралась к нему на колени — пусть покачает и не слезла и тогда, когда мать мимоходом пожурила:

— Большая девочка, а прямо как грудной младенец.

Прижавшись головой к его груди, она слушала, как там, внутри, что-то странно так хрипит и сипит.

— Что у тебя там такое? — спросила она.

— Что? — не понял Юрий.

— Ну там, внутри...

— Там сидит кошка и урчит.

— Не урчит она, а шипит, она сердится!

— Ну может быть и сердится, — согласился Юрий. Ему хотелось много чего спросить у Анны, и бывали такие минуты, когда в комнате никого кроме них не было, но Анна лежала неподвижно, и Юрий думал — наверное ей говорить не хочется. Значит и отвечать не захочется.

Юрий чувствовал себя так странно. Ведь вот же дом, по которому он порой безумно тосковал, когда в землянке было до смерти одиноко, пусто и кругом куда ни кинешь взор ни живой души. Он тосковал по домашнему теплу ночами, когда у него зуб на зуб не попадал, когда вместо тепла он втягивал в легкие колючий остывший дым. И вот он среди людей, сейчас он в тепле, зев печи еще дышит и пышет жаром, из нее только что вынули последние белые булки и одна, разрезанная пополам, лежит на столе. Но Юрию не было тепло, у него не было чув-

ства, что он среди людей, среди своих, он ощущал себя чуть ли не еще более одиноким.

Мать сварила слабое пиво, только такое признают в «Лайнтах». Оно сладкое и пьют его с охотой. На табуретку возле кровати Анне тоже поставили кружку и положили два ломтика белого хлеба, но все это так и стояло, пока не пришло время идти спать. Юрий заметил, что Анне никто не желает спокойной ночи. Он, уходя в свою каморку, пожелал.

— Да, — прошептала Анна.

— Станный ответ.

Ночью Юрию не спалось. В комнате жарко, в комнате душно и как громко дышат братья! Они просто храпят. Сна у Юрия ни в одном глазу. Наверное он потерял сон навсегда. Юрий вышел во двор, и тут его взяло любопытство взглянуть, что скрыто под полосатой попоной, вчера он долго удивлялся и верстаку. Приподняв покрывало, он все смотрел не понимая, но когда вновь опустил покрывало, то видимо понял.

Наутро, когда все встали, Юрия уже не было.

— Что же он так? — запричитала мать.

— Как волк — в лес смотрит, — сказала Алма, и мать ее одернула, но отец согласился:

— Так оно видно и есть, он к своему лесу привык. Не хочет жить среди людей. Там ему лучше. Как знать, — продолжал он, неожиданно задумавшись, — не будь у меня здесь всех вас, я может быть тоже ушел бы искать одиночества.

— Хоть бы еды с собой взял! — не унималась мать.

— Отнесем, — сказал король Лайнт. Он чувствовала некоторое облегчение оттого, что сын ушел. Оно и верней. Недавно он встретил родича-лесника и тот спросил, долго ли еще Лайнт думает морозить там, в земляной конуре, родного сына. Сейчас ведь, зимой, там жить невозможно.

— Сколько понадобится, — отрезал Карл.

— И это называется отец, — с укоризной произнес лесник. Мало кто осмелился бы сказать Лайнту такие слова. А лесник вот сказал, и Лайнт слушал. — Заболеет он. Схватит какую-нибудь хворь на всю жизнь.

— Не я воинскую службу придумал.

— Ей-богу ты не в своем уме.

Карл скривился и промолчал.

Анна снова лежит одна на своем ложе. Простыня под ней сбилась, трет и давит. Анна лежит и удивляется, не верит, неужто она когда-то была здоровой... И вместо той, молодой и ловкой, осталась увядшая, сломленная Анна, которой тяжело самой сознавать, какое у нее тело, которая лежит здесь и медленно умирает, всем здоровым людям в тягость, всем обуза. Хоть бы скорей она умерла! Ведь Улис ждет. Если бы Анна могла двигаться, могла встать, она бы может этой же ночью вышла из дома, сейчас трескучий мороз, красота какая, жаль только — **больно уж**

нестойкая... Да, так Анна, когда все заснут, вышла бы из дома и не вернулась, пускай мороз возьмет ее в объятия, обметает волосы серебряным венцом. Отец когда-то обещал ей золотой. Но хорош будет и этот — из серебряного инея.

Нет, Анна не может двигаться, не может выйти из дома навстречу своей смерти. Остается ждать, когда та придет и постучит в окно, а может быть просто откроет дверь и войдет, смерть знает, в «Лайнтах» ее ждут.

Анна просит мать вымыть ей голову. Посмотрев на дочь, Лина говорит:

— Волосы у тебя и правда совсем свалялись. Надо, надо вымыть.

— Тогда и потом легче будет, — добавляет Анна, радуясь согласию матери. Мать удивляется, вначале не понимая, потом догадывается.

Анна просит мать посмотреть в шкафу, в самом углу, там у нее завернуто в бумагу розовое душистое мыло, единственный подарок Улиса. Анна хочет, чтобы этим мылом ей вымыли голову. И мать это делает со старанием, и какое-то время в горнице веет тонким благородным ароматом незнакомых летних цветов. Теперь волосы у Анны будут чистые.

Мать расчесывает и заплетает Анне волосы и, пока они еще мокрые и сохнут, подстилает на тонкую подушку Аннин платок. Он выцветший, Анна повязывалась им еще летом, бегая на свидания с Улисом.

— Ну лежи, — говорит дочери Лина Лайнт спокойно, ласково.

Труп Улиса найден где-то у мыса Колка.

Это сообщает Алма, которую теперь чаще других посылают в поселок, в лавку за покупками. Король Лайнт может быть уверен — пускаться в разговоры с селянами Алма не будет. Если бы Карл не ставил Анну в пример остальным детям... Да, сам отец, а ошибся. Настоящая его дочь — Алма. Только Карл почему-то не может представить себе корону на ее серых жиденьких волосах. Ну, не все короли были красивые. И королевы тоже.

Алма рассказывает также, что Екаб собирался ехать за сыном, но потом приболел, лег в постель, и ничего видно больше не остается как закопать утопленника там, на Колке. Все равно уж, что там осталось от человека, деловито заканчивает она.

И вот пришла настоящая, лютая зима, по ночам за домом, вокруг дома трещит мороз, и в комнатах, хотя топят и не скупясь, после полуночи уже холодно. Все замерзло, все промерзло, в колодце замерзла вода, и морозные узоры на окнах не сходят весь день.

— Тебе не надоело так жить? — спрашивает отец Анну, войдя с морозного воздуха. Карлу стужа нипочем, королю Лайнту стужа как раз по душе. Он смотрит на исхудалую Анну в постели. Анна прядется от отца, закрывая веки.

— Умерла бы уж наконец.

— А если я не смогу, ты поможешь?

И в одну из ночей, когда мороз казалось достиг предела своей силы и утром на дорожке в хлев валялось целых четыре замерзших птицы, в ту ночь Анна скончалась. Глаза у нее были широко открыты, тело закончилось как льдышка, только на шее странные такие пятна — словно отпечатки пальцев.

— Сыны, пойдете за гробом, — говорит Карл.

Мать приглушенно всхлипывает.

Само собой король Лайнт не устраивает никаких похорон. В поселке о смерти Анны узнают с опозданием. Могли и вообще не узнать. Анну уже зарыли. Не в кладбищенской ограде, не на самом кладбище, а поодаль, на отшибе, где могил поблизости нету.

В ряду трех поколений Лайнтов за последние годы не занято ни одного нового места. Карлу, когда он умрет, не придется лежать с грешной дочерью рядом.

Прошло порядком времени — Юрий не показывался. Карл собрался в дорогу и не стал возражать, когда Лина ему сунула с собой еду. Пусть уж... думал Карл, пускай Юрий живет дома. Только радости мне от него никакой. Зачем нам дети, если от них нет радости? А радость может быть только от послушных детей.

Землянка была пуста, и запас топлива, который оставил Юрий, когда за ним пришел отец, лежал нетронутый; где положил, там и валялись два полена, которые Карл сам загасил, когда они покидали землянку. Дверь так тяжело забухла в петлях, что Карл ее насилу открыл, наверное что-то при этом сорвал, теперь она боком зависла, как перебитое крыло птицы.

Никто тут не живет...

Карл Лайнт медленным шагом возвращался домой. Он понял, что Юрий его покинул... всех покинул и все же отца прежде всего, главным образом отца. Карлу хотелось думать — убью, но что-то не получалось. Ужасно тут было одиноко, в знакомой округе, в привычном лесу. И этот же самый лес казался сейчас совсем чужим, пугающим, и был такой момент — Карл забрел невесть куда, совсем в сторону. Дом, однако, нашел, как же иначе.

— Где он? — заплакала при этом известии мать.

— Почем я знаю, — пробурчал отец и стал переобуваться. В своем походе он совсем промочил ноги.

Пропал так пропал. Не стоит над этим ломать себе голову. Лучше, что нет непокорных. И все же... А что если Юрий погиб? Упал в Ирбе, которая сейчас, в паводок, катит свои черные воды бурля и пенясь, сердитая на весь свет? Не может же человек так просто исчезнуть с лица земли.

Томила черная неизвестность, но долго Лайнту мучиться не пришлось, из высоких инстанций прибыло известие, что Юрий

сам добровольно явился в военно-призывную комиссию. Там сначала не знали, куда его такого — в тюрьму или в казарму. И правда нелегко было понять. Сначала скрыться (к тому же Юрий подчеркнул, что решение уклониться от службы в армии он принял самостоятельно, родные еще старались его отговорить), а потом прийти и заявить — делайте со мной что хотите! Они совершенно не знали что делать. Но так как потенциальный защитник родины был совсем слаб и отощал, то какая-то умная голова посоветовала направить его сперва на медицинское обследование. Иногда обследование многое решает.

И оно решило. У Юрия Лайнта, сына короля, нашли быстро прогрессирующий туберкулез. Ну, проще говоря — чахотку. Странно, где он ее схватил, такой здоровый воздух — сосна и море, других туда возят поправляться.

Они не знали. И Юрий не сказал.

Ну вот. Перед хозяином «Лайнтов» лежало это извещение. Ваш сын помещен в больницу, после чего желательно его пребывание в санатории. Все. Точка.

Карл Лайнт немедленно выяснил, где находится лучший санаторий. Денег у него хватит. Королевскому сыну нужно хорошее лечение.

Лучший санаторий был далеко от взморского поселка и от «Лайнтов». Да, бог что ни делает, все к лучшему.

Один раз Карл даже съездил в санаторий. Поговорил с врачами, они были рады такому спокойному, разумному родственнику, который ни словом не укоряет врачей и без воркотни раскошеливается. Они сказали — пока не следует предполагать самое худшее. Вылечиваются и вовсе безнадежные больные. На стороне вашего сына молодость. Мы почти уверены, что он возвратится домой, правда легкие у него видимо останутся слабые...

Ну да, думал Карл на обратном пути. Он повидался с Юрием и имел с ним короткий разговор, так хотели врачи, да, так полагается. Юрий спросил, как дома дела, и отец ответил — дела идут хорошо.

Ну да, думал Карл. Здесь Юрия действительно может быть подлечат и опустят домой, и он будет болтаться — не жилец на свете и не покойник, какой уж там из него работник. Ну да, ну да. Каких все же хляков ему родила Лина. Если Юрий не умрет в санатории, то вернется в «Лайнты». Может быть он вздумает спрашивать, отчего умерла Анна? А может быть захочет узнать, почему он болеет чахоткой?

Ну да, думал Карл. Он представлял себе, как Юрий сидит перед клетью — там приятный летом холодок, чуть обдувает ветерком — и занимается работенкой какая полегче, больной же человек, инвалид. Юрий умел хорошо обстругивать для граблей зубья, теперь сможет выстругивать сотни. Это хорошо, что будет запас зубьев, луга у Лайнтов все же кочковатые.

Иногда он думал, что неправильно выбрал жену. Но в те дни еще не был просветлен его разум, он не знал тогда своего происхождения и судьбы и сердился на жениных родителей, что они хотят передать право наследства не зятю, а его первенцу. Как известно, ничего из этого не вышло, завещание было да сплыло... и наследник — в госпитале, ему теперь не удержать плуга, хорошо если удержит ложку. Но самому Карлу славы хозяина давно уж мало, он жаждет другой славы — чтоб докатилась до края земли, чтоб засияла в небе так же, как горит утренняя и вечерняя заря. Когда он этого добьется и добьется ли? Неисповедимы пути господни.

Ранним утром Лайнт входит во двор.

Он чувствует себя измочаленным. Странно, что человек может устать от сидения в поезде, не пахал же он, не махал косой, а умаялся так — ну прямо до смерти.

Хозяин «Лайнтов» садится на лавочку возле дома и смотрит, как Рыжий ластится к его ногам и, щелкая зубами, ищет блох в своей шубе. Муста нет дома. Добегается, пока его не прикончат. Надо утопить, надо искать другую, порядочную собаку.

Так думает Лайнт, сам зная, что искать не будет. И вообще зачем в «Лайнтах» две собаки? Просто так повелось. Давно еще, когда ехали с мельницы, приبلудился Рыжий. Хозяин его гнал, пес просился и скулил, и просила маленькая Анна:

— Пускай, папа, он такой маленький!

Маленьким был Рыжий и маленькой была Анна. Анны больше нет, а Рыжий одряхлел. Так она жизнь и идет.

Не хотелось вспоминать Анну, и он избегал думать о дочери, но иногда мысль, точно сбившись, вновь рисовала ему образ Анны. Карл морщился и виденье отгонял. Ему не хотелось думать о мертвых.

И о тех кто сгинул.

Так он сидел свежим утром у своего дома, в него не заходя и ожидая, когда пойдет Лина доить коров. Теперь уж скоро, заря ярко окрасила небо, вот-вот выплывет солнце над маковками деревьев. Рыжий заерзал, видно что-то заметил. И в самом деле — лязгнула задвижка и на пороге появилась Лина с еще заспанными глазами. Увидав мужа, оторопела, испугалась что ли.

— Это ты? Дома?

— Ну я, — с сердцем ответил Лайнт. — Пока еще в призраке не превратился.

Лина стояла не трогаясь с места.

— Чего же ты здесь, на дворе? — спросила она. — Устал небось...

— Тебе-то что до моей усталости?

— Как Юрий? Что с Юрием?

— Все в воле божьей.

— Ой, ой, — запричитала Лина. — Что только делается, отец! Двое детей, теперь третий...

— Что третий?

— Ну... — Лина запнулась. И в голос заплакала, спрятав лицо в передник. Карл, чувствуя неладное, оторвал ее руки от лица.

— Говори толком, не то я тебе синяков наставлю! Что случилось?

Лина тряслась от рыданий. Карл уже собирался пустить в ход руки, когда на порог вышла Алма, оглаживая рукой косы, тоже прямо с постели, однако глаза у нее были колючие и слова вылетали жесткие и продуманные.

— Янка ушел из дома.

— Янка? Куда? Зачем?

— Ты думаешь, он кому скажет? — спросила Алма ворчливо. — Он еще несовершеннолетний. Если поймают, то отправят домой... или может не отправят, а? Я думаю, он сбежал на суда, там ведь паспорт не требуют, а?

— Ты говори, чтобы понятно было! — снова прикрикнул Карл, хотя из слов Алмы все было как нельзя более понятно. Ян дождался, пока отца не будет дома, и дал тягу. Почему дал тягу?

— Что он сказал, почему уходит? Отвечай!

Алма не испугалась.

— Он сказал, что не хочет больше жить в этом доме.

— Слишком прост для него, да?

— По-моему, он думал про Анну и Юрия, и по-моему, — продолжала Алма, и лицо ее скривила усмешка, — он не хочет торчать зиму в той землянке. Так я думаю. Вот он и удрал, теперь ищи ветра в поле!

Алма закончила с некоторым торжеством, глядя отцу прямо в глаза. Мало кто из детей Лайнтов так смотрел, обычно же если и пробовал, то быстренько опускал взгляд. Алма нет, она выдержала, когда отец грозно прищурился.

— Искать его никто не будет, — проговорил Карл, и непонятным образом именно он на какой-то миг отвел в сторону взгляд, словно ему захотелось увидеть, как на ближней березе поет скворец. — Никто искать не будет и никто поминать не будет! Для всех нас он умер, так и скажи остальным!

— Скажи сам, — ответила Алма, — меня они вряд ли послушаются.

— Знаешь, а мне сдается, что как раз ты собираешься мне перечить, — сказал Лайнт и снова взглянул на дочь.

— Ну, такой, как Анна, я уж не буду, — сказала Алма и хотела отступить, но отец взял ее за руку и притянул к себе, схватил за растрепанные косы, Алма еще не причесалась. У Анны голова всегда была гладенькая как у голубки.

— Какая там была Анна, об этом судить мне, — проговорил отец и сильно дернул дочь за волосы. — Тебе тут нечего выступать, твое дело слушаться и больше ничего. Я вас всех могу как...

У Алмы слезы брызнули из глаз, так тяжела была отцова рука, она вся изогнулась под ней, ой как больно! Наконец она не выдержала и взмолилась, и отец ее отпустил и посмотрел на пучочек пепельных волос, прилипших к его пальцам.

— Иди готовь завтрак, — сказал Лайнт своей теперь старшей дочери. — Матери больше помогай! Работать мы все должны, для того мы на свет и явились!

Алма живо убежала в дом — побыстрее скрыться с глаз отца, лицо ее было перекошено злостью, губы шевелились, извергая наверно проклятья. То были действительно проклятья, она не любила в этом доме никого. Может быть где-то и нашелся бы человек, к которому бы она привязалась душой. Но ведь за околицей своего хутора Алма не знала никого. Зато она знала, что красотой она не равня покойной сестре... хотя может быть эта красота и свела сестру в могилу. Еще не родилась на свет такая женщина, которая не хотела бы быть красивой, которая не согласилась бы ради красоты отказаться от благонравия! Алма была в этом уверена. Она терпеть не могла других, терпеть не могла и себя; расчесывая волосы, она иногда нещадно драла свои серые охвостья, иной раз ей хотелось в кровь искушать себе руки, такие они были красные, с короткими пальцами, обломанными, обгрызенными ногтями. Ей хотелось выступать как пава... как выступала Анна, а под ее ногами гудел пол и даже земля отзывалась эхом. Некрасивая, нескладная...

Ничего, думает Алма, растапливая печь и воюя с дымом, который даже в это ясное утро норовит шибать из печи назад. Троих уже нету, кто сказал, что и другие?.. Беда — она как летучий огонь в лесу. Семья расползается по швам, скоро не останется ничего, ничего! И отец тоже не вечен, он только делает вид, что ему все нипочем, но ему тяжело! А когда отца не будет... мать не в счет, мать такая забитая, где уж ей с Алмой тягаться!

Если как следует подумать, большая часть жизни человека проходит в ожидании. Все ждут, хотя и каждый в свое время. Хотя и каждый чего-то своего.

В «Лайнтах» тоже они ждали. Ждали и сами боялись, что ничего хорошего не дождутся. Анны больше нет, дождутся ли они домой Юрия с Яном? Правда малыши об том особенно не тужат — все равно старшие братья знать ничего не желали о горестях и радостях младших? И только у Густа с Ансом на душе грустно. Следующей зимой им еще не грозит землянка, и даже если бы они про эту землянку думали, она показалась бы им заманчивым приключением, пожить вдаль от отца — разве это не здорово!

А пока Густ вместе с Мильдой бегают за коровами, и оводов этим летом тьма, коровы так и тянут головы в сторону дома, когда воздух начинает противно гудеть.

Хозяин «Лайнтов» на берег ходит редко. Чаще толчется дома, такая припала охота заняться хозяйством, что даже иной раз

учит малышей как надо пасти скот. Он встречал во все хозяйственные дела — женщины не умеют чисто доить, Лайнт бурчал и гудел как гигантский овод. Однажды, когда Алма качнула подойник и молоко плеснуло в навоз, у Карла неожиданно сорвалось с языка:

— Анна так никогда не делала!

Алма подняла голову и посмотрела на отца; Лайнт прямо-таки вздрогнул, такую жгучую, стойкую ненависть он увидел в ее глазах. А Лайнт был мужик не из пугливых. Он отошел в сторону совсем тихий. Возможно он подумал, что силы его идут на убыль? Только тот, у кого довольно сил, может повелевать, так устроен мир, правильно оно или неправильно, но это так. На место происшествия тут же явился Усан, однако он опоздал, вкусная белая жидкость вся ушла в навозную жижу, и хвост у кота печально дрогнул. Алма зло цыкнула на него, когда он несумел вовремя отскочить, пнула тяжелым деревянным башмаком. Жалобно взвизгнув, Усан горестно потащился к дому, и немного погодя за ним кисло поплелась Алма. Этого еще не хватало, отец будет ей ставить в пример потаскуху! Алма девушка честная — хотя бы и только потому, что никто еще на нее не заглядывался.

Больше всех достается Вилису. То он все был подростком, а тут сразу из мальчишеских постол влезай в башмаки взрослого работника. Отец гонял его на все работы и Вилису приходилось подчиняться, попробуй он заартачься, кто бы его поддержал? Однажды он исподволь попытал сестру Алму, но та — какая ее муха укусила — с плеча рубанула:

— А ты как думал? Если у нас теперь меньше людей, пускай поля останутся необработанные? Посмотри как я вкалываю, головы не поднимая!

Да, теперь на работу гоняли их всех, младшие в обеденное время пололи длинные-длинные борозды и горько вспоминали еще прошлое лето, когда в их доме звучал бывало и смех. Анна тихонько попоет, когда отца вблизи нету. Теперь все ходили точно воды в рот набравши. Это было ужасно, и даже мысль такая не мелькала, что можно сбегать по ягоды! Нынче летом ягода наверно осыпная, маленькие пастушата видели, как сельские ребятишки несут из лесу полные кувшины и кружки. Они обируют ягоды, зрелище для детей Лайнтов...

Алма ждала неизвестной, пока еще далеко прятавшейся смерти отца или хотя бы поры его немощи, когда можно будет помаленьку взять правление в свои руки. Она конечно не красавица, пес с ней с красотой, но у нее сильные руки, они с этой судьбой совладают!

И ждал Вилис, что может быть все же вернется кто-то из братьев, про Яна он думал — хорошо бы и впрямь беглеца схватила полиция, тогда их здесь будет хотя бы двое, Янка бы рассказал про свои похождения, и Вилис ни разу бы не хихикнул, так он сам себе клялся-божился, пропахивая картошку и глядя

за картофельное поле на луг, который ходил зеленой волной, иногда отливая на солнце серебром. Красив он, так же как клеверный лужок, который уже зацветает красным, но ой как придется там попотеть!

И мать ждала возвращения сыновей, и мать ждала воскресений, когда Карл разрешит ей сходить на кладбище. Она всегда униженно просила позволения прополоть родительские могилы, и когда это будет сделано, то в следующее воскресенье на них надо посадить цветы, и еще в следующее, ведь естественно, их надо полить. Лина ходила на кладбище одна. Сначала брала с собой Мильду, но потом от этого отказалась.

— От тебя много шума. На кладбище так нельзя.

Мильда конечно надула губы, но особенно не тужила. На кладбище ей вовсе не так и нравилось. И было даже немножко боязно у могилы старшей сестры, которая еще не заросла травой и бедренцом, как другие холмики вокруг; на могиле ничего не было посажено, только в ногах мать воткнула незабудки. Но им не нравилось под елями, строгою дугой окаймлявшими могилу Анны Лайнт. Незабудки тянулись вверх, цветы на них были мелкие, и Лина как ни пойдет всякий раз говорит сложив руки:

— Не нравится тут цветикам.

Она говорила это цветам и белому песку, который царил на кладбище, лишь слегка и лишь кое-где присыпанный черной землей, чтобы ветер совсем не разметал маленькие холмики. Здесь охотно росли, принимались бедреница и очиток, и тимьян, другие цветы чувствовали себя чужими, сиротами. Лина могилки убрала, бесцелное число раз сходила к маленькому колодцу. И теперь стояла сложив руки и думала о тех, кто лежит в земле, и чувствовала тихую скорбь — как о близких, брошенных судьбой на дальнюю чужбину, которых и в лицо теперь не узнать.

А кто же они и есть?

Только Анну она еще видела и снова вздохнула долго и тяжело и единственно так могла помянуть свою дочь. Она не сумела Анну защитить, когда та была жива, что же она может теперь, у могилы?

«Кто знает, может быть Анна теперь более счастлива...»

«Ей-богу ты счастливая, дочка, что тебе не приходится больше топтать своими ногами грязь и прах этой земли...»

Лина не хочет слышать, однако же слышит тихий голос, жалобный-жалобный:

«Мне так бы хотелось знать тяготы земные и чтобы ветры земные веяли мне в лицо... И мне бы хотелось слышать, как мой ребенок скажет первое слово...»

Лина сдвигает платок ниже на лоб и направляется домой, солнце уже давно перевалило за полдень, пора будить тех, кто отдыхал, пора снова приниматься за работу.

Лайнт лежит под старой огромной грушей — никто не знает, кто ее посадил и когда. Но может она посажена и не рукой

человека, а как-то ранней весной, росистой туманной ночью с неба сошел божий ангел и посадил семя как знак божественного промысла, того что в этот дом некогда придет избранник.

И вот знамение сбылось, такой человек пришел, но никто не видит вокруг него божественного ореола и не хочет вслушаться, что он говорит и еще может сказать. Душа Карла Лайнта равно что сосуд полный сокровищ — почему от этих сокровищ все отворачиваются? А может виноват он сам, может он был нерадивым тружеником в отведенном ему винограднике? Но это не его вина, всю жизнь он следовал за своей путеводной звездой, следовал своим законам, которые ему огненными словами возгласил тот посланец, тот избранник. Карл Лайнт прогнал от себя любимую дочь, когда та предалась греху, и бог благосклонно принял великую жертву Лайнта; нельзя же было ждать, пока Анна произведет на свет дитя греха, пока она может станет богохульствовать, пока выйдет из отцовской воли.

Нет, Лайнт все делал правильно.

Он сделал правильно, что не пустил своих отпрысков служить детям дьявола. И если Юрий на этом схватил чахотку, то господу богу лучше знать, исцелить ли это дитя или взять к себе в райские кущи. Лайнт склонит голову и восславит чудо господне, а потом вновь распрямится и оглядится вокруг и будет славить это чудо вдвойне, принародно, пусть приходят люди и слушают и возрождаются к новой вере!

Лайнт все делает правильно, разве что быть может делает мало. Может быть поэтому бог привел его смотреть в неверящие лица своих детей.

Возможно этому трудно поверить, но в «Лайнтах» жизнь идет по-старому. Анна умерла, Юрий далеко и Ян пропал, а они живут по-старому. Может быть и Юрий пропал? Нет, где-то ведь его лечат знающие доктора и хотят поставить на ноги... но — странное дело, никто в «Лайнтах» больше не ждет его возвращения. Разве что мать? Мать — может быть. Теперь им просторно за столом. Изо дня в день Алма с равнодушным видом ставит посуду на стол. Мать думает, что выражение лица дочери верно бы не изменилось, даже приведишь ей класть на стол одну-единственную ложку. Себе.

Как-то раз Алма — ей одной позволялось ходить в поселок — приносит домой письмо. Печатными буквами писаное. По дороге она его щупала, ковыряла, и так ей хотелось его распечатать, но потом в ней все же победил страх. Ведь печатные буквы извещали, что письмо предназначено самому хозяину «Лайнтов».

Хе, думает Алма, все равно же я узнаю, что в нем такое.

Она важно кладет письмо перед Лайнтом, который сидит в горнице за столом.

— Тебе письмо.

Отец поднимает взгляд. Письмо лежит на столе с краю, такое белое, тонкое и ждет, чтобы его прочли. Ждет и Алма, она не отступает ни на шаг. Если отец не скажет, что в нем, она прочтет по его глазам.

— Чего ты стоишь тут? Дел дома нету что ли?

Алма с неудовольствием уходит. Она хотела бы быть любимой дочерью отца теперь, ведь та... Но отец не желает. Не может быть чтобы он все еще помнил ту.

Потом, после обеда, Лайнт, подозревая жену, говорит:

— Юрия они закопали там.

— Как — там?.. Как — закопали?.. Я ничего не понимаю, муж, говори яснее!

Лайнт помахивает письмом.

— Так они пишут. Я, когда там был, сказал им — если Юрий умрет, сюда везти нечего. Земля везде одинаковая.

— Но здесь же... Кто теперь к нему ходит, цветы посадит?

Лина плачет. Пускай себе плачет, Лайнт кладет письмо и выходит на воздух, где светит осеннее солнце и над полями в веселых блестях летают паутинки.

Хозяин «Лайнтов» стоит у края вспаханного поля. Юрий, думает он, как выглядел Юрий? Странно — отец уже не помнит черт своего сына. Зато отчетливо видит землянку на берегу Ирбе. Не надо было Юрию оттуда уходить, тогда бы он по сей день еще был жив и здоров. Нельзя сказать чтобы королю Лайнту не было жаль сына. Но король не должен скорбеть так, как скорбят обыкновенные люди, скажем Лина. Короли отвечают за души своих сыновей и подданных только перед богом.

А бог по-прежнему молчит.

С виду в хозяйстве Лайнтов не заметно никаких перемен — и тем не менее Карл стал боязлив. Велел обнести двор глухим забором и ворота сделать хитро — чтобы открыть их сумел только свой. Хотел пристрелить Рыжего, старый уж, какой из него сторож. Но младшие дети подняли крик, и отец — слыханное ли дело — отступился. Он теперь по воскресным дням не произносит длинных проповедей, сам правда часто читает Библию, однако при этом хмурится, казалось — он не согласен с древним учением и про себя спорит с невидимыми его глашатаями, которые сошлись к нему в чистую горницу. Иногда отодвинет от себя книгу далеко, встанет и начнет шагать взад-вперед по комнате, потом выйдет во двор и глядит вокруг отчужденным взглядом, словно все впервые видит и увиденным недоволен. Он ходил и к морю, куда ж ему еще нести свою тревогу? Из домашних никто не смел у него что-либо спросить или сказать, король есть король, он в своих действиях не видел ни одной ошибки, ни одного ложного шага. Лайнт человек крутой. Есть натуры, которые умеют только повелевать; этим конечно не сказано, что их приказы всегда правильны. Лайнт поднимался на дюну, с которой видно море, смотрел и искал следы

на песке, но следов не было, только птица какая-то здесь прошла да лесной зверь, чувствуя себя в безопасности, взбежал по склону, постоял и с фырканьем кинулся прочь от чего-то бурного, непонятно чего, что внизу там ярится, как дикий кабан, брызгаясь пеной. Лайнт стоял, разглядывая следы, и даже если попадался отпечаток ног человека, все равно не те, не те это следы. Утомившись в своих тщетных поисках, он садился прислонясь спиною к ближней сосне и пробовал вспомнить те несколько дней, столь далеких, что они уж не могут играть роли для той части жизни, какую ему оставалось прожить. Он думал о странном путнике, который перевернул вверх дном жизнь Карла, дав ему новую веру, причем такой силы, что Лайнт от нее захмелел на всю жизнь. И даже имени своего пришелец не назвал, лишь усмехнулся — придет-де время, он возвратится в «Лайнты», тогда и скажет свое имя, если Лайнт до той поры сам не угадает.

Прошли годы, а Лайнт все еще не знает своего пророка.

В один прекрасный день Лина сказала мужу, что муки осталось всего на одну выпечку. И, стоя в стороне, молча и покорно ждала, какие слова изречет ее муж и повелитель.

— Ну так надо ехать на мельницу, — сказал Лайнт.

И велел собираться Вилису и Ансу, сам он ехать не хотел. Что так? Какие-нибудь срочные дела его держат?

Да нет... и все же... Ему казалось, что нельзя бросать дом ни на минуту, что-то может случиться, кто-то может прийти и, не застав Лайнта, снова уйти. Чаще чем когда бы то ни было Лайнт думал о том пришельце, вестнике, что, едва появившись, снова исчез. Исчез — но ведь не навсегда? Лайнт усердно, честно выполнял все, что внушал ему внутренний голос, голос свыше. Не может того быть, чтобы Лайнт, самый преданный из преданных, в итоге был забыт. Этот час уже недалек. Этот час придет, а с ним и награда за деяния хозяина «Лайнтов».

А в том, что дела эти были добрые, у него нет никаких сомнений.

Вот почему на мельницу ехали Вилис с Ансом.

— Привези... — сказал он Вилису, когда тот подошел проститься и спросить, не нужно ли чего.

— Что привезти?

На самом деле Лайнт хотел сказать «простись» — почему, он не знал. И с кем проститься? С мельником, для которого Лайнт лишь один из многих помольщиков? С озером, которому безразлично, кто мимо него едет? Да, с кем хотел проститься: король Лайнт и почему?

— Привези одну поллитровку, — в конце концов сказал своему сыну Лайнт, и тот ответил «да». Телега, груженная тугими мешками, колыхаясь выкатила в новые, мудрено сделанные ворота, которые человеку чужому не открыть.

Помольщики воротились домой только назавтра вечером. Сейчас хлеб нужен всем и всюду, и из всех дворов везли новый хлеб, он по-царски путешествовал на мельницу и обратно, и люди с почтением запускали руку в свежесмолотую, еще теплую от прикосновения камня муку, как будто по горсти муки можно угадать, будет ли в хлебушке этого урожая сытность.

Хозяин «Лайнтов», вопреки многолетней привычке, выпил в тот вечер водки, предложил по чарочке и сыновьям, однако те отказались. Тогда Лайнт поздно вечером, оставшись один, один бутылку и кончил и долго сидел, глядя на пустую посуду налитыми кровью глазами. Ему хотелось вспомнить вкус водки, которую он некогда так жаловал. Возможно у него была тайная надежда, что отступят тяжелые мысли, да, в прежние времена ведь он выпивши даже пел. Но ничуть не бывало, темный и хмурый он сидел у окна и смотрел, смотрел, как вдруг...

Что это там? Лайнт вскочил на ноги.

Он же ясно видел какое-то лицо, одну секунду даже казалось, что оно прикикло к стеклу, потом отпрянуло, и потом он как будто его заметил в темноте двора, поодаль, там ведь стоял, вот ей-богу стоял человек, ожидая, когда Лайнт выйдет!

Лайнт медлил, но недолго. Так значит пробил час? Долгожданный, желанный час? Не накинув и пиджака, он взволнованный вышел во двор, где с углами избы играл в прятки ветер и на дорожке тихо шептались опавшие листья.

— Вот я, — произнес Лайнт вполголоса, затем повторил громко. Он не видел никого, однако был уверен, что стоящий в темноте, тот кто его ждет, видит все.

— Я здесь, — повторил он немного погодя. Ответа не было. Меня испытывают, думал Лайнт, готов ли я, достоин ли встретить такого гостя. Он знал твердо, знал наверняка, что достоин, и зажмурился, приготовившись тотчас увидеть слепящий свет — недалеко тот миг, когда перед ним откроются небеса.

— Я долго ждал, — сказал он тому, кто стоял в темноте и слушал. — Всю жизнь я ждал, с той минуты как остался один, я прошу тебя, скажи, что еще я должен сделать, чтобы обрести корону!

Зашептал ветер, и Карл Лайнт напряг слух.

— Я искал ее на суше и у моря, — сказал он, и в его голосе звучала мольба, — и люди надо мной смеялись, но я не свернул со своего пути, ты слышишь, ни на шаг не свернул я с пути! Приди и благослови мои дела, ведь иногда я устаю, приди и дай мне сил...

И Лайнту слышалось, что кто-то действительно говорит, кто-то его зовет, и он пошел на голос не раздумывая, он пустился чуть ли не бегом. Ах, он так долго, слишком долго ждал! Но он ни в чем не упрекал высокого гостя, который наконец внял мольбам и пришел успокоить его пылающую душу.

До утра Лайнт бродил... То было воскресное утро, и церковный колокол гудел над поселком, даже на море был слышен его призывный звон.

Прихожане, первыми явившиеся к службе, не верили своим глазам, увидав бродившего вокруг церкви Карла Лайнта... Вид у него был такой, словно он только что с постели, а вернее сказать — словно он этой ночью и не ложился. И неприбранная его внешность мешала им вообразить себе то сияние, которое было внутри Лайнта и которое, как ему мнилось, он излучал вокруг себя. Всю эту ночь Лайнт разговаривал с небесными духами, и что замечательно — они были как равные между собой. Лайнт рассказал им все, и они все поняли... У Карла сияли глаза, а жители поселка, глядя на него, замечали только тревожный, болезненный блеск, ах, им было дано видеть лишь внешнюю сторону вещей, бедные, бедные люди. Карлу было их жаль, и когда кое-кто из прихожан с Лайнтом опасливо заговаривал, тот, к их удивлению, отвечал спокойно, вежливо, как-то по-отечески. И тут произошло самое большое чудо; когда люди стали заходить в церковь, хозяин «Лайнтов» пошел вместе с ними. Хотя он и не был одет в праздничное и хотя селяне не могли видеть нездешнее сияние, которое с этой ночи было вокруг Лайнта, они все же ему не препятствовали, и в самом деле — рыбаки никогда на такие вещи не смотрели слишком строго. Король Лайнт сел впереди всех, и этому тоже остальные не препятствовали, только рыбацкие жены зашущукались — как тут утерпеть. Глазели все, как же иначе, иные прожили тут большую, долгую жизнь, а чтобы хозяин «Лайнтов» зашел в церковь, такого не видели.

Скамьи заполнялись, и король Лайнт сидел на своем месте выпрямившись, с великой серьезностью в лице. Пастор уже приехал и теперь облачался в ризнице и органист пробегал пальцами по клавишам... вот-вот должно было начаться богослужение.

Лютеранские церкви простые, и самые простые среди них — церкви взморских рыбаков. Голые беленые стены, окна с простыми белыми стеклами, а образ в алтаре — чаще всего Иисус, идущий по воде.

Лайнт сидел и порой обводил беспокойным взглядом помещение перед собой. Он досадовал, что сегодня в церкви нет больше никого из Лайнтов... ну да не сам он им запретил?

Минуту назад Лайнту еще не было ясно, что он собирается делать, в голову лезли всякие мысли, их было ужасно много, им не хватало места, они толклись и толпились в его мозгу, от них раскальвалась голова.

По церкви прошумел словно плеск волны — Лайнт поднялся со своего места и вот он быстрым шагом подходит к амвону.

В этот самый момент из ризницы выходит пастор — он просто опешил, увидя перед амвоном здорового мужика с горящим взглядом. Они стояли друг против друга... и в этот миг,

этот короткий миг в большей растерянности наверняка был пастор. Онемели от неожиданности и прихожане, они все устали на невиданную сцену. Был среди них и Екаб со своею Кларой, они тихо сидели на своих местах, но когда произошло замешательство, которое могло неизвестно чем и кончиться, — они тоже вытянув шеи смотрели, как там единоборствуют двое сильных.

— Пусти меня! — крикнул Лайнт грозным голосом, видя, что пастор готов заступиться ему дорогу.

— Безумный грешник! — Пастор воздел в воздух свой золотой крест, который носил на шейной цепи. — Уйди прочь, покинь сие святое место, пока тебя не поглотила геенна огненная!

— Что ты знаешь о геенне огненной, ты, нищий с рыбьей кровью! — кричит ему в ответ Лайнт. — Я всю жизнь горел в адском пламени, и вот оно погасло, я свободен, и наконец корона холодит мой лоб!

Он обеими руками схватил себя за голову.

— Пустите, я буду говорить, я давно нес вам весть, но я не мог ее провозгласить — мне не был дан знак, по которому меня узнают. А вчера ночью тот, имени которого я не смею назвать, возложил мне на голову королевскую корону, и я буду носить ее с честью! Смотрите, я коронован вашим правителем!

Органист, давно уже чувствуя, что внизу творится что-то неладное, обернулся назад, и от того, что он увидел, его выпученные рачьи глаза чуть не вылезли из орбит.

Лайнт видимо совсем рехнулся. Но он несокрушимо стоял перед пастором и не собирался отступать.

— Теперь мы все будем жить одной семьей, и вы будете слушаться моих приказов, вы все, я их получаю свыше...

Тут Лайнт осекся, как если бы он вдруг что-то перед собой увидел, но никто не знал что именно. Пастор чувствовал, что Лайнт вот-вот упадет, и тут он, набравшись духу, крикнул на свою паству, которая, как испуганные волком овцы, трусливо сидела на скамьях.

— Люди, чего вы ждете, долго ли вы будете позволять этому безумцу кощунствовать в вашем храме? — кричал пастор, и так как Лайнт не мог вымолвить и слова, то прихожане опамятались. Мешкая поднялись первые мужчины, тяжелые, неловкие рыбаки, на земле они и впрямь были неловкими, их стихией было море, оно давало им силу и ловкость. Рослые и неловкие, может быть поэтому они выглядели особенно грозно; они направлялись к амвону, туда, где стоял король Карл, суля им новое, счастливое царство, и невидимая корона на его седой голове излучала сияние.

После этого он с хохотом бегал по убранному и частью вновь вспаханному полям, на которых росло скудное пропитание людей этого края, и обеими руками держался за голову, чтобы на бегу с нее не слетела королевская корона, которую прошлой ночью на него надел долгожданный посланец.

Ян СТРАДЫНЬ,
академик АН ЛатвССР

ВИНОВАТА ЛИ НАУКА?

Обсуждение проблем современной науки на страницах литературного журнала в последнее время становится все более редким явлением. Тем не менее я не намерен воспользоваться предоставленной мне кафедрой для превозношения безграничных возможностей науки и тех благ, которые она приносит — и в будущем должна принести — и человечеству, и нашему обществу.

Хочу обратить внимание на другое. В последнее время наметилось нечто неожиданное: меняется отношение общественного мнения к науке и ученым, и надо признать, не в лучшую сторону. Науке, фундаментальным ее проблемам отводится все меньше полос на страницах печати. Даже эпохальные открытия (например, высокотемпературная сверхпроводимость) в 1987 г. встречены без былого энтузиазма. Популярны лекции на естественно-научные темы становятся все менее популярными, и в беседах с людьми, далекими от науки, чувствуется какое-то отчуждение. Во всяком случае, мне постоянно доводится встречаться с гораздо большим интересом к тому, чем я занимаюсь в Латвийском обществе охраны природы и памятников, в Латвийском фонде культуры или по истории науки, нежели к тому, что делается в Институте органического синтеза. А ведь занимаются у нас в институте поиском новых лекарственных средств и средств химизации сельского хозяйства, развитием важных разделов теоретической химии и молекулярной биологии. И делается

это — я осмелюсь утверждать — на современном уровне, работы наши находят отклик в других странах Европы, Америки, в Японии и Индии. Если в былые годы при случайном знакомстве собеседник загорался некоторым интересом к новостям химии, то ныне более привычной становится реакция: «Химия? Ну-ну...» И это при том, что Латвия никогда не была захолустьем в царстве химии, что работы здесь ведутся не мелкие, не на провинциальном уровне; всегда имеются какие-то значительные, а может быть, и обнадеживающие новости.

Коллеги-физики говорят, что и у них примерно то же, и лишь к биологии интерес общественности возрастает, особенно если говорить об экологии.

Что это такое — разочарование общества в науке? Утрата доверия? В наше-то время перестройки и обновления, когда научно-технический прогресс, передовой научный опыт провозглашен тем фактором, который — вместе с перестройкой экономики и мышления, с демократизацией жизни — должен спасти нашу страну, наше общество?

Даже если в этих наших наблюдениях и суждениях о падении престижа науки кое-кто усмотрит перекокс, преувеличение, все же тенденция такая имеется — и не только в Прибалтике, но и в Москве, Ленинграде... Давайте разберемся, **откуда она идет.**

Первая причина, вероятно, связана с проблемой войны и мира.

Третья мировая война давно нагрянула бы, стала бы трагической реальностью эпохи, «плюсквамперфектом», если бы в середине XX века, сразу же после второй мировой войны, ученые не изобрели ядерное и термоядерное оружие, баллистические ракеты, лазеры и тому подобное. Именно фантастические достижения науки и техники породили то военное и политическое равновесие, которое не позволило вспыхнуть мировой войне в разгар корейской, карибской, ближневосточной, средне-европейской, вьетнамской и иных кризисных ситуаций. В то время мы могли рассматривать — и рассматривали! — науку как спасителя, избавителя от военной катастрофы. Но время шло, гонка вооружений все нарастала, поглощая ресурсы держав, производство оружия взаимного устрашения и уничтожения превысило всякий разумный предел. В общественном сознании наука все более ассоциировалась с милитаризмом, с военно-промышленным комплексом. Стало меняться и представление о науке и ученых.

Второе. Обществу пообещали, что наука преобразует и облегчит повседневную жизнь, сделает ее более изобильной, легкой, зажиточной. Век синтетики и полимеров, повышение урожайности полей и домашнего скота при помощи химии — Хрущёв ввел даже третье слагаемое в формулу коммунизма («...плюс химизация народного хозяйства»). Многие из задуманного выполнено, но результат оказался не тем, будущее оказалось не таким, каким его представляли, — наступило разочарование.

Третье — это нарушение равновесия между человеком и природой, засорение среды. Появилось грозное слово — «экология». Это не только загрязнение морей, озер, воздуха городов — нечем дышать, неоткуда брать чистую воду — это и деформация среды: исчезновение привычного ландшафта, наших рек. Да и экология культуры.

У нас в Латвии тоже выявились болезненные точки, такое множество их, что страшно становится: река Даугава, река Лиелупе, далее Юрмала, Олайне, Вентспилс... Да и наша Рига во многих отношениях стала не такой, какой мы желали бы ее видеть.

Вспоминаю дискуссии о строительстве Плявиньской ГЭС в 1957—1958 гг. Широкие слои населения, особенно латышской интеллигенции, выступили тогда против затопления и гибели уникальной долины Даугавы между Кокнесе и Плявиняс, но ратовали за альтернативный проект обводного, деривационного канала, который мог бы — при некоторых издержках — спасти овейный легион утес Стабурагс и многое другое. Возобладали тогда иные мнения, сбрасывающие со счетов охрану природы, и, надо признать, они нашли поддержку и в среде технической интеллигенции, и в части народа. Принятое тогда правительственное решение, как сегодня признают даже энергетики, было все же не оптимальным. Для старожилов Латвии гибель долины Даугавы осталась незаживающей раной на всю жизнь. Сейчас, спустя 30 лет, протест общественности Латвии против строительства Даугавпилсской ГЭС, в 1986—1987 годах, после появления статьи двух молодых журналистов Д. Иванса и А. Снипса, оказался куда более единодушным, куда более мощным по силе (а быть может, и в 1958 году он был таким, только времена были не те, люди боялись, не было гласности?). Протест, подхваченный и нашими учеными во главе с академиком Р. А. Кукайн, неожиданный по своей силе, отразил значительный сдвиг в сознании общественного мнения республики — против технократии, против издержек научно-технического прогресса. Эта точка зрения, как известно, победила — в ноябре 1987 г. Советское правительство приостановило работы на Даугавпилсской ГЭС.

Я был свидетелем зарождения в 1958—1960 годах идеи строительства центра тонкой химической промышленности в Латвии. По замыслу покойного академика С. А. Гиллера, благодаря его настойчивости, под Ригой возник новый город Олайне — «химический спутник» столицы Латвии, как его тогда помпезно именовали. В те времена превозносили и передовую роль тех разделов химии, которые должны были положить развитие на новых заводах, и соответствие профиля создаваемой промышленности химическим традициям Латвии, местным возможно-

стям, запросам страны. Наша печать пестрела статьями такого рода. И все это действительно так и было. Только о возможных экологических последствиях почти не задумывались. Наоборот, считалось даже весьма разумным, что используются бросовые, болотистые площади для создания тонкой химии. Сейчас природа напомнила о себе, и в сознании людей слово «Онлайн» обретает иной смысл — уже не со знаком плюс. Придется искать компромиссы. Это будет непривычно и нелегко, это потребует «нового мышления».

Полагаю, что именно перечисленные выше моменты в значительной мере охладили отношение общества к науке, еще недавно столь восторженное. Науку в какой-то мере стали ассоциировать с издержками НТР. Впрочем, наука не виновата во всем, что случилось. Наука — как природа: она дает дары, идеи, **возможность** технического воплощения. Как это воплощается на деле, зависит от состояния общества — политического, экономического, морального, от уровня этики и культуры. Хотя, безусловно, процесс науки создает и объективные проблемы, порою трудно разрешимые; прогресс приносит человечеству не одни лишь блага. Недаром в мире все нарастает движение «зеленых». Не минует оно и нас.

Было бы наивно полагать, что и нашу науку не затронул период застоя, хотя могу утверждать, что наука, по крайней мере академическая наука, быть может пострадала меньше, чем экономика, культура, общество в целом. В науке все же было достаточно сильно развито ощущение объективного, начало критики и самокритики (не везде и не во всем, признаем открыто: самодуры и ограниченные личности действовали в науке и здесь, в Латвии). Правда, голос ученых при обсуждении наиболее важных проблем развития общества, развития республики звучал слишком робко, приглушенно.

Не будем ссылаться на тормоза нашей научной жизни, такие, как, скажем, все еще неналаженный механизм внедрения достижений науки в практику, слабая аппаратурная база, неразвитость передового отечественного приборостроения, неналаженность международного обмена,

особенно в воспитании молодых исследователей. Хотелось бы подчеркнуть другое — несмотря ни на что, общество должно поддерживать науку и в моральном, и в материальном отношении, понять ее проблемы, возможности и недочеты.

Возникают опасения, что особенно на периферии, в малых республиках, «антинаучные» настроения в нашу противоречивую эпоху могут нарастать. Реконструкция производства, например, высвободит определенное число людей, которые мысленно свяжут свои житейские неурядицы с технократией, с издержками НТР и, возможно, будут коситься и на ученых. Переход на самофинансирование, хозрасчет, широкое развитие различного рода кооперативов должны — по крайней мере в первое время — осложнить положение науки. Производство не сразу обратится за помощью к науке, а только по мере своего экономического укрепления, не сразу наука отсюда сможет получить материальные стимулы для своего развития. С другой стороны, производством стимулироваться-то будут прикладные разработки, а не фундаментальные исследования. Не угрожает ли науке опасность стать поденщицей?

Важно, чтобы государство, общество финансировало бы не только прикладные, сиюминутные аспекты науки, но и фундаментальные, глубинные диапазоны. Они как будто выгоды не дают? Возможно, но они составляют важную часть интеллектуального, духовного потенциала нации, так же как культура, искусство. К тому же академическая наука недорога, она поглощает менее 0,1% общих ресурсов. Было бы заблуждением под флагом самофинансирования и хозрасчета сократить поддержку фундаментальных наук в союзных республиках, особенно в Прибалтике, где потенциал естественных и технических наук высок, а традиции исследовательской деятельности прочны: будем, мол, развивать «большую науку» только в больших центрах, а на периферии — «региональную науку». Что-то в подобном роде было предпринято в ГДР в середине 60-х годов, и это до сих пор оставило свой отпечаток на научной жизни этой передовой страны, хотя спохватились там почти сразу. Соз-

дать или восстановить науку за пятилетку невозможно, это — дерево, плодами которого наслаждаются лишь будущие поколения, которое участвует в создании атмосферы общества незаметно.

И еще одно — оплата научного труда, особенно для начинающих, для молодежи, все еще низка, несмотря на попытки упорядочить ее. Уже некоторое время наблюдается отток способной молодежи от естественно-научных и инженерных дисциплин, а в наше-то время часть может удариться в «кооператоры», особенно учитывая склонность латышей к практической деятельности.

Несколько лет назад, в 1984—1985 годах, социолог Т. Вилциньш провел в 12 средних школах и 4 вузах Латвии социологический опрос — каков престиж отдельных профессий среди молодежи. Было опрошено 444 ученика — выпускника средних школ, и вот какой ряд из 30 дисциплин они выстроили: 1) врач, 2) юрист, 3) преподаватель вуза, 4) ученый-физик, 5) ученый-химик, 6) ученый-историк, 7) ученый-биолог, 8) агроном, 9) инженер-строитель, 10) учитель средней школы, 11) инженер-технолог, 12) тракторист-комбайнер, 13) инженер на транспорте, 14) офицер милиции, 15) инженер связи, 16) доярка, 17) электромонтер, 18) повар, 19) токарь, 20) шофер грузовика, 21) кадровый офицер, 22) слесарь, 23) машинист тепловоза, 24) бухгалтер, 25) водитель троллейбуса, 26) рабочий полеводческой бригады, 27) продавец гастронома, 28) штамповщик, 29) рабочий на конвейере, 30) официант в ресторане.

Наиболее престижная профессия врача по пятибалльной системе охарактеризована оценкой 4,71, наименее престижная — официант — 2,25. Профессиям ученых выставлены плохие оценки (физик — 4,35, химик — 4,30, историк — 4,21, биолог — 4,15). Между прочим, это существенно выше тех оценок, которые были выставлены учащимися Латвии в аналогичном опросе в 1965 году (от 3,86 физика до 3,29 биологу — правда, химия и физика в восприятии учеников поменялись ме-

стами, химия в какой-то мере утратила свою былую привлекательность, а физика стала престижнее).

Что же, данные как будто обнадеживают (правда, новый опрос доцента Биксе из ЛГУ дает иную картину), но автор опроса в беседе со мною разделил опасения о том, что и представления школьников и студентов за последние 3 года могли претерпеть эволюцию, и нам следует делать все возможное, чтобы ореол науки среди молодежи не померк. Необходимо, чтобы молодежь не только на словах ценила науку, но и тянулась бы к ней. А это значит — не только шла в науку, но и овладевала хотя бы азами научного мышления для повседневной, практической жизни: элементы науки нужны не только ученым, инженерам, но и рабочим, земледельцам, людям различных ремесел.

Почему общество должно оберегать науку? Потому, что именно в ней оно найдет надежного союзника в исцелении от многих своих недугов. Те три проблемы, о которых мы говорили вначале, порождены наукой и лишь наука может их решить. Мы уже стали свидетелями того, что сейчас, когда в политике пробило путь «новое мышление», именно ученые наряду с высшими государственными деятелями ищут пути, как обуздать гонку вооружения, как разумно и взаимоприемлемо решать проблемы войны и мира, освобождать мировые державы от непосильных военных расходов. Решение экологической проблемы также дает наука — как разумно сочетать потребление общества с правильным отношением к природе. И наконец, изобилие продуктов, прогресс сельского хозяйства, медицины, быта немислимы без участия науки (разумеется, при продуманных принципах и правильном ведении народного хозяйства).

Будем помнить также, что наука — часть национальной культуры, и уже само существование в определенном городе университета, института, Академии наук является общим достоянием всего общества, которое поднимает его, делает более развитым и зрелым.

Четверть века назад в старом доме на одной из старых ленинградских улиц, на Моховой, в обшитой панелями мореного дуба комнате — в гостиной журнала «Звезда» — дважды в месяц собирались писатели-фантасты. Это было, как теперь говорят, «неформальное объединение» — формальная работа шла по соседству, в Доме писателя, на заседаниях комиссии, как она тогда называлась, по научно-популярной и научно-фантастической литературе. Сюда же приходили запросто — поговорить, послушать написанное, поделиться новостями. Многие голоса, звучавшие тогда в этих стенах, сегодня — лишь мергвая история да живая наша память. Георгий Мартынов и Александр Мееров, Геннадий Гор и Лев Стекольников, критики Евгений Брандис и Владимир Дмитриевский...

В тот вечер, когда я впервые попал в гостиную «Звезды», читал свои рассказы Илья Иосифович Варшавский.

С тех пор вышли в свет пять его книг. О нем самом написано немало — едва ли любой серьезный разговор о фантастике в 60—70-е годы обходился без пламенных филиппик в адрес его таких несерьезных рассказов. «Мастер остро-парадоксальной новеллы», «классик научно-фантастического рассказа», «ОГенри нашей фантастики» — писали о нем. Что же добавить ко всему этому сейчас, да еще в нескольких словах?

Разве можно коротко рассказать о жизни моряка и инженера, изобретателя, чья первая же работа привлекла внимание маршала Тухачевского, наконец писателя, уже один из первых рассказов которого получил премию на международном конкурсе, а первая книга была сразу же переиздана и выдвинула автора на одно из ведущих мест в своем жанре? Об этом нужно или писать книгу (как жаль, что она до сих пор не написана!), или сказать всего два слова, но самых главных: «Се Человек». Мудрый и ироничный, бесконечно талантливый и безгранично добрый, бескомпромиссно порядочный и заразительно веселый. Если к немолодому уже человеку вечно тянутся молодые — это говорит о многом. На заводе «Русский дизель» Варшавский создал молодежное КБ, а в Союзе писателей — семинар молодых фантастов, который вел пока хватало сил.

Литературную его судьбу называют счастливой, ему не пришлось пробиваться — его приняли сразу. Прямо по окончании первой же читки рассказов на заседании упомянутой уже комиссии было составлено письмо в Лен-издат с просьбой выпустить книгу талантливого автора, и книгу напечатали — всего за два года. Это почти фантастика, но так было. Опубликовано больше восьмидесяти рассказов, две повести — и это за какое-нибудь десятилетие. Ведь вошел в литературу Варшавский четверть века назад и вот уже четырнадцать лет, как Илья Иосифовича нет с нами. Но...

Ведь в тот первый мой вечер в гостиной «Звезды» Варшавский читал «Куклу». Тот самый рассказ, который сегодня, как и «Последний кит», публикуется впервые.

Вспоминаешь — и становится горько на душе, и возникает такое чувство, будто и сам в чем-то виноват...

Но рядом оживает и гордость — ибо вопреки всему, собственной смерти даже, писатель продолжает жить. И рассказы его — сегодняшние, наши, они могли бы быть написаны не только вчера, но и завтра.

И робко, но упорно поднимает голову надежда, что придут к читателю и другие, новые рассказы писателя — из тех, что лежат еще в столе Ильи Варшавского.

Андрей БАЛАБУХА

Илья ВАРШАВСКИЙ

ПОСЛЕДНИЙ КИТ

Рассказ

Адмирал-директор, казалось, выпрыгнул из старинной книжки, полной чудесных приключений. Рукава темно-синего мундира были до локтя расшиты галуном, два ряда металлических пуговиц, украшенных силуэтом кита, сияли отраженным светом ламп, седую голову венчала фуражка с лакированным козырьком, окаймленным золотым шнуром. Мясистые щеки с синими прожилками подпирал воротничок крахмальной рубашки с тщательно повязанным черным галстуком.

Перед лицом этого фантастического великолепия Зигмунд Ланис сильнее обычного почувствовал свою незначительность в мире, где все сколько-нибудь стоящее внимания делало взрослые. Машинально, как бы ища поддержки, он вцепился в рукав деда.

Старый Ян Ланис тоже принарядился по случаю торжества. Сегодня он сменил традиционный оранжевый комбинезон китобоя на морской китель, ставший ему уже слишком широким в плечах.

Зиг незаметно потерял носом о рукав кителя и с удовольствием вдохнул запах нафталина, смешанный еще с чем-то, чем пахнут только очень старые вещи.

— Это будет отличная охота! — сказал адмирал-директор. — В поиск включены двенадцать флотилий. Надеюсь, что ему от нас не уйти.

Ян кивнул головой. Как все китобои, он был немного суеверен и не любил предугадывать события.

— Кит ваш, Ян, — продолжал адмирал. — Думаю, лучшего подарка мы вам сделать не могли. Как вы к этому относитесь?

— Конечно, но мне, право, неловко...

— Чепуха! — перебил адмирал. — Человек выходит на пенсию один раз, и долг товарищей достойно отметить это событие. Прошу! — Он указал на вращающееся кресло перед пультом. — Я буду у себя в каюте. Сообщите мне, когда кит войдет в зону поражения.

Адмирал-директор повернулся и вышел из рубки, широко расставляя негнущиеся ноги.

— Садись, малыш! — Ян вытащил из-под пульта укрепленное на шарнирах сиденье. — Сегодня ты увидишь охоту, о которой не стыдно будет рассказывать внукам. Дайте район! — нагнулся он к микрофону.

На экране появилось изображение карты.

— Узнаешь? — спросил Ян.

Несколько секунд Зиг вглядывался в очертания материков.

— Вот это... кажется... Гренландия, — неуверенно сказал он, ткнув пальцем в экран.

— Верно! А это?

— Это?... Не знаю.

— Шпицберген. А вот — Чукотка. Ну что ж, посмотрим, где может быть наш кит. Дайте последние данные! — снова сказал Ян в микрофон.

На маленьком экранчике слева появилась колонка цифр.

— Так... — Ян ввел данные в счетную машину и нажал красный клавиш.

По экрану поползла голубая линия, замкнувшая акваторию на карте в несколько тысяч квадратных миль.

— Вот в этом кольце его нужно искать.

— Почему? — спросил Зиг.

Ян взял с пульта указку, точно такую, какой в школе пользовался учитель географии.

— Вот здесь локационные буи зафиксировали прохождение кита три часа назад. Вот тут он был спустя еще два часа, тут он изменил направление, но как бы он ни петлял, из этой зоны выбраться ему не успеть. Понятно?

— А если он нырнет?

— Все равно, от нас ему не уйти. Он должен подниматься на поверхность, чтобы глотнуть воздуха. Сейчас мы начнем игру. — Ян откашлялся. — Китобойным флотилиям занять исходные позиции! — В голосе деда появились незнакомые Зигу повелительные интонации. Вот так, вероятно, в древности капитан фрегата давал команду приготовиться к бою.

— Скоро ты их увидишь, малыш, а пока придется немного подождать. Все делается не сразу.

Ян достал из кармана старую трубку с изглоданным мундштуком и кожаный кисет.

Зиг попытался втянуть ртом клуб ароматного дыма, но тот умчался вверх, подхваченный струей кондиционированного воздуха.

— Он хищный, этот кит?

— Вряд ли, — усмехнулся Ян. — Я уже не помню, когда последний раз видел зубатого кита. Им сейчас нечего жрать в океане. Раньше, когда еще была рыба, изредка попадались. Нет, это обычный усатый кит, питается планктоном.

— Зачем же их тогда убивают?

Ян сделал подряд несколько затажек.

— Как тебе объяснить? Когда-то был промысел. Китовый ус, ворвань,

мясо. Теперь все это гроша ломаного не стоит. Век синтетики. То, что делается на заводах, лучше и дешевле. Скоро наши флотилии пойдут на слом. Слишком дорого они обходятся, да и китов уже почти не осталось. Может, этот — последний.

— Тебе жалко?

— Конечно! Спроси меня, какой момент лучший в моей жизни, и я отвечу: тот, когда я вижу в прицельной рамке кита.

— Почему?

— Это трудно рассказать, нужно самому попробовать. Китобойное дело — настоящее мужское занятие. Вот я — человек, козьяка по сравнению с китом, но в моих руках техника, электронные приборы, корабли, ультразвуковые торпеды, нейтронные пушки. Я царь природы, а он... словом, сам увидишь.

Зиг почувствовал легкую тошноту. Он слез с сиденья и подошел к иллюминатору. Линия горизонта, разделяющая маслянистую поверхность океана от тусклого серого неба, медленно покачивалась в бронзовом кольце. Зиг поднялся на цыпочки и взглянул на гладкие валы, похожие на спины исполинских животных. Где-то там, в безжизненной толще воды, блуждал обреченный Левиафан.

— Я не про то спрашивал. Тебе кита не жалко?

Ян удивленно взглянул на внука.

— Кита? А чего его жалеть?

— Ты вот сказал — царь природы. А может, кит тоже думает, что он царь природы. Ведь он такой большой.

— Думает! — фыркнул Ян. — Хитрости в нем действительно много, а ума не больше, чем у кошки. Нет уж, чего-чего, а думать он не может. Вот когда-то были дельфины, тоже из китовых, те вроде думали. Даже стрелять их запретили. Ученые такой визг подняли!

— Ну и что?

— Так и не выяснили, о чем они там думали. Рыба вывелась и дельфины все передохли. Без пищи, думай не думай, а жить нельзя.

Сверху из динамика раздался треск и кашель. Потом хриплый голос произнес:

— Первая флотилия подходит к району поиска!

— Смотри, малыш! — сказал Ян.

На экране появились десять светящихся точек. Кильватерной колонной суда шли по дуге, параллельной окружности, ограничивающей возможное местонахождение кита.

— Вторая флотилия заняла исходную позицию!

— Третья флотилия на месте!

— Отличные ребята! — сказал Ян. — Смотри, как они точно работают. Через несколько минут район будет окружен.

— А где мы?

— Тут. — Ян ткнул указкой в центр района. — Здесь мы будем ждать, пока Их Величество Кит не пожалует к нам в гости.

— А если он не захочет?

— Заставим.

Ян подождал рапорта двенадцатой флотилии и придвинул к себе микрофон:

— Слушать мою команду! Аппараты на зону поражения!

— Есть аппараты на зону поражения!

Двенадцать голосов, вся октава, от старческого баса до юношеского дисканта, одинаково взволнованных предстоящей охотой, радостно отрепетировали команду, выдерживая положенный интервал в одну секунду. Это было скорее данью традиции, чем необходимостью.

Теперь Ян сосредоточил свое внимание на маленьком табло, где появлялись цифры — номера флотилий, принявших приказ.

— Аппараты товсь!

Зиг взглянул на руки деда, лежавшие на пульте. Длинные пальцы с желтыми следами никотина напряглись в нервном ожидании. Впившись глазами в секундомер, Ян отсчитывал время.

— Залп! — Одновременно он коротким щелчком перебрал рычажок под табличкой «гидрообзор».

— Гляди!

Поверхность экрана внутри кольца вспыхнула крохотными искрами, вскоре слившимися в один стремительный вихрь. Он двигался по спирали к центру района.

— Ультразвуковые торпеды! Они гонят кита прямо на наши пушки.

— А где же кит?

— На таком расстоянии его еще не видно. Во всяком случае он внутри спирали. Оттуда ему уже не выйти.

— Волнуетесь, Ян?

Зиг не заметил, когда в рубке появился адмирал-директор.

— Волнуюсь. К этому ведь нельзя привыкнуть, хотя и знаешь, что ошибки быть не может.

Огненный смерж на экране неумолимо двигался к центру.

— Пожалуй, пора! — Ян переключил масштаб, и на экране возникла мечущаяся серая тень, окруженная завесой голубого огня.

— Синий кит, — сказал адмирал-директор. — Метров тридцать длиной.

— Не меньше, — подтвердил Ян.

— Пора включать защиту, а то, чего доброго, долбанет по корпусу.

Ян поморщился. Он не любил подскоков во время работы.

— Успеется. Сейчас подбавим пару торпед снизу, чтобы не вздумал нырнуть, а потом — в прицельную рамку.

Адмирал пожал плечами:

— Делайте как знаете.

Сноп холодного пламени выбросил серую тень вверх. Теперь уже кит не пробовал бросаться из стороны в сторону. Невыносимая боль, причиняемая излучателями, вызывала лишь конвульсивную дрожь в гигантском теле, мчавшемся вперед, навстречу неминуемой гибели.

Ян включил локатор нейтронной пушки.

— Возьмем на понтоны?

— Подождите, Ян, — лукаво подмигнул адмирал. — Я приготовил сюрприз. Думаю, вам будет приятно убить последнего кита по старинке, с кровью?

Ян усмехнулся, обнажив желтые прокуренные зубы.

— Неужели углекислотная мортира?

— Она самая. Надеюсь, вы еще не забыли, как с ней обращаться?

— Разве такое забудешь?!

— Пойдемте на полубак. А ты, малый, ступай с нами, посмотришь, как умели работать настоящие китобои.

— Сейчас, — сказал Ян. — Нужно остановить кита на прицельной линии.

— Правильно! — сказал адмирал. — Незачем рисковать, пусть он сам повернется к нам боком.

Зиг невольно почувствовал гордость, когда увидел, с каким почтением расступились окружавшие пуш-

ку люди, чтобы пропустить к ней деда.

Кит лежал в нескольких метрах от носа корабля.

— Только и всего?! — разочарованно протянул Зиг. — Он просто похож на подводный танкер.

— Похож, — согласился Ян. — Что верно, то верно. Вот мы его сейчас немного разгрузим.

Он встал на колени и прильнул к прицелу.

Из короткого жерла пушки хлынула трассирующая очередь.

Печальный звук, похожий на последний аккорд органа, скользнул по поверхности воды. Кит вздохнул еще раз, и два фонтана черной крови рванулись ввысь. Алое пятно расплзлось по воде вокруг безжизненной туши, начавшей странным образом увеличиваться в объеме. Испаряющаяся из снарядов углекислота раздула тело животного, как резиновую игрушку.

Все стоявшие на полубаке зааплодировали.

Адмирал-директор похлопал Яна по плечу.

— Великолепное попадание! Теперь вижу, что вы действительно не разучились.

Ян вытер платком потный лоб.

— Да, тут нужна сноровка. Каждый кит требует своей порции. Дашь мало — потонет, много — лопнет. Похоже, он получил точно, что ему было нужно.

— Который же это был по счету?

— Тысяча пятисотый! — с гордостью ответил Ян.

— Глядите! — сказал адмирал.

Празднично расцвеченные флагами корабли полным ходом шли к месту охоты. Как по команде, из сотни труб вырвался победный рев.

— Салют в вашу честь, — сказал адмирал.

— Нет, — ответил Ян, — в честь кита. Все-таки это — последний.

— Как хотите. А сейчас — прошу на банкет.

— Что будем делать с китом?

— Бросим здесь. К утру он потонет. Не возиться же в такой день с разделкой этой вонючей твари.

* * *

«Прометей» вышел за пределы Солнечной системы. Сейчас он набирал

скорость для чудовищного прорыва в галактические просторы.

Зигмунд Ланис расстегнул ремешок, крепящий ларингофон.

— Связи больше не будет, пока не войдем в район 75В. Там отпароуем и — в анабиоз.

Инга принялась массировать затекшие ноги.

— Что касается меня, то я бы с удовольствием уже сейчас отправилась в ванну. Просидеть еще сутки в кресле — не такое уж удовольствие. Не могу понять, кому нужно это бдение.

— Таков приказ. Район считается опасным. Именно там каждый раз окончательно прерывалась связь со всеми четырнадцатью экспедициями.

— Что там может быть опасного? У нас достаточно надежная противометеоритная защита.

— Ничего не поделаешь. Приказ есть приказ.

— А сон есть сон.

Инга откинула спинку кресла и закрыла глаза.

— Такое ощущение, будто лупили по всему телу.

— Пройдет, — сказал Зиг.

— Знаю, что пройдет.

Зиг достал из кармана кресла два тюбика тонизирующего желе.

— Хочешь?

— Спасибо, не хочется. Вот если бы хорошую дозу снотворного.

— С этим тоже придется подождать.

Инга снова открыла глаза.

— Ты не жалеешь, что стал переселенцем?

— Сейчас уже жалеть поздно. Необходимо прокладывать дорогу в космос. Приходится как-то исправлять ошибки предков. Разбазарили планетку, а теперь, когда все биологическое равновесие полетело вверх тормашками, нужно думать, как выжить самим.

— А тебе не страшно?

— Чего?

— Вот так, вдвоем, неизвестно куда.

— Поисковые корабли всегда рассчитаны на двоих.

Инга взяла со стола книгу и, полистав, положила на место.

— Неужели этого нельзя было избежать?

Зиг усмехнулся.

— Ты знаешь, мой дед был китобоем. Я один раз видел, как это делалось. Слепая жестокость, высокомерное презрение ко всем, кто на тебя не похож. Даже зверь не убивал, когда ему этого не было нужно, а человек...

— Можно я немножко подремлю?
— Немножко можно.

Зиг поглядел на ленту курсографа. Осталось не так много. Скоро нужно будет переключить управление на основной маршрут.

— Зиг!

— Что?

— А там действительно есть обитаемые миры?

— Должны быть. Жизнь во Вселенной не исключение, а правило. Где-то обязательно есть планеты, населенные разумными существами, может быть даже более разумными, чем мы.

— А вдруг они будут поступать так же?

— Как?

— Ну, вроде твоего деда.

— Глупости! Как бы ни было молодое человечество, но и то мы уже сейчас многое поняли. У всех гуманоидных цивилизаций должна быть какая-то общность этических понятий и моральных норм. Почему же мы не должны доверять нашим старшим братьям?

— А мы не проспим в анабиозе?

— Чего?

— Эти самые цивилизации.

— Автоматы нас вовремя разбудят.

— Ну хорошо, так я немножко подремлю.

* * *

Главный Пират был просто великолепен. Усики, панцирь и брюшко раскрашены в яркие боевые цвета. Все шесть лапок покрыты позолотой.

Среди разумных обитателей планетной системы Юр паноцефалы отличались большим ростом, но Главный Пират превзошел всех своих сородичей. Его полная длина составляла не менее трех сантиметров.

Старший Оператор Дзюю внешне казался целиком поглощенным наблюдением за зоной охоты, но его темной глаз был устремлен на невесту, кокетничавшую с Главным Пиратом. Дзюю определенно не нра-

вилось это жеманное помахивание яйцекладом. Усиками телепатического восприятия он ощущал эманацию сладкого томления, источаемую Сиини. Вот так всегда. Самка остается самкой, и ничего тут не поделаешь. Природа отвела на брачный период всего одни сутки, но и тут приходится смотреть во все три глаза. Завтра они расстанутся навсегда. Сиини отправится откладывать яйца, и больше он ее не увидит. Неужели она не может хоть сегодня вести себя более сдержанно?

— Готово! — сухо сказал он, поворачиваясь к Главному Пирату. — Цель загнана в свернутое пространство. Теперь они будут там болтаться, пока у нас хватит энергии. Что прикажете делать дальше? Их там внутри, как всегда, — двое.

— Добыча ваша. Я рад, что могу преподнести вам этот маленький подарок к свадьбе. — Главный Пират церемонно опустил голову перед Сиини. — Приказывайте вы, о самка среди самок!

Сиини смущенно приняла фиолетовую окраску.

— Право я не знаю. Ведь мне первый раз приходится участвовать в охоте. Как это делается?

— Мы можем причинить им боль несколькими способами. Настроившись на телепатическое восприятие, вы насладитесь их страданиями. Я лично рекомендовал бы удушье. Это ни с чем не сравнимое ощущение!

— Хорошо, — сказала Сиини, — пусть будет удушье.

— Действуйте! — приказал Пират. Дзюю определил расстояние по локатору и сфокусировал излучение в тонкий пучок.

— Ах! — Сиини томно подогнула задние лапки. — Это действительно прекрасно! Они так страдают, что мне их даже жалко!

— Жалко? — удивленно переспросил Пират. — А чего их жалеть? Млекопитающие стоят на самой низкой ступени биологического развития. Они даже неспособны к телепатическому восприятию. Очевидно, при их создании природа заботилась только о размерах, что касается остального... — Он пренебрежительно зашевелил усиками. — В остальном — это просто неудавшаяся попытка.

— Ох!!! — стонала Сиии. — Пожалуйста, продлите это как можно дольше!

— К сожалению, это невозможно. Доставлять удовольствие самке — приятный долг каждого воина, но мы не настолько безрассудны, чтобы их убивать. Нужно считаться с тем, что, кроме всего, они дают огромное количество молока во время лактации. У меня в заповеднике четырнадцать пар, восемь из них уже дали потомство.

— Как?! — воскликнула Сиии. — Они даже способны на любовь?

— Ну, в своем роде, если это можно назвать любовью. У них нет определенного брачного периода, он растянут на весь год.

— Не может быть!

— Уверю вас! Я же сказал, что это очень примитивные животные.

— Они теряют сознание, — вмешался Дзююю. — Прикажете выключить?

— Да, выключайте!

— Неужели все?! — разочарованно спросила Сиии.

— Все! — сказал Пират. — Берите их, Дзююю, на буксир.

— Пойдите! — Сиии дала такой залп эманации, что у Пирата закружилась голова, а Дзююю ревниво

щелкнул жвалами. — Вы мне можете сделать еще один подарок?

— Разумеется, если это в моих силах.

— Отпустите их на волю.

— Это еще зачем?

Сиии позеленела самым соблазнительным образом.

— Видите ли, я думала... что, может быть, у них сейчас как раз любовные игры, а всегда приятно... ну, словом, где угодно, только не в клетке.

Пират от ярости чуть было не взлетел, но вовремя сдержался.

— Не могу. Они стали попадаться все реже и реже. Боюсь, что это — последние.

— Ну пожалуйста! — Сиии пустила в ход вторую пару усиков. — Для меня!

— Воля самки перед откладкой яиц — закон, — сказал сраженный Пират. — Выбросьте, Дзююю, их отсюда подальше!

* * *

— Что это было? — спросила Инга, открывая глаза. — Мне казалось, что я уже умираю!

Зиг взглянул на курсограф.

— Не знаю. Вероятно, гравитационный всплеск. Мы сильно отклонились от курса.

КУКЛА

Рассказ

Это было искусство любви, доведенное до уровня точных наук. И все же, несмотря на принятую таблетку альдудмина, он не мог отделаться от мысли, что в его объятиях — всего лишь механическая кукла, предугадывающая каждое его желание.

«Автомат, работающий по второй производной», — подумал он.

Однако недаром программа была составлена с учетом его сексуального класса. Внезапно он потерял всякое представление о времени.

Компания «Кибернетические Забавы Холостяка» умела обслуживать клиентов...

— Ты мною недоволен?

— Нет, почему же? Ты отлично запрограммирована.

— Может быть, твой класс недостаточно расшифрован?

— Ерунда! Я ведь тут не первый раз.

Он взглянул на хромированный диск анализатора над кроватью. Что ж,

сегодняшний сеанс тоже не пропал даром. Разложенный на гармонические составляющие комплекс биотоков уже, наверное, проанализирован решающим устройством, обработан по самому совершенному алгоритму, и откорректированная программа записана на магнитной ленте. В следующий раз все будет лучше. «Достижение идеала методом последовательных приближений» — так, кажется, написано в проспекте фирмы. Не зря в отделе рекламы у них работают лучшие специалисты донатмаги. «Не усложняйте себе жизнь сексуальными проблемами, половина самоубийств происходит на сексуальной почве, компания «Кибернетические Забавы Холостяка» подберет вам пару сообразно вашим вкусам, темпераменту и наклонностям, пользуетесь самыми совершенными в мире механическими агрегатами любви!»

Он скосил глаза. Агрегат лежал на спине, заложив руки за голову. Было что-то удивительно знакомое в этих, уходящих к вискам, слегка раскосых глазах, в безукоризненной форме плеч и ног, в неправдоподобно гладкой коже. Ну, конечно! Это образ, преследовавший его в юношеских сновидениях.

«Здорово они все-таки умеют забираться в область подсознательно-го», — подумал он.

Кукла почувствовала его взгляд и повернулась к нему всем телом.

— Хочешь еще таблетку?

— Нет, мне пора идти.

Одеваясь, он никак не мог отделаться от странного щемящего чувства тоски. Дело, конечно, не в том, что его первая мечта воплощена в

механической игрушке. Старый клиент фирмы, он почти не знал женщин, а воспоминания о них, хранящиеся в его памяти... брр! Пожалуй, лишь идиоты способны сейчас обзаводиться семьей и плодить детей. Жить и без того с каждым днем становится все труднее. «Не усложняйте себе жизнь сексуальными проблемами, половина самоубийств...»

— Выпей чего-нибудь.

Он набрал шифр на диске автомата и взял с лотка бокал с пенящейся жидкостью.

«Откуда эта тоска? — вновь подумал он. — Вот сейчас я уйду, а она отправится на дезинфекцию и смену программы. Через десять минут с ней в этой кровати будет другая. Глупости! Нельзя же ревновать вещь. Только миллионеры могут позволить себе роскошь держать собственных кукол. И все же...»

— До свидания, милый! Приходи. — Это тоже входило в программу.

— Господи! — сказал он вслух, спускаясь по лестнице. — Я, кажется, сейчас разревусь. Нельзя принимать столько альдьюмина, ни к черту не годятся нервы.

— Пятнадцать монет, — фамильярно произнес автомат в вестибюле.

Он опустил деньги в щель.

— Спасибо! Не забудьте нас навещать.

«Не забуду, — злобно подумал он. — Куда я еще денусь, не искать же в самом деле...»

Внезапная догадка заставила его на мгновение остановиться.

— Сволочи! — сказал он, шагнув в проем автоматически открывшейся двери. — Подсунули живую!!!

РЕЙД

Рассказ

Макклоски заглянул в холодильник, распахнул дверцы шкафа и присвистнул.

— Совершенно верно, мистер Макклоски, — сказала у него за спиной Эйлин. — Это единственное, что вам остается сделать, если ни на что больше вы как мужчина не способны...

— Да ладно тебе, Эйлин, — вяло сказал Макклоски. Спорить и ругаться не имело смысла. Он, конечно, мог сказать, что как всякий человек имеет право на отдых, что у него еще не закисло сквозное в левой, но все это было бесполезно. Во-первых, Эйлин была права, а во-вторых, ему никогда не удавалось ее переспорить. В крайнем случае, Эйлин начинала плакать.

— Контейнеры в углу, — деловито сказала Эйлин, сразу почувствовав, что Макклоски не собирается отстаивать свои мужские права. — Я перешла тебе левый ремень. В прошлый раз ты говорил, что он трет плечо.

— Спасибо, старуха, — пробурчал Макклоски. — Оружие почистила?

— Два раза. И смазала затвор.

— Молодец.

Нет, тут ничего не скажешь — Эйлин была настоящей женой жителя окраины. Во всяком случае Макклоски смело доверял ей даже разряжать гранатомет. Правда, она три раза из десяти мазала в подброшенную бутылку и это, конечно, никуда не годилось, но оружие она чистила отменно. И главное, сама вызвалась исполнять эту обязанность. Она очень

переживала, что ей так и не удалось полностью овладеть тяжелым ручным пулеметом Симаррона, из которого надо было стрелять с одной руки, упирая приклад в локтевой сгиб. Макклоски успокоил ее, сказав, что это его забота, он одинаково хорошо стреляет с обеих рук.

— Я, пожалуй, возьму автомат и побольше рожжов, — сказал Макклоски. — Сегодня суббота, и там будет не протолкнуться. Вытащи-ка жилет...

— Макклоски! Ты же позавчера сам отнес его сваривать!..

— А, чтоб его!.. — Макклоски хотел выругаться покрепче, но бросил взгляд на Дэнни, игравшего под столом, и прикусил язык. Из-под стола донесся ужасающий грохот, и Эйлин болезненным жестом поднесла руки к вискам.

— Посмотри, что он там делает, твой сын.

Макклоски нагнулся. Дэнни сидел на корточках и увлеченно колотил молотком по шлему. На блестящей поверхности нержавеющей стали с хромованадиевыми присадками («специальная детская модель!») уже были видны вмятины. «Ну, силен парень!» — подумал Макклоски, но прибавил металла в голосе:

— Сын, прекрати! Сколько раз я тебе говорил, что это не игрушка!

Дэнни вылез из-под стола и обхватил отца за колени.

— Ты куда, папа?

— Папа уходит в рейд, Дэнни, — строго сказала Эйлин. — Вырастешь и ты тоже, как все мужчины, будешь

ходить в рейды. А сейчас отпусти, папа спешит.

— Возвращайся скорее! — крикнул Дэнни, снова залезая под стол. — Ты обещал поиграть со мной в кубики!

— Обязательно, сынок, — рассеянно сказал Макклоски. Как он мог забыть о жилете! Пуля в тот раз была на излете и лишь вышибла из полы кусок два на полтора дюйма — у Макклоски до сих пор побаливает ребро. Можно было, конечно, натянуть и такой жилет, но семья Макклоски всегда отличалась подчеркнутым вниманием к исправности снаряжения и, очевидно, лишь поэтому отец Макклоски дожил до сорока восьми лет — более чем преклонный возраст. Макклоски был полон твердого желания перекрыть рекорд отца и поэтому незамедлительно отнес жилет к сварщику, который жил площадью ниже.

На мгновение у него мелькнула мысль отказаться от рейда, но он взглянул на безмолвно разверстые полости холодильника и шкафа и лишь вздохнул.

Перед парадной дверью Макклоски остановился, покачался на носках, проверяя, не мешает ли что-нибудь ему двигаться легко и свободно, набрал в грудь воздух и рывком сдвинул в сторону тяжелую стальную пластину двери.

Стояло начало мая, воздух был легкий и прозрачен, но Макклоски было не до красот природы — для этого существовал телевизор. Сделав длинный пружинистый шаг, Макклоски на всякий случай приник к земле и прыгнул в ход сообщения. Теперь можно было перевести дух.

Он не знал ни когда возникло такое положение, в котором жило уже третье поколение семьи Макклоски, ни почему оно возникло. Не знал этого и отец Макклоски. Знал дед, старый Сэмюэль, которого пристрелили в очереди за спичками. Но дед был не очень разговорчив, да и к старости стал выживать из ума, так что понять его было совершенно невозможно.

Когда маленький Джошуа приставал к нему с расспросами, как, например, настраивать игрушечную самонаводящуюся ракетку с радиусом поражения всего в двадцать метров, дед начинал бормотать об ухудшив-

шемся генетическом коде, о сумме зла и уровне озлобления, об инстинкте выживания и тому подобную чепуху.

Макклоски, мягко ступая, прошел по ходу сообщения до первого поворота и осторожно выглянул из-за него. Все было в порядке. Строго говоря, было неписаное соглашение, что, пока ты двигаешься по своему ходу, тебе никто не угрожает, поскольку ты никому не мешаешь. Но лишняя осторожность еще никогда не мешала.

Нельзя сказать, чтобы Макклоски устраивало положение дел. Он, конечно, понимал, что выходить на улицу невооруженным — сущая глупость, не пройдешь и ста метров. Но он предпочел бы спокойно гулять вечерами лишь с легким пистолетом-пулеметом за спиной, веса которого он бы не замечал; Эйлин могла бы положить в сумочку лишь пару ручных гранат облегченной женской модели — и они бы чувствовали себя в безопасности.

Ход сообщения кончился, и Макклоски не без сожаления расстался с ним. В свое время ему повезло. Он въехал в этот новый дом одним из первых и сразу же немедля взялся за лопату. Конкуренты появились позже, но к тому времени Макклоски проложил ход по самой удобной траектории — от парадной траншея шла сразу же вдоль фасада и поворачивала за угол.

До универсама Макклоски добрался, можно сказать, без приключений. Открытые пространства он пробегал стремглав, предварительно тщательно изучив обстановку; шел, скользя вдоль стен домов. Он предпочитал удлинять путь, прокладывая его через мертвые зоны. Правда, его фигура представляла в таких случаях отличную мишень для любителей с противоположной стороны улицы, но Макклоски верил в свою звезду и она ни разу его не подвела.

Оставшийся позади удачный километр чуть было не сыграл с ним дурную шутку. На детской площадке окопалась группа юнцов, которые пристреливали шестиствольную пушку, и Макклоски, к стыду своему, не заметил опасности. Он едва успел броском швырнуть тело за угол дома, как в стену ударил спаренный

заряд. Над его головой с ревом и фырчанием пронеслись горячие зазубренные осколки, на плечи опустилась душная известковая пыль, но Макклоски не стал задерживаться — молодозелено, он и сам был таким.

...И все-таки из невнятицы деда что-то можно было понять. Правда, он предпочитал бормотать о тех фантастических временах, когда люди жили на дощатых дачах, ходили загорать на пляж — совершенно открытое пространство, которое Макклоски, хоть убей, не мог себе представить, — а их купальные костюмы представляли собой что-то совершенно неприличное: ни одной броневой детали.

Озлобление начало расти еще во времена дедовской молодости. Трудно сказать, что тому было причиной — в этом никто не мог, а потом и не хотел разбираться, не до того было. Оно разрядилось грандиозной бойней в центральном универсаме. Как потом рассказывали немногие уцелевшие свидетели, началась она с того, что какая-то женщина попыталась получить свою норму без очереди, истошно крича, что у нее дома остался больной ребенок и она не может стоять тут полдня. Ее довольно корректно выкинули из магазина, во всяком случае она осталась жива и могла идти к своему больному ребенку, если он существовал в самом деле. Но тут, как оказалось, присутствовал муж этой женщины, до поры до времени скромно стоявший в стороне. Он пристрелил представителя администрации, наводившего порядок, трех добровольцев из очереди и был разорван на клочки толпой. Универсам был разграблен и подожжен. С того дня все и началось...

Макклоски подошел к троллейбусной остановке и спокойно встал в конец очереди, позабывшись, чтобы на расстоянии двух метров вокруг него не было ни живой души. Впрочем, тут все стояли так.

Подошла машина, водитель, опустив синеватое пуленепробиваемое стекло, рывкнул: «Эй вы, народ! Поскорей!» и торопливо поднял его — того и гляди в очереди окажется какой-нибудь снайпер-психопат.

Макклоски перекинул контейнеры на грудь, а правой рукой попробовал, легко ли вынимается кинжал из

ножен. Опустить его обратно он не успел: в спину ему уперлось тупое рыльце и чей-то голос яростно прохрипел: «Ну ты, чучело, двигайся, а не то...» Что может сейчас произойти, Макклоски отлично знал, поэтому он мгновенным движением завел руку назад и ударил отработанным движением — от себя и вверх. Давление под лопаткой исчезло, он услышал глухой сдавленный стон и не глядя выскочил из толпы.

Макклоски исправно смотрел телевизор, читал газеты, которые ему время от времени удавалось подбирать на улицах, и он знал, что промышленность и сельское хозяйство работают с полной отдачей, ежегодно увеличивая выпуск продукции. Но, очевидно, население агломерации росло еще быстрее, хотя в его дни мало кто позволял себе роскошь иметь больше двух детей. И тем не менее такова была объективная реальность, над сущностью которой не имело смысла даже задумываться, — чтобы выжить, надо было драться. Лишь в четырех стенах своей квартиры ты мог чувствовать себя в относительной безопасности — да и то не всегда. Выйдя на улицу, ты попадал на поле боя, где все было против всех. Макклоски ничего не имел против тех, кого он не раз и не два ловил в перекрестии прицела: у них были те же заботы и те же проблемы. Но ему ничего не оставалось делать: каждый день он должен был прокладывать путь на работу и обратно, он должен был кормить свою семью, и для всех места не хватало. Как и все порядочные граждане, Макклоски смертельно ненавидел шпану, хулиганов, которые строгой, серьезную и мужественную борьбу за выживание превратили в своеобразный спорт, просто подстреливая людей, которые даже не входили с ними в контакт, — вот как те юнцы на детской площадке.

У входа в универсам Макклоски сдал огнестрельное оружие, оставив себе только кинжал и боевой топорик. Честно говоря, за отворотом сапога у него был припрятан маленький плоский шестизарядный браунинг, оружие комнатного боя, но Макклоски знал, что детектор у входа уже два дня как вышел из строя, и поэтому ничем не рисковал.

Не прошло и четырех часов, как Макклоски, свежий и отдохнувший, вышел из универсама. Он никому не позволял наступать себе на ногу, безукоризненно владел оружием, но сам никогда не задибался и не претендовал на то, на что не имел права. Может быть, именно поэтому ему удалось быстро и без конфликтов заполнить контейнеры, и сейчас их приятная тяжесть оттягивала ему плечи. Некоторое беспокойство доставляло левое предплечье, простреленное навывлет десять дней назад, но с этим можно было смириться — не в первый раз, заживет...

Главное, что его радовало — ему удалось достать молоко, и не простое, а, как гласила реклама, витаминизированное. Дэнни в последнее время покашливает, а он помнил еще с давних времен, что нет ничего лучше от детской простуды, чем горячее молоко. Вечером он принесет Дэнни в постельку кружку с горячим ароматным напитком и, пока ребенок будет пить лекарство, расскажет ему веселую сказку, как деревянный мальчик Пинокио завлек Карабаса-Барабаса на минное поле, а затем прикончил Дуремара из кукольного миномета.

Обратно он пошел садами. Посадки доживали последние дни, через несколько месяцев на их месте вырастут новые дома, в округе прибавится людей, и кто они будут — один бог знает, но сейчас Макклоски не хотелось об этом думать. Путь через сады был вдвое длиннее, и Макклоски мог позволить себе несколько расслабиться. Он перевесил автомат с груди за спину, поставив его на предохранитель, вынул запалы из гранат, оставив его на всякий случай лишь в одной.

Это-то его и спасло. Юнцы, шпана, убийцы — они не смогли сдержать возбуждения, увидев беспечно приближавшуюся жертву, и зашебурились в окопчике. Скорее всего это была та публика, на которую Макклоски наткнулся по пути в универсам. Разозленные тем, что он ушел от них, они решили подстеречь его, и надо же — один шанс из ста, но они вычислили его будущую дорогу. А он-то шел себе, веточкой помахивая, идиот...

Макклоски не раздумывая рухнул в траву и покатился в сторону, не

обращая внимания, что края контейнеров больно врезаются ему в спину. Ремень автомата закрутился вокруг шеи, и Макклоски отчаянно рвал его левой рукой, правой выдергивая гранату из зажимов. К нему уже бежали. Он наконец вырвал гранату и без замаха швырнул ее навстречу нападавшим. Она разорвалась в нескольких шагах, и Макклоски ощутил дикую режущую боль в спине. Вокруг него градом забарабанили пули по стволам деревьев, но он лежал, вжавшись в ложбинку. Не поднимая головы, он вытянул автомат на одной руке и, определив по звукам примерное расположение атакующих, веером выпустил в этом направлении рожок и тут же, перекатившись набок, вставил новый.

Надо было менять позицию. Это было смертельно опасно: кто бы ни были нападающие, но вести операции по захвату они умели уже в младших классах и, конечно, определили по выстрелам его местонахождение. Но другого выхода не было. Макклоски подтянул колени и, оттолкнувшись, рыбкой, головой вперед кинулся в сторону. Уже падая, он понял, что ему повезло и на этот раз: пуля попала чуть выше коленной чашечки, но опять, благодаря богу, не задела кости.

Перетянуть комбинезон бинтом — это было делом нескольких секунд. Во время прыжка гранаты сдвинулись и теперь были у Макклоски под рукой. Противник что-то медлил, и Макклоски не преминул использовать его растерянность. Он мгновенно вставил все шесть запалов. Разрывы покрыли всю площадь, где, по его расчетам, должны были находиться нападавшие. Наступила гулька тишина, кисло пахнущая взрывчаткой, но Макклоски еще с полчаса лежал за стволом дерева, вглядываясь и вслушиваясь. Все было тихо.

Макклоски с трудом встал, подтянув к себе немеющую ногу, и похромал домой, до которого было уже совсем недалеко. Он не посмотрел на то, что осталось от нападавших. Они получили то, что заслужили, и сентиментальности здесь не было места.

Эйлин, очевидно, ждала его в прихожей, и едва по коридору раздались его шаги, как она стремительно распахнула дверь.

Макклоски вошел в маленькую прихожую и сел на пол.

— Немного отдохну, — смущенно улыбаясь, сказал он. — Все в порядке. Даже молока достал для малыша. Возьми в контейнере, на самом дне.

Эйлин отстегнула ремни, подложила под спину ему подушку и ушла на кухню. Посидев немного, Макклоски поднялся и открыл дверь на кухню, откуда не доносилось привычных восторженных возгласов его жены.

Эйлин стояла, невидяще глядя в окно. В руках она держала коробку, в которую Макклоски еще недавно бережно наливал молоко. Коробка была прострелена наизулет двумя

разрывными пулями и звездчатые пробоины топорщились краями.

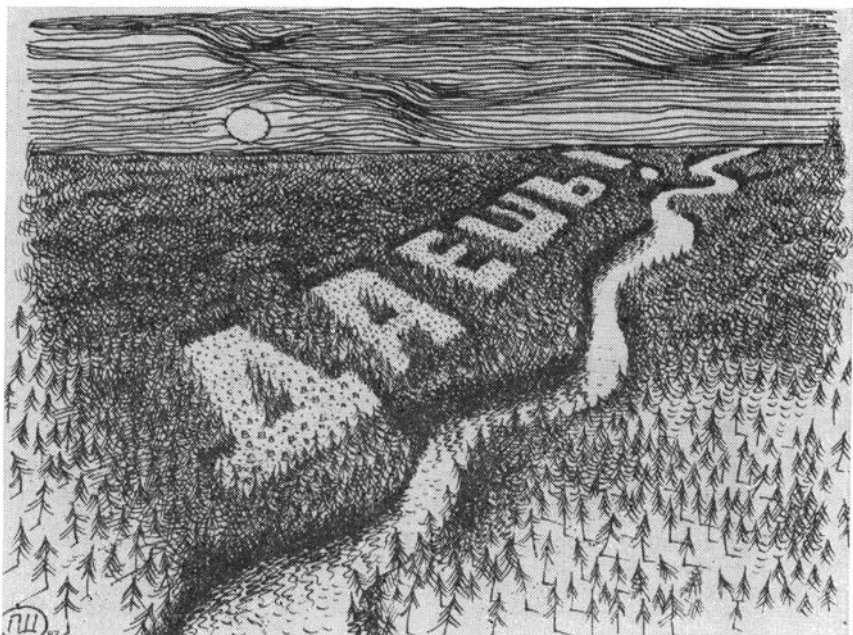
— Может, его стоит слить из контейнера, — помолчав, нерешительно сказал Макклоски, но Эйлин устало покачала головой:

— Контейнер тоже ни к черту... В какую историю ты снова ввязался, мой милый?..

Макклоски промолчал. Рассказывать было не о чем, разве что о собственной глупости.

— Вот так, — сказала Эйлин и снова замолчала.

— Вынь запасной контейнер, — сказал Макклоски, — и перевяжи мне потуже ногу. Я еще успею до закрытия. Ребенку нужно молоко.

Александр Пшеняников (Днепропетровск)

Любовь КОВАЛЕВСКАЯ

Любовь Ковалевская сотрудничает в украинском республиканском журнале «Радуга».

Имя ее стало широко известно с апреля 1986 года, после аварии на Чернобыльской АЭС. Ровно за месяц до взрыва реактора Л. Ковалевская напечатала в газете «Литературна Украина», органе Союза писателей УССР, статью «Не частное дело», в которой рассказывала о вопиющих фактах халтуры и бесхозяйственности на строительстве АЭС. Статья была аргументированная и доказательная, так как в то время Л. Ковалевская работала в припятской городской газете «Трибуна энергетика». Опасения, высказанные в статье, к сожалению, оправдались через несколько недель...

Л. Ковалевская не оставила тему, первооткрывательницей которой ей довелось стать. Судьба Чернобыля, судьбы людей, бывших жителей Припяти и окрестных сел, продолжают волновать ее.

Мы предлагаем вниманию читателей «Даугавы» два очерка Л. Ковалевской из книги «Чернобыльский дневник», которая в этом году должна выйти в свет.

«МЫ САМИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЛИ»

Мария Григорьевна Боярчук — уроженка Чернобыльского района. Работала в райкоме комсомола в Новых Шепеличах — пешком исходила этот край, добираясь в самые отдаленные села; потом — учителем украинского языка и литературы, возглавляла партийную организацию школы. В тридцать восемь лет стала секретарем Припятского горисполкома. История края творилась на ее глазах. Поэтому я отдала предпочтение ее монологу «о времени и о себе».

* * *

В ту ночь позвонил нам домой хороший знакомый и сказал, что упал блок. Мы как-то даже и особого значения не придали его словам. Вышли на балкон с мужем и стали смотреть. Смотреть, как горит. Настолько были беспечны... И вдруг до меня дошло, что на станции в

реакторном цехе работает мой зять, сейчас он тоже может быть на смене. Послала мужа к Наташе, старшей дочери, узнать. У меня к атомным станциям особое отношение. Недоброжелательное. Думаю, что имею право на такое отношение: два зятя погибли на АЭС, муж старшей на Ровенской, а младшей дочери — на Смоленской. Нет, не во время аварий. Но от нарушения людьми техники безопасности... Уже в Припяти погиб сын — ученик третьего класса, десять лет было...

Послала я, значит, мужа к Наташе, а сама стала звонить Владимиру Павловичу Волошко, председателю исполкома. Было около двух ночи. Что случилось? — спрашиваю. Он: да беда, но еще толком ничего не знаю. Стала звонить Владимиру Константиновичу Кононыхину, зампреду. Вроде как поднимаю всех своих, хотя тревоги особой не ощущаю. Тут

мне Волошко перезвонил уже из исполкома: собирайтесь... Я еще перезвонила жене нашего Толи-водителя и побежала. Минут пятнадцать третьего уже была в исполкоме. Волошко: собирай аппарат, всех заведующих отделами, и Валерия Семеновича Иващенко — начальника штаба гражданской обороны исполкома. А я не готова срочно выполнить задание: не знаю, где Иващенко живет, адреса у меня нет, помню только, что в двадцать первом общежитии. Поднимаю заведующую общежитием — и уже через десять минут Валерий Семенович был в исполкоме. Вот такие люди — даже никто не спросил, зачем ночью в исполком...

Волошко начал совещание. Случилась беда, не могу пока сказать какая, но это плохо. Упал блок. Не знаем, что с реактором. Я, конечно, своими словами передаю суть... Волошко приказал подготовить все документы и данные по количеству проживающих в каждом доме. Мы, говорит, должны свое дело сделать, хотя и ничего не решаем.

Мне было поручено работать с людьми, то есть оставаться в кабинете и поддерживать связь. Забегая вперед, скажу, что все расчеты по эвакуации у Иващенко были готовы. Но группа работников исполкома еще раз все уточнила. В 18.00 все эти данные легли на стол перед Волошко. А в 22.00 уже стояли готовые автобусы.

Утром собрались на совещание вновь. Но уже были товарищи из Киева, из партийных органов, из облисполкома. Пришли и наши депутаты — мы еще в четверг объявили для себя субботу рабочим днем, было много работы по подготовке сессии. На 28 апреля готовили сессию. О радиации на этом совещании тоже не было сказано ни слова... В городе, как обычно на выходные, было намечено много мероприятий. Заспорили. Один говорит: отменять. Другой: не отменять. Меня что поразило... Задала этот же вопрос уже после спора и директор четвертой школы Голубенко — в школе большое мероприятие, придут дети. Все решил секретарь обкома партии Маломуж: проводить. А нам здесь же сказали, что нужно закрыть дома окна и меньше находиться на улице.

Людей не трезожить, а то поднимут панику... Зашла я после этого совещания довозмущаться к Кононыхину. Прибегает Герман, заведующий орготделом горкома партии: Николай Михайлович Жирный (это председатель горспорткомитета) отказывается проводить спортивный праздник, примите меры... Попытались мы и его уговорить. Куда там: не сейте панику... Вот так было. В этот день только двенадцать свадб людей справляли... Ночью припелась домой. Конечно, мы не могли объявить официально, что случилась настоящая беда и нужно принять меры защиты. Нам этого не позволили. Но людям говорили: и депутатам сказали, и начальникам ЖЭКов, и другим. Но совесть мучила и было трудно уснуть, хотя усталость такая, что все болело.

На другой день, 27 апреля, прилетел заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Е. Щербина и провел в девять утра совещание. Объявили об эвакуации, выработали текст обращения к гражданам Припяти, но о радиации — есть или нет, какая, на сколько уезжаем из города — никто нам ничего не говорил. Волошко как бы от всего отстранили, негласно так, хотя он являлся начальником штаба гражданской обороны города. Я что хочу сказать: мы уважали свое руководство. Волошко уважали, хотя у него были недостатки. Как у руководителя у него и ошибки были и недоработки, но ведь болела душа за город. Он нас научил работать. Порядку научил. Говорил, что если у работника исполкома даже на столе хаос, то от такого работника трудно чего-то ожидать. За чистоту города головы с нас снимал. А человек был добрый. Уважали мы его, все скажут. К первому секретарю горкома партии Александру Сергеевичу Гаманюку у меня симпатии не было: трудный человек и работать с ним тяжело. На Волошко за требовательность не обижались — она была справедливой. Я никогда легкого хлеба не искала, но с людьми работать непросто. Волошко и этому учил: подходить к человеку индивидуально, учитывать все его обстоятельства и особенности. Терпеть не мог, когда стригли под одну гребенку...

В 13.00 передали по местному радио обращение к гражданам Припяти. За мной был закреплен второй микрорайон, и я находилась там; были из милиции... Всего, по-моему, четыре человека. Мы заходили в каждый подъезд и проверяли, нет ли закрытых квартир. Закрытые были, и мы их брали на учет. В половине пятого, то есть в 16.30, я доложила, что второй микрорайон эвакуирован. Прибежала домой, говорю мужу: поезжай. Без тебя, говорит он, никуда не поеду. И то мне легче... И снова в исполком. Мы оставили и запасные автобусы, чтобы вывозить оставшихся: кто в деревнях был, кто в лес ездил, кто на даче. Еще до позднего вечера управляли людей...

И вот в двенадцать ночи иду домой. Темнота страшная — электричество же отключили, нигде ни одного огня. Вот тут и меня силы покинули. Прихожу, а муж сидит у окна и смотрит на темные окна соседнего дома. Мне это все таким жутким показалось. Затянули мы простынями окна, зашторили. Муж спрашивает: и что мы здесь делать будем? Я: у меня еще железнодорожная станция Янов, начальнику станции было поручено вывезти людей на Вильчу, он доложил, что восемь семей осталось, отказались эвакуироваться. Я заплакала. Я столько плакала за детей и внуков...

В шесть утра, это 28 апреля, прибегаю в исполком. Волошко посылает на Янов. С Петром, юристом нашим, еду. Подъезжаем к хате Назара Клочко, он без ноги, участник войны. Сидит Назар на скамеечке возле хаты и смотрит на мост. А на Янове плохо было, это уже потом я узнала. Села я рядом и давай уговаривать. А Назар свое: где ты видишь радиацию, никакой радиации нет. Я ему: вы же больной, умрете здесь. Сердится: никуда не поеду, умру — так на своей земле, у меня баба Мотя, двое свиней, огород — проживем. Я свое: мы отвечаем за вашу жизнь... Он: я сам за свою жизнь отвечаю. Написал расписку и зовет завтракать...

Пошла к Семену Бабичу — он парализованный. Бабка ни в какую: куда я его повезу, кому он нужен, кроме меня, такой, это наша земля, здесь родились, так лучше и умрем

здесь. Хоть плачь, а бабка одно: поедут соседи, поедет Назар — тогда и мы...

Всех обошла — восемь расписок. Но людей жалко. Надо что-то делать. Волошко говорит, что надо связаться с медиками, может быть и с работниками милиции, оставлять в зоне повышенной радиации никого нельзя. Очень тяжело мне было в этот день. До слез жалко стариков было, но вязать же не будешь. Да и в Полесском нас уже ждали люди... Да, Назар Клочко прожил на Янове до 19 мая, остальные уехали раньше. И еще бабка Зуихина пряталась у племянницы в сарае, до середины июня прожила, правда племянница ей с Вильчи тайком носила продукты, через все кордоны проходила.

Сложили мы с Волошко секретку, закрыли кабинеты, опечатали и 29 апреля на попутках добрались до Полесского. Наши работники уже там расположились. А с чего начинать? Что делать? Со всех сел Ивановского и Полесского районов ринулись люди к нам, с теми же вопросами. А что ответишь, когда сам ничего толком не знаешь... Обижались на нас за это, но мы ничего не решали... А еще сигналы идут, что и в Припяти люди остались. Надо и в Чернобыле побывать по делам, и в Припять ехать, и в другие точки. С ума можно было сойти. Думаете, не жаль было исплаканных, растерянных женщин, обеспокоенных судьбой детей. Еще как — а помочь, кроме слова, ничем не можешь. Сердце болело.

Меня в Полесском оставили заниматься пенсионерами, участниками войны и инвалидами. Такая моя доля... То есть и судьба, и часть дела по оказанию помощи пострадавшим, эвакуированным. Нужно было куда-то расселять людей, направлять. Как я могла все выдержать? Народ — валом валит, раздеты, многие без документов, без денег. И мы стали выдавать вместо документов справки, что они жители Припяти. Без документов не проедешь, не устроишься даже временно, чиновники везде есть, на слово не веруют.

Вот тут узнали мы и другое: кто есть кто и из работников исполкома. Работы было по горло, и себя не щадили Светлана Михайловна Ки-

риченко, Фатима Хосолтоновна Курбанова, Валентина Лысенко. Зато такие коммунисты, как Паньковская и Нигай, думали только о себе. Особенно меня возмущало поведение Нигай: как она могла говорить о порядочности, о долге, о чести! А на поверку оказалась гнилой внутри. Хотели мы ее наказать, да горком партии не прислушался к нашему мнению. Многому научилась, многое поняла я за те дни: не с теми мерками чаще всего подходим мы к человеку, не с теми... Поздно, конечно, поняла, но лучше позже, чем никогда. Утешаю себя и тем, что сделала все от меня зависящее тогда и делаю сейчас. С работников исполкома спрос особый: люди нас выбирали, чтобы мы им служили, защищали их интересы. И когда такая беда — тем более не имели морального права быть не со всеми...

Хлебнули все... Но и тогда мы еще верили в свое возвращение, еще в июне верили. Информация была очень скудной и чаще всего оптимистической. Да и хотелось верить! Домой хотелось! И ответственность свою понимали, и работали наши люди на ликвидации последствий аварии самоотверженно. Они же очень трудолюбивые в основной массе: такие болотистые места, целину обжили, построив дачи, засадив пески фруктовыми деревьями. Летом на пляже не часто лежали — спешили в лес за грибами, за ягодами, на дачи опять же. Я тоже считаю, что у нас был райский уголок. Как же не хотеть вернуться?! Только не надо обнадеживать людей возвращением: лучше горькая правда, чем сладкая ложь. Возвращением жили. Наши люди в большинстве патриоты города. И было больно узнать, что опять обманули...

Тут стали мы, опять же без документов, выдавать по двести рублей. Возвращаться некуда... А жить как-то надо. Конечно, нашлись и такие, что получали эти деньги дважды. Нас, работников исполкома, можно ругать за это, за незнательность, что ли. Только ведь тысячи (!) — нуждались, и всем нужно было помочь быстро. Эти тысячи ждали за дверью кабинета, а не на диванах и в креслах.

Считаю, что наше правительство оперативно приняло решение о рас-

селении людей и обеспечении их равноценным жильем. Одного не учили, просто не могли учесть, что в Припять в свое время были переселены жители Чернобыльского района, из сел Нагорцы, Подлесный, Семиходы... Город рос за счет территории этих деревень. Они слезно просили оставить их в Киевской области, это их земля. Могли, наверно, помочь в этом вопросе республиканские власти... А люди на меня лично обижались, меня ведь все знали. Очень много неприятностей из-за этого до сих пор имеем, хотя объясняли, что есть указание: в Киевской области поселять инвалидов войны и труда I и II группы, инвалидов труда I группы и вдов погибших. Плачут. И я их понимаю — сама бы такой была, окажись где-нибудь в Херсоне, без своих людей и мест. У меня мама в Денисовичах живет — Антонина Маркиановна Лавриненко, ей семьдесят один год. Их село в районе зоны, но там на диво чисто. Она грибы собирает и сушит, варенье варит. Во дворе калина растет, ягоды краснющие да крупные. Красота такая! И я рада, что их село не тронули. В другом месте она с тоски помрет. Тоска для стариков страшнее радиации. И отец мой там похоронен... У других тоже родные могилы там — этого нельзя не учитывать, не мелочный вопрос, это один из истоков нравственности. Нам повезло, что оставили в Ирпене. А людей я понимаю. Все больно, очень больно.

Обидно и то, что некоторые журналисты упрекали исполком в бездействии, в поздней эвакуации. Повторюсь, что мы ничего не решали, мы исполняли указания и в первые дни после аварии, и по расселению, и по компенсации. Что-то делали не так... Но не потому, что были бездушными или безответственными, а потому, что не знали как. Кто нас учил, как вести себя в такой беде? Однако мы знаем людей, а в такой обстановке с каждой семьей нужно разбираться отдельно. Что мы и делали. И опять же не все люди честные, совестливые, есть и такие, что за горло берут... Хотя исполком вины с себя не снимает.

Вот мне случай вспомнился. В Семиходах остались две бабки, родственницы: Варвара Ивановна Горбач,

вдова погибшего, и Анна Павловна Ображей. Они за речку убежали, спрятались и жили. Приезжает в конце мая сын Михаил и грозит: вывезите мне мать и тещу, а то буду жаловаться, как вы к людям относитесь. А почему, говорю, ты их бросил, сбежал? А он: а куда бы я их забрал, мне самому было трудно... Не захотела я больше с ним говорить. Зову мужа: давай, Иван Захарович, помогай жене. Поехал с ним, с моим Боярчуком, и Петро Шевчук, юрист наш, что на Янов с мной ездил... И еще двоих мужчин-добровольцев нашли. Подъехали на автобусе к хате, идут в респираторах, костюмах. Бабки во дворе, тут же корова, бычок, свиньи, куры — хозяйничают. Узнали Ивана Захаровича, успокоились, но ехать отказываются. Он им сказал, что Миша за Припятью ждет. Бабкам по восемьдесят лет, а нагрузили по три мешка. Одна как была босиком, так и поехала. Везут их. Бабки плачут. А как узнали, что Миши нет... Привезли их в Лубянку, померяли... И сами грязные, и вещи грязные! Доехали до Полесского. Варке, скорее от страха, плохо стало. Я вызвала «скорую», забрал их главврач. Проллежали они в больнице три недели. Кровь плохая. У Варки, например, лейкоциты один и девять... Но поправились, дело к выписке. Раз даю детям телеграмму — нет ответа. Другой раз — нет. Потом прослышала, что Миша этот ездил живность забирать, а мать с тещей так и не стал искать... Наконец брат приехал и забрал. Варка квартиру в Ирпене получила. Как встретит, так благодарит: никогда не думала, что буду жива, похудела маленько да ногти с пальцев на ногах послезали, а так ничего, спасибо... Это она говорит. Обулась теперь, а то даже в Припять босиком ходила. А Миша тот так и не отозвался...

Но я отвлеклась, хотя именно этот случай вспомнился мне не случайно... После расселения началась выплата компенсации за утраченное имущество. И здесь все очень сложно. И здесь много жалоб и справедливых и несправедливых — от тех, кто обманом получил деньги, урвал у государства. И по выплате компенсации опыта в стране нет. Такой нюанс, например: одни прора-

ботали лет сорок, вдвоем, и получили семь тысяч, другие, тоже вдвоем, ничего не имели и жили в общежитии, а получили тоже семь тысяч. Думаю, что это неверно. Было опять же много переплат. Почему? Написал человек заявление, ждет. Проходит месяц, другой, третий. Нет денег. Пишет повторно. У нас десятка тысяч заявлений — найти непросто. Притом люди сменялись постоянно, уже прикомандированные работали. Только научатся — уезжать надо, на смену — новые. А люди торопят: идет зима — нужно купить одежду, получили жилье — нужно купить от мебели до иголок и ниток. И мы повторное заявление посылали на оплату. А там и первое находилось. Не все получали по два раза, многие понимали, что это ошибка, сообщали или сразу возвращали деньги. Но есть и хапуги. Однако мы сейчас все незаконные деньги возвращаем: было свыше 700 тысяч на переплаты, сейчас три десятка тысяч осталось вернуть. Помогают нам адморганы, прокуратура. Вот Виктор Примак — бывший секретарь комитета комсомола управления строительства... Жил в общежитии один, жена училась и жила в Киеве. А он подал заявление на себя и жену. Пришлось незаконно взятое у государства и людей вернуть... Со всех концов страны перечисляли на счет 904 люди свои трудовые, честные деньги — не должны они лежать в кармане у проходивцев и лугонов. А их, к сожалению, немало...

Особый разговор о молодых. Тринадцатого марта из Ладыйжинского училища работников торговли Ивано-Франковской области приехали в Припять на три месяца на практику учащиеся, в основном девочки. Им тоже разрешили выплату компенсации по перечню утраченных вещей. Что берет с собой человек на три месяца, да еще летом? Шубу, шапку меховую, трое дужинсов? Конечно, нет. А в перечне указывались эти вещи. У всех практически были такие дорогие вещи и так много — на сумму до трех тысяч и более, что их машиной нужно было бы вывозить. А ведь приезжали с сумками. Мы, конечно, проверили, опросили мастеров, завуча училища. Девочки уменьшили перечень до сотен рублей. И получили за действитель-

но утраченные вещи. Но сама попытка обмануть государство во время такой страшной беды потрясает настолько, что не хватает слов. Нет уважения к таким! За прилавок встанут безнравственные продавцы.

Попытались воспользоваться моментом и некоторые учащиеся Припятского СПТУ, жившие и получавшие образование за счет государст-ва, ходившие в казенной одежде...

Припятский исполком сложил свои полномочия 21 июня 1987 года. Для продолжения работы осталась оперативная группа при Ирпенском горисполкоме по городу Припяти. Я ее возглавляю. Выплачиваем компенсацию тем, кто возвращается со строек Сибири и Дальнего Востока, из-за границы, решаем вопросы их поселения. Кроме этого, у нас было пять гаражных кооперативов, в личном пользовании граждан — свыше трех тысяч легковых машин, у сотен людей — мотоциклы, моторные лодки. И за это выплачиваем компенсацию.

Очень хочется верить, что не будет больше таких случаев, таких аварий, таких бед. Я не физик, не энергетик. Но ученые в большом долгу перед землей, и не только перед этой — атомные станции построены в густонаселенных районах, под водохранилища уходят и плодородные земли, а блоки везде одинаковые. И нет в них веры! Но уж раз случилось горе такое, давайте не будем обманывать друг друга. Нужно прежде всего выяснить всю правду и об атомных, и о положении на Чернобыльской АЭС, и о поведении людей в экстремальной ситуации. На будущее. Для себя я вынесла твердое убеждение: нужно видеть каждого человека, к каждому подходить индивидуально, нельзя мерять по шаблону, кабинетными мерками.

Новоселье

Каждый день, вернувшись с работы, я отвечала на вопрос дочери «не дали жилье?» — усталым «нет...» И только в конце октября опередила вопрошающий взгляд: «Да!»

Первого ноября мы вошли в пустую квартиру только что построенного дома с сумками и купленным по дороге караваем хлеба. Мама,

оттеснив меня от двери, вошла первой и, что-то шепча, разбросала прямо от порога звонкие в пустой квартире монеты. Дочь бегала из комнаты в комнату и вновь задавала бесконечные вопросы: «Как же мы будем жить без мебели? Где мы будем спать? В какую школу я пойду?»

Мы не разделяли радость дочери. На серых потолках — желтые разводы. Обои в маслянистых пятнах. Линолеум — до невозможного! — капан краской. Изю всех кранов капает вода, она течет и из батареи. В ванной — гора металлолома: остатки труб, обрезки листового железа, кусок батареи... и «козел» — приспособление строителей из неструганных досок...

Остаток дня мыли полы и окна, перебеливали потолок, сдирали в коридоре обои. «Козел» оставили в качестве стола, соскоблив с него грязь и цемент и застелив газетой. Позднее на нем дочь готовила уроки, сидя на стиральной машине.

...Приобрели телевизор, поставили на пол, воткнув вместо антенны проволоку. Включили: «...где-то в начале июня развернулись работы по строительству жилья для эвакуированных из зоны аварии на Чернобыльской АЭС. Работы велись такими темпами, каких еще не знало отечественное градостроительство. Десятки киевских предприятий и строительных организаций направили лучших специалистов на стройплощадки. Их самоотверженную работу можно смело сравнить с работой тех, кто сегодня занят ликвидацией последствий аварии четвертого блока ЧАЭС... В воскресенье на центральной площади Здвижевки состоялся митинг, посвященный открытию нового села. Слово предоставляется...

— В рождении этого и многих других поселков ярко проявились великие силы нашей партии, ее исключительная забота о благосостоянии, о жизни, в конечном счете, советских людей... Да, наша партия делает все, чтобы сохранить мир на земле. И этот поселок является олицетворением мудрой ленинской миролюбивой политики. Пройдет не так уж много времени, сотрутся горечь и беда в памяти нашей, а здесь будут жить люди, новые поколения

сосетских людей, а все это еще раз докажет величие нашего духа, величие наших коммунистических целей...

Сегодня в Здвизевке поселилась триста шестьдесят одна семья из Чернобыльского района...

«Выключи...» — попросила мама и принялась сооружать из одеял и пальто на полу постель. Утром мы встретили знакомую, рассказавшую о том, что Ольга покончила жизнь самоубийством. Отравилась. Из-за неопределенности в решении квартирного вопроса для строителей. Осталось двое детей. После ее похорон был «бабий бунт», далекий от шолоховского.

... Дочь ушла в школу. Я с хозяйственной сумкой отправилась в магазин «Новосел». Возвращалась с молотком, пилкой, отвертками, рубанком, дрелью, набором шурупов и мешочком гвоздей. Навстречу знакомый журналист.

— Ты знаешь кого-нибудь из настоящих строителей? — спрашиваю. — Знаю, а что?

— Квартиру получила — надо осваивать строительную специальность. Отец говорил: дай бог все уметь, да не все делать. Но делать приходится все... Так назови мне фамилию бригадира, например.

— Да... Чудите после эвакуации... Вот... Виктор Семенович Артеменко, заслуженный строитель Украинской Советской Социалистической Республики, лауреат Государственной премии СССР, кавалер двух орденов Ленина.

— Сколько лет строит, знаешь?

— Тридцать пять...

— А сколько построил?

— В бригаде около тридцати человек, ежегодно сдают до тридцати шести тысяч квадратных метров полезной площади жилья.

— Ты и телефон его знаешь?

— Есть и телефон.

— Позвони ему и спроси: для кого он строил и где его дома?

— Зачем?

— Привет хочу передать! Домам!

— Чудите вы после аварии...

... Разбирали привезенные из Припяти мешки с вещами. Дочь меняла под батареями банки — трубы текли в нескольких местах, а сантехни-

ки все не шли, несмотря на мои остроумные заявки.

В дверь позвонили. «Не желаете ли оббить — зима скоро, а у нас дерматин дефицитной расцветки». «Очень даже желаем. И замок надо переставить: этот сломан». Работали ловко и быстро. Сделали на совесть и всего за один час. «Пятьдесят рублей за дверь и десять за замок...»

Мама позвала ужинать — привычно встали у подоконника с вилками.

— Ты извини, дочь, но я уеду. Не могу больше...

— Да что ты, мама, все образуется. Вон на проспекте 40-летия Октября в доме номер сорок шесть А с крыши течет, люди кровати из угла в угол переставляют, чтобы не капало...

— У нас и капает, и переставлять нечего... Тебе легче сначала начинать, еще можно, а я уже не могу — поздно...

... Приехала в мебельный магазин, настроенная воинственно: не лето — спать на полу холодно; не уйду, пока не дадут кровать хотя бы для ребенка... Магазин гудел, как пчелиный рой, — сотни эвакуированных толпились в очередях. Расхристаные, распаренные женщины ожесточенно бранились. Я подошла к молоденкой продавщице: «Девушка, мне бы кровать, для ребенка, я тоже оттуда...» Она ткнула пальцем в никелированную — с металлической сеткой. Рядом с румынской полуторной, на которой стояла табличка: «Для работников Чернобыльской АЭС. Только по талонам», эта железная несурзациа времен бабушки казалась насмешкой... Полезла за носовым платком, сразу потеряв боевой настрой. Продавщица отвернулась. Я опустила глаз на выставочный стул. «На нем нельзя сидеть, — сказала продавщица резко, но вдруг добавила: — Зайдите к директору, кровати много, может продадут так...»

К директору вошла, как входят жалкие просители, заранее приготываясь увидеть... Но он все сразу понял: «Конечно, берите, вещь дорогая, но ребенок растет — окупится».

Назавтра у нас был первый праздник, первый после эвакуации. Только мамы не было — уехала...

Сантехник чинил трубы и краны.

— Отвертка есть?

— Есть.

— Краска есть?

— Есть.

— Гаечный ключ есть?

— Ключ... гаечный. Нет...

— Надо иметь: вас много — я один, на всех не напасешься, ничего не дают. Этот пластмассовый шланг надо менять, не годится он, лопнет, купите резиновый. Сантехнику тоже надо менять.

— Она же того... новая.

— Новая, да негодная. — Он подтягивал гайку на трубе, разбрызгивая краску, в которой была смочена пакля, по стене. — А здесь нужен цемент. Есть цемент?

— Нету...

— Значит, и дела нету. Приготовите цемент — тогда и сделаю.

— Но я же не виновата, что в новом доме нужен капитальный ремонт.

— А кто виноват? Для вас же, чернобыльцев, старались — спешили строить.

Поехала на Троещину — жилмассив, где несколько тысяч семей припятчан. У многоэтажного дома — группа подростков, многих знаю в лицо. Разговорились.

— Мы поодиночке не ходим — киевляне бьют. Только и мы в долгу не остаемся — терять нечего...

— Стекла бьют, двери режут — злятся, что квартиры у них забрали. Пацаны, конечно.

— Да не мы первые, не мы. Пошли наши в кафе-бар, а их избил. Ну ребята собрали наших и разогнали киевлян. Те на следующий день целую шару привели и ловили по одному, по двое. После этого любовью наш ломается на помощь, даже мужики бегут на подмогу.

— Договорились однажды — вышли в поле, за дома. Больше сотни было. Хотели испытать: все встанут в круг, а десять на десять или даже один на один докажут свое право на жизнь на Троещине. Но приехала милиция...

— И на Харьковском шоссе так же.

— Я вот родился около Горловки, так там был у нас запущенный парк — ребячьи трущобы, голубятни там были наши, шалаши. Там все

курили. Словом, хулиганили тайком. Но открыто били сына директора за вода. Каждый день били. Били за то, что лучше нас одет, за то, что его папа ездил на машине. А мы дети шахтеров, дети пролетариев. Но мы и уважали этого парня за то, что он умел защищаться. Потом за это и простили. Правда, они все же переехали в другой район. И здесь мы защищаем свое достоинство. Методы? А других просто не дано.

— Да помиримся, притремся. Мы же не тайные буржуи...

— А я бы с удовольствием вызвал на дуэль владельца черной «Волги». Вроде бы обкомовская... Это двадцать шестого апреля было. Ее мыли у горкома из шланга на виду у всех, и никто не знал, почему моют... А в этой воде, совсем рядом, детишки кораблики пускали. В Припяти, в Припяти. Как блестела эта «Волга»!

Получила письмо от Кишинева. Пишет женщина, что жила до аварии в Припяти: «...Если разобратся, все более или менее стало на свои рельсы: есть квартира, есть необходимое в квартире, телефон, машина, из которой я не вылезая. Работа, пусть не совсем то, что надо (я ведь газетчик, а не журнальный работник), но есть. Но веришь, такое чувство, что я умираю, медленно, постепенно иду к своему законному инфаркту, инсульту или... Я не могу пережить всего этого, а на то, чтобы обменяться, вернуться на свою землю, нет ни моральных, ни физических сил, да и где гарантия, что будет лучше? Наверное, Чернобыль очень рано нас перестроил — не все окружающие к этому готовы.

Нет сил субботничать... Тоска по друзьям неимоверная, трудно на чем-либо сосредоточиться. Дьявольская погода усиливает это жуткое состояние, теребя душу какими-то снежинками, которые, касаясь земли, тают и образуют грязь. Вот так и люди, наверное: пока летают — они люди, но когда им подрезают крылья, они падают и тоже становятся грязью. Думаешь небось, что я свихнулась... Нет. Очень трудно держаться на лету — невозможно подняться из грязи. Иногда думаю: не буду ни во что вмешиваться — ведь что нужно для полного счастья

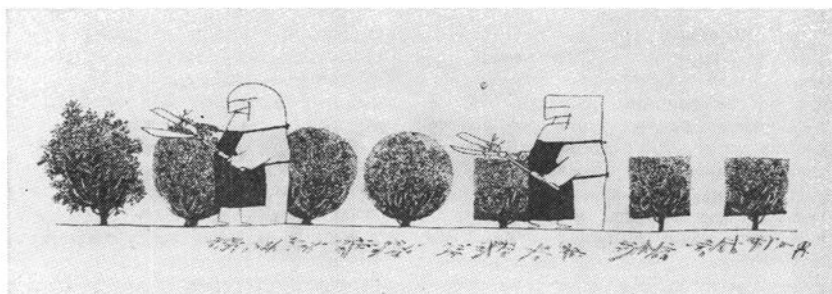
нам сейчас: покой и питание, ну еще плюс мужичонка неплохой... А душа бунтует. А впрочем, готовь силенки и прости мою невыдержанность... Искренне ваша Зинаида Гурская».

Поехала в Бородинский район посмотреть на новоселье сельских жителей. 1190 домов построено для эвакуированных из Чернобыльского района, 500 из них — киевскими строителями. Самое большое село — Небрат: 560 усадеб, самое маленькое — Берестянка: 250 домов.

На скамеечках возле домов судачат, поплакивая, женщины. Все — новое, лучше и красивее прежнего. Но нет единения между усадьбами и людьми, словно дома — сами по себе, люди — сами по себе. Еще держится запах сырого бетона — пирогов не пекут, да и у печей не стоят часами, как раньше. И не держится в домах уют, несмотря на ковры и новенькую мебель. Вот и сидят на скамеечках, бередя друг другу душу...

Решила упростить себе жизнь: утром заранее составляла список вещей, которые нужно купить, сортируя по принадлежности — электротовары, стройматериалы, краска, посуда, и договаривалась с таксистом. Вместе ходили по магазинам, советовались, выбирали, складывая свертки и коробки на заднее сиденье машины. Продавцы давно перестали удивляться — все подряд покупают только припятчане да чернобыльцы... А вечером после работы отстраненно распаковывала добро. «Скоро у нас опять все будет!» — радовалась дочь.

Отпраздновать новоселье так и не решилась. Минул-канул год, а все еще не обжилась квартира, остается холодной. А в Припяти полчища мышей и крыс потрошат подушки и сгрызают клей с обоев. А в селах холеные лисицы пасут около хат стайки кур, каждая — свою. А вокруг — самосейные поля, елочки пускают новые побеги с длинными, как у сосны, иглками. Не решилась отпраздновать новоселье...

Олег Дергачев (Львов)

А. РЕЙНИЕКС,

заместитель прокурора Латв. ССР,
старший советник юстиции

«ВЫСШИЙ СУД» — И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Пронзительный звонок городского телефона прервал начавшееся оперативное совещание. «Скажите, — раздался в телефонной трубке встревоженный женский голос, — у меня такой вопрос... Только что мы посмотрели фильм «Высший суд». Что будет с Валерием Долговым? Его отпустят?»

— А вам бы хотелось? — я не сдержался, и встречный вопрос прозвучал не так спокойно, как полагалось бы.

— Да! — ответ прозвучал решительно и уверенно.

— А вам не будет страшно ходить по ночным улицам Риги, если мы начнем освобождать убийц?

— Нет,нисколько. Он так делать больше не будет! Я знаю. Я уверена.

Подобные звонки в прошедшем году нередко раздавались в кабинетах оперативных работников Прокуратуры Латвийской ССР. Некоторые голоса звучали очень категорично. Среди заданных вопросов встречались и такие: «Скажите, как долго вы будете издеваться над человеком? Когда Долгова наконец освободят?»

Сразу хочу поставить точки над «и». Я не собираюсь критиковать фильм как явление искусства. Исследуя человеческую душу, его авторы смело вторглись в сложную область. Они убедительно показали, что самый грозный судья — это душа человека, его совесть, и фильм вполне заслуженно получил и широкую аудиторию, и награды авторитетных киноконкурсов. Но, с другой стороны, художественная ткань фильма соткана из реалий конкретного дела,

где мы видим конкретного преступника, о деяниях которого широко оповещала пресса. Тем самым этот фильм имеет и юридический, правовой аспект именно в силу своей документальности; он — часть правознания общества и одновременно — фактор, влияющий на ее формирование.

Самое парадоксальное, по моему мнению, то, что в этом многоголосом хоре зрителей ни разу не удалось услышать человека, который более или менее реально оценил бы создавшуюся ситуацию. Ведь во время создания фильма еще не было известно **лишь одно** обстоятельство — будет ли помилован преступник, который совершил тяжчайшее преступление и которого за это **законно и обоснованно** приговорили к высшей мере наказания, или его просьба о помиловании будет отклонена. Этот вопрос должен был решить Президиум Верховного Совета СССР. Все остальные факты не подвергались ни малейшему сомнению.

Преступнику, приговоренному к смертной казни и помилованному, высшую меру наказания заменяют лишением свободы на 20 лет — и ни дня меньше. Об освобождении не может быть речи вообще.

Но люди звонят, спрашивают, интересуются, даже требуют. Конечно, ими движет гуманизм, сострадание... И все же — почему никто не задумался: а есть ли основания для гуманизма, не является ли он односторонним? Ниже я попытаюсь поделиться своей точкой зрения на эту проблему...

Легче всего было ответить, что все дело в низком уровне культуры и правосознания.

Но такой ответ был бы поверхностным и примитивным. Он не учитывает многочисленных оттенков и ситуаций, возникающих в реальной жизни, без учета которых невозможно однозначно ответить, почему множество людей в нашем высокоразвитом современном обществе иногда думают и, что гораздо важнее, поступают совсем не так, как предписано законом, нельзя понять, почему в нашем сознании закон не всегда воспринимается как единственный, самый высший и самый справедливый регулятор общественных отношений. Почему даже в статьях и выступлениях авторитетных, широко известных людей порой встречается нигилистическое отношение как к требованиям самого закона, так и к органам и должностным лицам, которые его применяют? И если часто повторяются слова и выражения «законники», «честь мундира», «формалисты» и тому подобные, то в чем причина — несовершенство самого закона, некомпетентность и черствость тех, кто его применяет, или правосознание людей, уровень их юридической культуры?

Не хочу отрицать ни первое, ни второе, ни третье. Наяву и то и другое. Но одной констатации мало...

Возьмусь ли я утверждать, что наша законодательная система сегодня идеально соответствует требованиям общества? Ни в коем случае — особенно сейчас, когда перестройка ярко высвечивает недостатки отдельных статей и положений, особенно в хозяйственном и административном законодательстве. Многое из того, что еще вчера преследовалось и каралось по разряду «злоупотреблений служебным положением» и так далее, сегодня называется по-новому: предприимчивость, инициатива, стремление к оправданному риску в хозяйствовании. Но и определенное несовершенство законов не должно вести к правовому нигилизму, к пренебрежительному отношению к системе законоположений, к четкости и разработанности которых держится общество. Отсюда недалеко и до воспевания анархии. И еще. Правовая культура

включает в себя и умение бороться за изменение тех или иных законов законными же средствами — благо возможности для обсуждения любых сторон нашей действительности значительно расширились; бороться аргументированно, убедительно, с фактами в руках — без демагогии и крикливости.

Жизнь постоянно вносит коррективы в законодательство. Закон совершенствуется и обновляется постоянно. Но в то же время незыблемыми остаются основные принципы советского социалистического права. Известное постоянство закона придает стабильность и устойчивость правоотношениям, создает чувство уверенности у лиц, вступающих в эти правоотношения.

В последнее время, когда идет процесс демократизации нашей общественной жизни и развития гласности, в прессе нередко появляются статьи о грубых ошибках, допущенных некоторыми работниками правоохранительных органов. Такие публикации полностью соответствуют духу времени. От честного и ответственного отношения к своим обязанностям судьи, прокурора, следователя, от их уважения к требованиям закона зависят судьбы десятков и сотен людей. Нас не может оставить равнодушными судьба ни одного отдельного человека. Даже если он совершил преступление или иное правонарушение, отношение к нему должно остаться человеческим, оценка его действий должна строго соответствовать закону. Любой брак в работе упомянутых должностных лиц может искалечить судьбы людей, поэтому о браке нужно, просто необходимо говорить, говорить во всеулышание — так, чтобы об этом узнало все наше общество.

Таким образом, первые две из названных причин действительно имеют место. И о них говорят и пишут достаточно. Но очевидно и то, что не отдельные изъяны законодательства, не ошибки и даже отдельные злоупотребления работников правоохранительных органов являются главными причинами нигилистического, пренебрежительного отношения к праву и правоохранительным органам. Ведь порой приходится слышать, что, мол, все неправильно, что вокруг — сплошное беззаконие.

Наша правовая наука трактует правосознание как «совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, в которых выражается отношение к действующему или желаемому праву как к справедливому или несправедливому и к действиям людей как к правомерным или неправомерным».

Уровень правосознания людей — это мера их общественной активности, понимания ими насущных и неотложных задач общества. Это их отношение к антиподам социалистической морали и нравственности. Это тот внутренний базис, необходимый запас или багаж, который придает человеку уверенность в своих поступках, позволяет сформировать его жизненную позицию в той или иной ситуации. Это не только уважительное отношение к закону, но и способность хоть в общих чертах понимать механизм его применения, взаимосвязь и различие между отдельными ситуациями, регулируемые правовыми нормами. Давайте разберем только один пример.

Из ведомственного (или служебного) жилого помещения выселяют женщину с маленькими детьми. Квартира была предоставлена ее мужу в связи с трудовыми отношениями. Но муж давно ушел из квартиры, у него другая семья. Однако пока он продолжал работать на данном предприятии, никто не интересовался, где он фактически живет и каков статус его прежней семьи по отношению к владельцу квартиры. Через несколько лет он уволился с работы. Это его право, но бывший муж и отец не подумал и вряд ли даже знает о том, что от этого шага зависит судьба его прежней семьи. Да и бывшая жена давно уже забыла, как и в связи с чем им была предоставлена квартира. Поэтому иск предприятия о признании ее утратившей право на жилплощадь и о выселении сваливаются как снег на голову.

С точки зрения закона такие дела почти бесспорны. Администрация предприятия права, рассмотрение дела сводится лишь к формальному ритуалу.

Но человек, волей случая попавший в такие обстоятельства, не всегда избирает своим советчиком закон. Тем более, что подружки по работе говорят: «Не волнуйся, плюнь! Ни-

чего они тебе не сделают!» Как будто выселение — это не основанное на законе перераспределение жилого фонда, а личная месть недоброжелателя.

Но в судебном процессе всплывают факты нелюбезные и имеющие прямое отношение к нашему разговору — правовая культура и общества, и отдельных его членов. Учет жилплощади и нуждающихся в ней крайне запущен. В том же заводском доме живет еще десяток лиц, уволенных за прогулы и пьянство, но их выселить... позабыли. В общежитии вообще полно посторонних лиц, коюместа предоставляются по усмотрению коменданта. А выселить решили именно эту несчастную женщину с детьми.

Откровенно говоря, участвовать в рассмотрении таких дел достаточно грустно. Ведь не объяснишь же, что, независимо от всего этого, при таких основаниях суд не имеет других возможностей, как иск удовлетворить.

Бессилие? Но почему мы упорно не хотим поставить вопрос в иной плоскости? Почему всегда объектом нападения становится закон и те, кто призван его охранять? Почему другие высокие инстанции, куда обращаются «пострадавшие», охотно становятся на их защиту, оказывают давление на работников правоохранительных органов путем телефонных звонков, организации статей в печати, но все высшие судебные и прокурорские инстанции снова и снова подтверждают правильность принятого решения.

Защита мундира? Неспособность или некомпетентность?

Но где же, позвольте спросить, совесть и благоразумие того, кто при таких обстоятельствах обращается в суд? Я здесь имею в виду не только нечестного администратора, подписывающего такой иск, но и представителя юридической службы завода, визирующего его, комиссию по трудовым спорам, профсоюзный комитет в полном составе, давших добро на увольнение, руководство общественных организаций, подписывающее соответствующие характеристики или ходатайствующее в пользу администрации.

Уволить, выселить, наказать — это ведь право, а не обязанность. Пра-

во, предоставленное законом — а он дан для разумного, а не бездумного пользования. Выселить или нет — это с самого начала решает владелец. Он может и не обратиться в суд с такой просьбой, или, во всяком случае, прежде всего обратиться в отношении тех, кто этого больше заслуживает.

Где же роль трудового коллектива, призванного решать все жизненно важные вопросы предприятия? Где его веское слово? Где тут правосознание коллектива?

Смысл приведенного примера в том, что он демонстрирует «изъятие» правовых взаимоотношений из контекста общественной атмосферы, молчаливое невмешательство окружающих, заранее смиряющихся с тем, что вмешательство ничего не изменит, что «право» и жизнь несоединимы, что между ними лежит пропасть, через которую обыкновенный человек не в силах перекинуть мостик...

Несколько лет назад, работая в районной прокуратуре, мне приходилось наблюдать за группой пожилых людей, преимущественно пенсионеров, постоянно посещавших выездные процессы по уголовным и гражданским делам в небольшом городке районного подчинения. Маленький зал исполкома раз или два в месяц использовался районным народным судом для проведения таких процессов. Для некоторых местных жителей эти процессы служили чем-то похожим на театральные представления, они вносили некоторое оживление в довольно однообразную жизнь городка. Присмотревшись к этой группе, я начал в перерывах судебного заседания заводить с ними беседы на правовые темы, отталкиваясь от рассматриваемого дела, отвечать на вопросы. Получилось что-то вроде неформального народного университета.

Для меня эти беседы дали очень много. Постепенно вырисовывался весь сложный механизм восприятия судебного процесса человеком сквозь призму своего субъективного отношения к данному преступлению и конкретному обвиняемому при определенном уровне знания законов. И как трудно было им ломать сложившиеся стереотипы, встать на сторону государственного обвинителя,

на позиции, закрепленные в приговоре, если обвиняемый — знакомый, может даже друг, если не испытывается непримиримость к совершенному противоправному деянию.

Последнее опять-таки очень ярко чувствуется во время проведения выездного судебного заседания по факту мелкого хищения, скажем, на мясокомбинате. Этим я не хочу подчеркнуть, что на комбинате все воруют. Это не так. Но атмосферы реального осуждения воровства, конечно же, не существует. Это чувствуется и по тем ухмылкам и репликам, сопровождающим вопросы и ответы участвующих в процессе лиц, и по тому «молчаливому нейтралитету», в котором как в мягкой перине тонут суровые слова обвинительной речи и приговора.

Да, людям свойственно эмоционально воспринимать события. Это им выгодно. Так, чтобы происходящее соответствовало их собственным представлениям о наказуемости, противозаконности и аморальности конкретного деяния. Постоянные слушатели упомянутого уже «неформального университета» поначалу удивили меня. Убит человек при отягчающих обстоятельствах, но... в зале чувствуется сострадание к виновному, а не к потерпевшему. А какая-нибудь мелкая кража огурцов с личной грядки может вызвать взрыв негодования в адрес малолетнего нарушителя. Все это не укладывалось в привычное понимание ответственности — моральной, дисциплинарной, административной, уголовной. В зависимости от обстоятельств тяжкое уголовное преступление порой вызывает у коллектива меньше возмущения, чем, скажем, неправильное отношение к воспитанию ребенка, содержанию престарелых родителей, нарушению семейных уз и других действий, за что не только уголовной, но даже административной и дисциплинарной ответственности не предусмотрено.

Оказывается, решающим фактором здесь выступает уровень правосознания. Но и это еще не все. На правосознание постоянно воздействуют различные факторы, помогающие его формированию. Значит, главной задачей является то, чтобы культура человека, в том числе и его правосознания, росла и формировалась не

на основе слухов и домыслов, не на базе разных сплетен и рассуждений, независимо от того, преподносятся они устно или в печатном виде.

С одной стороны, как будто все у нас есть. Как будто имеются все возможности для получения необходимого минимума правовых знаний. В каждом районе работают многочисленные университеты правовых знаний с огромным (по отчетам) количеством слушателей. Активно функционируют юридические секции общества «Знание». Ученые-юристы и практические работники органов внутренних дел, прокуратуры, суда и коллегии адвокатов ежемесячно прочитывают прямо-таки фантастическое количество лекций и докладов. Перед трудовыми коллективами выступают следователи, информируя о преступлениях, совершенных отдельными членами этого коллектива. И плюс к тому еще выездные заседания народных судов, живая, повседневная работа профкомов, комиссий по трудовым спорам, комиссий по делам несовершеннолетних, разных правовых инспекций, контролирующих органов, товарищеских судов.

С отчетами перед избирателями выступают народные судьи и народные заседатели. Разбираться в законодательстве помогают юридические службы на предприятиях, а по месту жительства индивидуальную воспитательную работу с определенным контингентом лиц проводят участковые инспектора милиции, народные дружинники, общественные воспитатели и наставники. Кроме того, на предприятиях созданы общественные юридические консультации.

Но все же, наблюдая за уровнем правосознания широкого круга людей разных возрастов и профессий, становится грустно.

В силу своих служебных обязанностей мне приходится принимать граждан, читать и разрешать их письма и жалобы по наболевшим вопросам. И нередко невольно удивляешься, чего только не хотят, что только не придумывают жалобщики ради удовлетворения своих интересов — даже если они явно аморальны, а в некоторых случаях прямо противозаконны. И насколько противоположно могут трактовать один и тот же вопрос, одни и те же обстоятельства спорящие стороны. При этом обе

они, как правило, применяют самые сильные эпитеты: «безобразия», «издевательство над законом», «гнусная клевета», «вопиющая несправедливость».

Первой мишенью чаще всего становятся правоохранительные органы и отдельные их работники. Конечно, те, которые отказали — в просьбе, в иске, в требовании. И неважно, по каким мотивам обращение не удовлетворено; важно, что отказано. Пусть и по закону.

Второй мишенью яростных атак несомненно становится сам закон. Что-то мне в последнее время чрезвычайно редко приходилось видеть человека, который после разъяснений требований закона, свидетельствующих о его неправоте в каком-то вопросе, просто вздохнул бы и сказал: «Извините, не знал».

Вместо этого люди идут в атаку, атаку яростную, нередко превышая нормы поведения, повышая голос, допуская грубость в отношении работника, разъясняющего закон.

В том, что ответ данного работника и действия соответствующего органа обжалуются, конечно, нет ничего плохого или противозаконного. Но обжалование имеет свои границы. Наступает день, когда конкретное решение (например, судебное) вступает в силу, так как рассмотрено и пересмотрено во всех самых высших инстанциях. Но, к сожалению, и после этого определенная часть людей «не складывает оружия». Они открыто саботируют решение суда, прибегая иногда к самоуправным действиям, и одновременно ищут все новые и новые инстанции, новых ответственных работников, которые хотя и непосредственно с деятельностью судебной не связаны и об этом конкретном случае слышат впервые, но определенной властью обладают, авторитетом пользуются и поэтому считают своим долгом позвонить, попросить отложить исполнение, объяснить.

После соответствующего разъяснения эти руководители обычно начинают правильно оценивать ситуацию, но конкретное выселение, отобрание ребенка, взыскание долга, конфискация имущества или другое мероприятие — сорвано. Нужно назначать новые сроки, предупреждать, начинать все сначала, а должник или жалоб-

щик (именно так хочется его назвать) уже стучит в другие двери.

О таких случаях только за истекший год неоднократно рассказывалось в республиканской прессе. Вспомним хотя бы статью в газете «Советская молодежь» — «Битва за эм квадрат», рассказывающую о яростной борьбе Бражинской и ее доверенного лица Роде против выселения из кооперативной квартиры, занятой посредством фиктивного брака. Или статью «Меловой круг», опубликованную в газете «Советская Латвия», о вопиющем случае насильного удержания ребенка, вопреки судебному решению, которое предусматривало его возвращение матери.

Эти статьи вызвали широкий резонанс в обществе. Однако не подействовало и это. Правда, Бражинскую удалось выселить, но лишь после предложения третьего или четвертого варианта в государственной квартире — так что еще неизвестно, кому повезло. А Бронов по-прежнему уже длительное время прячет ребенка и продолжает жаловаться во все инстанции.

Не стану приводить примеры из своих бесед с посетителями. Пусть уж это останется, так сказать, тайной исповеди. Ведь какой бы ни был уровень знаний, какие бы мотивы ни руководили его неправомерными действиями, гражданин пришел на прием потому, что у него «болит».

Речь о другом — насколько мы вообще юридически грамотны, чтобы спорить с законом. Сошлюсь на примеры общеизвестные. В течение многих лет Латвийское телевидение проводит увлекательный конкурс для старшеклассников — «Приглашаем участвовать». Наблюдая за этими передачами, я невольно ловил себя на мысли — насколько резким является контраст между уровнем правовых и всех других знаний. Прямо поразительно, чего только не знают наши дети: интересные факты из биографии средневекового писателя, малоизвестные роли артистов, выступавших полсотни и более лет назад. Они демонстрируют прекрасные знания в области кибернетики и ядерной физики, истории и географии, химии и кулинарии. Однако конкурс на юридические знания для большинства является самым серьезным испытанием. Вопросы вроде бы самые простые —

например, что такое отсрочка исполнения приговора и тому подобное. Ответы — чисто детские. Поэтому неудивительно, что, услышав слова приговора о том, что за совершенное преступление назначено лишение свободы с отсрочкой исполнения приговора, осужденный подросток с улыбочкой сходит со скамьи подсудимых. Спросите у него после процесса: «Ну как?» Он только отмахнется: «Ничего не получил. Что-то там говорили, хотели что-то пришить, видимо не получилось». Не верите? Зря. Я такие ответы слышал не раз.

Да что там школьники? Возьмем другой пример. Наверно, многие телезрители с увлечением смотрят интереснейшую телевикторину «Что? Где? Когда?» в программе Центрального телевидения. И многие, наверно, горячо болея за Знаток, поражаются — где же границы человеческого ума, находчивости, таланта. Я не исключение — тоже так думаю. И все шло хорошо, пока несколько лет назад на одной из финальных передач последним, решающим выпал юридический вопрос. От правильного ответа зависела судьба команды — играть ли ей на будущий год.

Не буду повторять здесь ответ. Он, мягко выражаясь, был наивен. После бурного обсуждения его решили засчитать. Наверно, нельзя из-за одного ответа перечеркнуть всю работу, все старания. Но в душе все-таки разочарование — даже эрудитам оказалось не под силу...

Так в чем же дело? Почему полученный результат не соответствует затраченному труду, знания — возможностям их приобретения? Почему не срабатывает весь этот огромный комплекс правовоспитания? Тысячи лекций. Приписки? Кое-что, конечно, есть. Но я встречал и людей одержимых, буквально фанатиков своего дела, умеющих и любящих говорить с народом.

Может, дело в качестве правовой пропаганды? Тоже отчасти верно. Не все умеют заинтересовать аудиторию, не все владеют своим предметом в совершенстве. Есть среди нас и демагоги. Скажем, на выездном процессе, организованном в средней школе, защитник подсудимого говорит: «Ну, конечно, мой подзащитный

ВЗЯЛ этот мотоцикл покататься, но разве это преступление? Это скорее баловство» и т. д. Создать ложное представление в глазах десятка, а порой и сотен слушателей о границах дозволенного — тягчайшее нарушение не только этики, но и служебных полномочий.

Оставляет желать лучшего качество преподавания основ советского права в учебных заведениях. Как-то пришлось посетить одну из средних школ и участвовать в проведении урока по основам советского трудового права. К уроку специально готовились, он был в своем роде показательным, так как вопрос готовился на обсуждении в координационно-методическом совете по правовой пропаганде. «Труд — это священная обязанность и право каждого гражданина, — сказал учитель. — Кто не работает, тот не ест» — и в таком роде минут пятнадцать. После этого следовали вопросы ученикам — кем работает твоя мама, отец, брат, какие имеют награды, что ты знаешь об их предпрятии, какую продукцию оно выпускает. Почти по знакомому из детства стихотворению: «Мамы всякие нужны, папы разные важные»...

Что дал этот урок для осмысления основных положений трудового права? А ведь оно регулирует отношения между работниками и предпрятием с момента заключения трудового договора до его расторжения, а иногда и после него. Чего уж тут удивляться, если в случае несвоевременной выдачи спецодежды, непредоставления перерывов для кормящей матери, лишения премиальной доплаты или объявления замечания рабочий вместо комиссии по трудовым спорам, профсоюзного комитета или другой соответствующей инстанции обращается в Комитет советских женщин или к Генеральному прокурору Союза ССР, а то и в Организацию Объединенных Наций.

Особый разговор о роли средств массовой информации — печати, радио, телевидения в формировании правосознания людей. Большинство передач, статей актуальны, в них остро поднимаются наболевшие проблемы. Но не всегда они юридически обоснованы и убедительны. Здесь как раз я и хочу вернуться к разговору о кинофильме «Высший суд».

Впечатление, которое создается у зрителя во время демонстрации фильма, формирует у людей собственное представление не только о природе конкретного происшествия и действительных причинах отдельных явлений, но и о самой проблеме, ее сути. Внутренняя моральная сила советского человека даже при недостатке правосознания настолько высока, что он не может остаться равнодушным к судьбе чужого человека, к несправедливости, к чужой боли.

С большим и неподдельным интересом читаю дискуссию «за» и «против» смертной казни. Читаю и как юрист и как человек. Импонирует то, что в ней участвуют не только правоведа, но и представители самых разных слоев нашего общества. Далеко не со всеми доводами противников исключительной меры могу я согласиться (в противном случае у меня было бы иное отношение к талантливому фильму «Высший суд»), но их аргументация говорит о том, что широкие слои советских людей воспринимают статьи законов как нечто, волнующее их лично; а такое горячее пристрастное отношение к закону — основа, на которой зиждется правовая культура общества, хотя понятие это настолько широко, что его трудно, почти невозможно свести к некоторым, пусть и верным положениям. Именно поэтому к искусству предъявляются такие строгие требования.

Если одно неумело или небрежно расследованное уголовное дело, один необоснованный приговор суда, каким бы чрезвычайным случаем это ни явилось, может сломать жизнь одного человека, нарушить благосостояние одной семьи, дезинформировать какой-то отдельный коллектив, то небрежно подготовленная статья, небольшое отступление от действительности может дезинформировать миллионную аудиторию.

Более 10 лет назад я впервые смотрел художественный фильм «Калина красная» с выдающимся актером Василием Шукшиным в главной роли. Думаю, что большинство зрителей хорошо помнят содержание этого фильма. Вспоминаю, что тогда, во время демонстрации фильма, в момент, когда брат невесты главного героя, потрясенный его смертью,

догоняет остановившийся у переправы «Москвич», в котором находились преступник со своими друзьями, и своим многотонным самосвалом сваливает его с обрыва, в зрительном зале раздались аплодисменты. Эмоциональное напряжение фильма было так велико, что эти аплодисменты были мне близки и понятны: люди в мгновением наплыве чувств высказывали свой протест против несправедливости, свою непримиримость и гнев к насильственному преступлению, одобряли действия, **символизирующие** победу справедливости. Да, в фильме они символизированы. Но за порогом кинотеатра начинается реальная жизнь, в которой такие символы неуместны, в которой все должно происходить по совсем другим правилам, — и только тогда будет гарантирована истинная победа справедливости.

Но в разговорах с людьми разных профессий и возрастов я убедился, что они восприняли содержание этого фильма слишком буквально. Они не только допускали, но считали правильными и обоснованными такие действия героя фильма... и в жизни. Ни один из опрошенных мною людей так и не понял истинного трагизма ситуации. Никто не сомневался в том, что такие действия, если они имели бы место на самом деле, явились обоснованными, законными и безнаказанными.

Но действительность сурова и необратима. Полюбившегося нам героя ожидало бы суровое наказание. Более того — к нему, очевидно, применили бы высшую меру наказания. Как бы его ни оправдывать, он ведь был преступником, убившим сразу четырех или пять человек. Беспристрастно оценить эти действия можно, только отбросив все эмоции. Убийцу тоже нельзя убивать. Это аксиома. Принципы необходимой обороны здесь неприменимы — преступник уже не нападал, а убежал. Может, ответственность смягчало так называемое аффектное состояние — сильное психическое возбуждение? Нет, такое состояние может быть лишь кратковременным — во время длительного преследования было время привести в порядок свои нервы и хладнокровно оценить ситуацию. Может, необходимость такого поступ-

ка была вызвана невозможностью задержать беглецов? Увы — впереди была река. Наконец, самое главное: в машине был не только убийца, но и другие люди. На последнее обстоятельство надо обратить особое внимание. Перед законом их вины не было. **На этот раз** они ничего не сделали. Таким образом, оценив происшедшее глазами юриста, мы видим не столько благородный поступок, сколько «умышленное убийство нескольких человек по мотивам мести».

Пусть читатель мне простит это длинное отступление, но сказанное я целиком и полностью отношу и к документальной киноленте «Высший суд» Рижской киностудии, хотя понимаю, что в документальном кино существуют другие правила.

Во-первых, документальность этой ленты местами весьма условна. Долгов очень хорошо понимает, чего от него хотят. Кинокамеры и яркие «юпитеры» в камере смертника... Приглашение к откровенности. И все это в момент, когда только высший орган власти страны может еще что-то изменить в его судьбе. Притворяется ли Долгов? Нет, кажется все сказанное им идет из глубины души. Но я все-таки не могу ему поверить. Не могу потому, что знаю и другие обстоятельства — те, которые остались за кадром, о чем в фильме не говорится... О том, что после совершенного убийства он свои жертвы раздел, положил в ванну в позе, оскорбляющей человеческое достоинство, наполнил ванну горячей водой, сверху посыпав стиральным порошком, чтобы трупы быстрее разложились. Ледянящий душу цинизм пронизывал его действия.

Ни в коем случае я не хочу бросить тень на сам фильм и его создателей. Настоящая ценность его — в глубоком анализе внутреннего мира человека (даже в тех кадрах, которые с точки зрения юриста несколько сомнительны). Ценность фильма и в том, что он имеет огромное превентивное значение — потенциальный преступник как в зеркале может увидеть последствия своих действий. Фильм срывает маску романтики, покрывающей преступный мир в глазах части молодежи, дает возможность взглянуть в душу и чувства человека, ожидающего смертного приговора.

Удивление вызывает другое обстоятельство — те выводы, к которым почти единодушно приходит пресса. Валерий Долгов, в разных статьях именуемый главным героем, фактически героем и признан. Он ведь уничтожил изощренную преступницу Эмму Бурилину, которая, будучи ответственным должностным лицом, занималась спекуляцией и взяточничеством. Явился современный Робин Гуд в лице Валерия Долгова — и этой злодейки больше нет.

Но кто оценит вину каждого, кто сравнит тяжесть одного преступления с другим, кто определит меру наказания, если не юристы? Да, действия Э. Бурилиной ничем нельзя оправдать и, если бы она была жива, ее бы судили. Но за совершенные ею преступления смертный приговор не предусмотрен — эти деяния не так тяжелы, как убийство. Если кто-то будет со мной не согласен, я хочу спросить — а как же с другой жертвой преступления, Озолиньшем? Он перед законом без вины. Значит, этого человека можно было убить только потому, что он во время происшествия находился у Бурилиной?

Некоторые авторы телефонных звонков напоминают о гуманности советского закона. Это действительно сильный аргумент. Принцип гуманизма присущ нашему законодательству с первых дней Советской власти. Но что такое гуманизм? Ставлю этот вопрос потому, что этим термином нередко пользуются в спекулятивных целях, а точное понимание его имеет прямое отношение к правовой культуре общества. Ведь есть и такая точка зрения, которая считает любое наказание антигуманным актом.

Ну что ж — вот вам случай из жизни. Дождливый осенним днем трое пятиклассников, встретив на опушке леса маленького мальчика — первоклашку, начали к нему приставать. Испуганный малыш в ужасе просил этих «дядь» отпустить его. Но не тут-то было. Зарвавшихся мучителей любые просьбы о пощаде вели к еще более изощренным пыткам и издевательствам. Уму непостижимо, откуда у них была такая жестокость, такая жажда увидеть чужую боль, чужие слезы. Извывая мальчугана по ползамерзшим лужам и избив его, они приступили к дей-

ствиям, которые описывать не стану, учитывая специфику литературно-художественного журнала. Наконец, оставив почти безжизненного измученного ребенка лежащим посреди лужи и справив на него свои естественные надобности, мучители удалились.

Лишь по счастливому стечению обстоятельств мальчик добрался домой. Садистов нашли. Возбудили уголовное дело. Мне пришлось решать вопрос об аресте одного из них. Один из виновных не достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность. Его направили в специальное учебное заведение. Второго в связи с серьезными психическими отклонениями поместили в психиатрическую больницу для проведения стационарной экспертизы. Поэтому вопрос об аресте стоял только в отношении одного из парней, который достиг 14-летнего возраста ровно за две недели до преступления.

Закон всегда формален. Иначе и быть не должно. Он предусматривает, что уголовная ответственность наступает начиная с нуля часов следующего после дня рождения, хотя человек не может созреть, перемениться в течение минут, часов или даже недель. Но граница где-то должна проходить. Все, что хоть на пять минут меньше установленного предела, отпадает, здесь исключения не предусмотрены. Требование это совершенно категорично. Четырнадцатилетних вообще редко привлекают к уголовной ответственности и крайне редко арестовывают. И все-таки я решился на арест. Решился потому, что бывают ситуации, когда исключительные обстоятельства происшедшего заставляют до самого конца, до последней минуты использовать возможности, предоставленные законом.

Хорошо помню, какое возмущение вызвал арест в кругах людей, называвших себя гуманистами. Под нажимом определенных органов следователь все-таки выпустил обвиняемого в конце следствия, но суд, согласившись с моими доводами, арестовал его снова. Именно тогда я впервые увидел в своем кабинете корреспондента уважаемого всесоюзного издания. «Как вы понимаете принцип гуманизма советского закона?» — спросил

он меня. Ответил я теми словами, которые и поныне считаю правильными. Основной, составной частью понятия гуманизма, сказал я, является гуманизм к потерпевшему. О нем мы часто забываем. Гуманно ли позволять, чтобы измученный перво-класска был вынужден в школьном коридоре ежедневно встречаться со своим мучителем, смотреть в его бесстыжие глаза и читать в них злую усмешку: «Ну что, получил? Еще получишь!» Нет, наверно, и так переживаний у него хватило на все детство... Корреспондент с этим доводом согласился.

Негуманно поэтому и разрешать убийце разгуливать по улице и выбирать себе новую жертву. Именно поэтому, правда для исключительных случаев, нам сегодня еще нужна исключительная мера наказания...

Поздней осенью прошлого года смертный приговор Валерию Долгову был приведен в исполнение. По моему глубокому убеждению, такое решение принято в полном соответствии с принципами и гуманизма, и социальной справедливости.

На днях я читал письмо приговоренного к смертной казни Анатолия Кириллова. Он дважды изнасиловал свою малолетнюю дочь, потом склонил ее к систематическим половым связям. Когда она забеременела, он сам принял роды и убил новорожденного ребенка. Кроме того, он совершил разбойное нападение, убил человека, который оказался перед дулом его обреза. Когда его брали, он отстреливался до последнего, совершив полтора десятка прицельных выстрелов в работников милиции.

В своей просьбе о помиловании, адресованной в Президиум Верховного Совета республики, он не отрицает все эти факты, кроме одного-единственного. Дочь, видите ли, сама его соблазнила. Не буду вдаваться в абсурдность сказанного. Однако какую лексику он использовал в письмах в адрес следователя, суда — «люди с черной совестью», «гнусная клевета» и т. д. Говорить красивые слова научились все. Вы помните, конечно, как по телевиде-

нию передавали отрывки из судебного процесса по так называемому «Волгоградскому делу», где обвиняемыми были высокопоставленные работники милиции. Один из них, генерал Иванов, глазом не моргнув сказал прямо в телеэкран: «Это клевета и подлость. Прошу отмыть мое доброе имя».

Подводя итоги сказанному, можно понять, что всем нам нужно еще много, очень много трудиться над повышением уровня правосознания членов нашего общества. Средства массовой информации здесь могут сделать многое, их возможности в этом плане даже трудно переоценить.

Я участвовал в подготовке передачи Центрального телевидения «У нас в Останкино», задуманного в виде телестолпа Москва—Харьков—Рига. Вышла она в эфир в предновогодние дни. По задумке авторов, разговор должен был идти о качестве передач ЦТ «Время», «Прожектор перестройки», «Для всех и для каждого», «Сельский час», «90 минут», «До и после полуночи», «Человек и закон», ради чего на телевидение были приглашены руководящие работники всех правоохранительных органов республики, составляющие примерно четверть всех участников. Запись продолжалась около четырех часов. О чем только не успели поговорить — о политике и о музыке, о минеральных удобрениях и новых моделях одежды. Времени хватило на обсуждение всех передач, кроме одной-единственной, призванной повысить юридическую культуру и правосознание людей. Ни одного слова сказать о ней никому не удалось. А поговорить было бы о чем. В частности, и о том, почему даже в ней так мало выступают юристы — практические работники правоохранительных органов.

Наверно, им есть что сказать. Сказать не для того, чтобы бесконечно чистить свой мундир, как считают некоторые, а чтобы по-настоящему включиться в наш большой сегодняшний разговор о том, кто и что нам еще мешает более широкими шагами идти вперед.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ И ДИНАМИКА ВЛАСТИ: ТРОЦКИЙ И СТАЛИН В СОВЕТСКОМ КИНО

В рецензиях современников на «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков» обсуждался эпизод, которого мы не находим в копиях фильма, дошедших до нашего времени. Это отсутствие симптоматично для целого корпуса фильмов середины 20-х годов, текстологическое состояние которых отличается одним и тем же дефектом. В плане зрительского восприятия этот дефект практически неощутим (этому есть свои причины, о которых мы будем говорить), однако, повторяясь от фильма к фильму, он создает сильное искажение в общей картине советского кинематографа 20-х годов — параллакс, на который должен делать поправку любой историк (о котором мы будем говорить), однако на себя задачу текстурального анализа фильмов от «Мистера Веста» до «Октября».

Речь идет о «вмонтированных» в картину прекрасных съемках Л. Троцкого¹, выступающего перед слушателями. Идея включить в игровой фильм документальные кадры с Троцким принадлежала не Кулешову. В 1923 г. этот монтажный прием осуществил Б. Михин в фильме «На крыльях ввысь», и тогда это встретили благосклонно. Б. Томашевский (видный филолог, член объединения формалистов ОПОЯЗ, печатавший под псевдонимом рецензии на текущую кинопродукцию) так отозвался на картину Михина: «Фильма относится к разряду рядовых («плотвы»), и это досадно, так как некоторые момен-

ты можно было бы использовать в «ударной» постановке: таково внедрение в фильм подлинных снимков речей Троцкого и Ленина. Вообще — идея развития кинодрамы на фоне документальных снимков заслуживала бы серьезной обработки². Идея укоренилась быстрее, чем можно было ожидать, — когда через полгода Кулешов, вполне в духе рекомендаций Томашевского, вмонтировал в «Мистера Веста» — постановку как раз «ударную» — хронику с Троцким, было уже поздно. Прием выдохся — тот же Томашевский, похвалив «Веста» в целом, по поводу хроники с раздражением заметил: «Кстати, следует уже перестать таскать по фильмам т. Троцкого. У нас ни одна агитфильма не обходится без речи т. Троцкого. Образ т. Троцкого шаблонизируется, из него делают свадебного генерала, опошляют его традиционным кинематографическим применением. Пора перестать. Всякий затасканный прием обиден, но когда затасканным приемом становятся речи т. Троцкого, тогда это совсем уже нетерпимо³.

Помимо самоочевидных политических у кинематографистов 20-х годов могли быть и эстетические соображения, по которым Троцкий лучше других подходил экрану. Троцкий был типажен, о чем американское кино догадалось раньше нашего. По свидетельству Дж. Лейлы со слов Э. Вестера, режиссер нью-йоркской студии «Вайтаграф» в 1916 г. снимал ме-

¹ А. Беленсон. Кино сегодня. М., 1925, с. 28.

² «Жизнь искусства», 1924, № 11, с. 13.

³ «Жизнь искусства», 1924, № 21, с. 19.

лодраму «Моя официальная жена» — о шпионской истории в России. Для создания «русской атмосферы» на студию пригласили нескольких эмигрантов из кафе на Второй Авеню. Троцкий подошел на роль «нигилиста» (пять долларов в день) — перед возвращением в Россию он успел еще раз сняться в такой же роли в новой картине «Вайтаграфа».

Типажные задатки Троцкого обсуждались в советской кинематографической печати. В 1926 году появилась статья О. Фрелиха «О советском лице», в которой автор высказал озабоченность отсутствием в новом кино устойчивого физиогномического типа для положительного героя. Статья содержала два тезиса — один о непригодности для современного кино лиц «дореволюционного» типа (учитывая то обстоятельство, что сам О. Фрелих был звездой русского дореволюционного кино на амплуа красавца-повесы, это его выступление следует расценивать как упреждающий маневр самосохранения — своеобразный акт публичной мимикрии). Другой тезис — о том, что лучшим иконологическим прототипом современного положительного героя является лицо Троцкого: «Взгляд наших современников... стремится выпрыгнуть из орбит, осмысливая их, сообщая им собравшуюся волю, нервную оглядку или волчий оскаль»⁴. «Новая физическая структура лица и новое выражение глаз»⁵ проиллюстрированы приложенной к статье фотографией Троцкого.

Культ Троцкого в советском кино продлился до ноября 1927 г. и завершился известной эпопеей с «Октябрем» Эйзенштейна. Напомним о ней по мемуарам Г. Александрова, вышедшим в 1976 г.:

«В четыре в монтажную вошел И. В. Сталин. Поздоровавшись так, будто видит нас не первый раз, он спросил:

— У вас в картине есть Троцкий?

— Да, — ответил Сергей Михайлович.

— Покажите эти части.

Сталин, строгий, задумчивый, не расположенный к беседе, молча прошел в зал.

Механиков не было. Я сам пошел

в будку и крутил ролики, в которых присутствовал Троцкий. Эйзенштейн сидел рядом со Сталиным. После просмотра И. В. Сталин сообщил нам о выступлении троцкистской оппозиции, перешедшей к открытой борьбе против Советской власти, против партии большевиков, против диктатуры пролетариата, и заключил: — Картину с Троцким сейчас показывать нельзя.

Три эпизода, в которых присутствовал Троцкий, мы успели вырезать. А две части фильма, в кои избавиться от Троцкого с помощью ножиц было затруднительно, просто отложили и перемонтировали эти части в течение ноября и декабря»⁶.

В этих мемуарах Александров умолчал о продолжении разговора (в 1976 г. вспоминать о нем было бы неуместно), в ходе которого Сталин велел вырезать несколько эпизодов с Лениным и сократить финал — выступление Ленина на Втором съезде Советов: «Вы не знаете, что происходит. Либерализм Ленина сейчас не ко времени»⁷.

Так в конце 20-х годов в жанре историко-революционного фильма образовалась вакантная структурная позиция — образ соратника Ленина, организатора революционной борьбы. Вакансию занял сам Сталин, продержавшийся на этой роли около тридцати лет. В конце 50-х годов кадры Сталина из большинства старых фильмов были вырезаны.

Имея в виду такую сложную и постоянно меняющуюся текстологическую ситуацию в советском кино, можно задать вопрос: какой вариант фильма считать наиболее полноценным — «Мистера Веста» с Троцким или без Троцкого? «Октябрь» до вмешательства Сталина или после вмешательства? «Ленина в Октябре» с ролью Сталина или без нее? Обычно в таких случаях наиболее авторитетной считается авторская доцензурная редакция текста — таково правило текстологии, идущее от изучения литературы XIX века. Однако в советском кино положение несколько сложнее. Известно, как радовался

⁶ Г. Александров. Эпоха и кино. — М., 1976, с. 104—105.

⁷ Об этом Александров писал в 1962 г., когда такие воспоминания поощрялись. — См. А. Бернштейн. Вспомни Никандрова. — «Юность», 1987, № 8, с. 51.

⁴ О. Фрелих. О советском лице. — «Советский экран», 1926, № 33, с. 4.

⁵ Там же.

М. Ромм, вырезая Сталина из фильма «Ленин в Октябре». Можно предположить, что изъятие кадров с Троцким из фильмов 1923—1924 годов тоже происходило более или менее безболезненно. Дело в том, что из советских кинематографистов под серьезное влияние идей и личности Троцкого попал, видимо, только Дзига Вертов — даже в «Человеке с киноаппаратом», фильме 1929 года, некоторые эпизоды все еще строятся как комментарий к брошюре Троцкого «Водка, церковь и кинематограф». Что касается остальных, то обращение к хроникам Троцкого было актом скорее биографического, чем художественного характера. Б. Михин, придумавший этот ход для своей картины «На крыльях ввысь», и Л. Кулешов, повторивший его в «Мистере Весте», были режиссерами, чья деятельность начиналась в эпоху дореволюционного кино. Нам это обстоятельство может показаться малосущественным, однако в 20-е годы им многое определялось — в глазах окружающих такой режиссер был «человеком с прошлым». Функционально кадры с Троцким были тем же, чем бывал в те годы портрет вождя на стене — они удостоверяли, что хозяин квартиры лоялен новой власти. Удобство такого портрета в том, что его легко сменить, ничего не меняя в общей планировке дома. Структурное преимущество хроники, смонтированной в игровой сюжет, — того же порядка. В рецензии на «Мистера Веста» одна из газет писала: «Прекрасные снимки Л. Троцкого стоят вне всякой зависимости с чисто сыщицким сценарием и ослабляют хорошо снятую картину»⁸. В известном смысле можно утверждать, что слабая структурная позиция этих кадров в перспективе долгосрочной сохранности текста оказалась слабостью ящеричьего хвоста.

В известном отношении это касается и «Октября». Анализируя фильм, мы, как правило, исходим из презумпции значимости всех его элементов. Всякий текстуальный анализ фетишизирует данное текстологическое состояние фильма — любые сведения в выпавшем (или, скажем, попавшем в картину помимо воли автора) кадре грозят нарушить стройность на-

шей интерпретации. Между тем «Октябрь», как и всякий советский фильм на аналогичную тему, обладает отчетливой двойственностью структуры: он совмещает обязательные (спущенные сверху или продиктованные историкографическим императивом) элементы и элементы, явившиеся в результате художественного выбора. Первые заменимы — как заменимы всякие автоматически заданные константы текста. От замены вторых может пострадать художественная целостность текста. В «Октябре» текстологическая ценность элементов находится в обратной зависимости от их градации на шкале официальной истории. Без Троцкого ни «Октябрь», ни «Мистер Вест» нам не кажутся дефектными текстами. «Октябрь» легко вообразить без образа Ленина, несколько труднее без Керенского, совсем трудно без падающей с моста лошади и невозможное без деревянного чукотского божка. Художественная семантика распределяется по тексту неравномерно. Но мы не вправе утверждать, что элементы, ее лишенные, нефункциональны. Как показывает пример с перемонтажом «Октября», обязательные элементы текста образуют вокруг элементов его художественной структуры своего рода зону текстологической защиты, принимая на себя удар внешних директив и имитируя перестановки, которые в конечном итоге для глубинной художественной структуры текста оказываются несущественными.

Сказанное имеет отношение не только к истории кино. В развернувшейся в последнее время полемике вокруг пьес М. Шатрова часто слышится такой аргумент: «Мы признаем право на художественную волю, но такая воля едва ли уместна, когда на сцену выводят вождя». Этот аргумент не нов. В нашем кино, театре, литературе большинство произведений о революции создавалось с учетом такого рассуждения. Но при этом обнаруживалось, что историческая и художественная иерархия образов — не только разные, но во многом и взаимоисключающие критерии. Когда элемент текста становится элементом художественной структуры? Тогда, когда он явился в результате свободного выбора. Поэтому так хороши вымышленные пер-

⁸ «Красная звезда», 1924, № 90, с. 4.

сонажи — они не предъявляют автору заведомых притязаний на свою роль в творящихся событиях. Но и в историческом романе персонаж остается в пределах художественной структуры до тех пор, пока автор волен выбирать: включить его в текст или обойтись без него, сверить его поступки с исторической документацией или предоставить ему действовать не по протоколу?

Далее, что происходит, если эпоха, в которую пишет автор (или эпоха, которую он описывает), не располагает к поэтическим вольностям? Означает ли это, что историческая пьеса или историческая кинокартина, теряя свободу художественного выбора, перестает быть художественной? Совсем нет. Всякое художественное произведение двойственно. Оно состоит из свободных и автоматически заданных элементов. Свободные образуют художественное ядро, автоматические — являясь материальным носителем текста. Для поэта, если поэт не Хлебников, правила русской грамматики автоматически доносят текст до читателя. В эпоху Эйзенштейна, Кулешова и Михаила Ромма автоматически заданными элементами революционно-исторического фильма были те или иные политические фигуры. Это не означало, что фильмы были не искусством — просто заданный образ переходил из ядра в оболочку, понижался в художественной иерархии. И тут вступал в действие закон *ars longa, vita brevis**. «Летели» кадры Троцкого, но фильм «Октябрь» от этого ничего не терял. Опера «Жизнь за царя» становилась «Иваном Сусаниным» и только выигрывала от этого переименования. Радуясь XX съезду, Ромм очищал картину «Ленин в Октябре» от образа Сталина и обнаруживал, что этот образ отстает с легкостью упаковочного материала.

Да, это принцип, но нет ли иного? Можно не любить фильм Ромма «Ленин в Октябре», но нельзя отрицать, что образ Ленина в этой картине целиком принадлежит художественному ядру. Можно не соглашаться с Шатовым, но кто возразит, что образ Ленина в пьесе «Дальше... дальше... дальше!» задан далеко не автоматически?

* Искусство вечно, жизнь коротка.

Это трудный путь, но только он избавит наш исторический фильм от судьбы Тришкина кафтана. В недавно опубликованной лекции М. Ромма («Москва», 1987, № 11) есть строки, в которых звучит беспокойство: вот прошел XX съезд, Сталин поставлен на место, что дальше? Опять открывается вакантная позиция, и опять не в художественном ядре, а в окостенелости внешних, обязательных, автоматических наслоений. В год съезда Е. Дзиган поставил фильм «Пролог», где все правила кинематографического монументализма, подсказанные вкусом Сталина и разработанные для Сталина, приложены к фигуре Ленина. Ромм говорил об этом фильме: «Даже оператор изменяет почерк, когда приближается к Ленину. Кадры, где присутствует Ленин, ярче освещены, построены более парадно, он как бы выделен, отделен от всего народа какой-то стеной!»

Эти слова прозвучали в 1957 году, и тогда же Ромм точно определил структурные причины такого подвоха. «В этой картине со всей силой скачивается привычка рассматривать вождя революции в аспекте культа личности. Я, грубо говоря, поделил бы все, что происходит в картине, на два рода материалов: на материал, в котором действует народ, и на материал, в котором действует Ленин, вождь. Единственное отличие этой картины от тех, которые мы делали в прошлые годы, заключается в том, что действует здесь Ленин, а не Сталин. Вот и все. Если бы картина ставилась в 1952 году, сюда был бы любыми средствами притагнут Сталин. В Таммерфорсе ли, еще где-нибудь он был бы главной фигурой — или стоял бы рядом с Лениным, или во время встреч с Лениным давал бы ему руководящие указания».

Такова сила структурных позиций: по старому театральному правилу, окружение делает короля. Новый элемент, заступивший на место старого, подвергается формообразующему воздействию предшественника.

Прервать эту цепную реакцию можно только одним способом — перевести «образ вождя» с периферии художественного произведения в ядро, считать его не принудительным ассортиментом, а объектом свободного выбора.

ЧТО МЫ УНАСЛЕДОВАЛИ?

[ЛАТЫШСКАЯ ПОЭЗИЯ 1987 ГОДА]

Рассматривая поэзию 1986 года, говорили: «На войне как на войне. В поэзии как в поэзии». Об итоге 1987 года хочется повторить то же самое. Кое-кто, возможно, сочтет такую оценку чересчур скромной; но я твердо стою на том, что в данный момент нормальное течение поэтического процесса важнее новаторских вершин. Новации есть и будут, но медленное, стабильное выздоровление поэзии могло бы стать прочной гарантией будущего. А поэзия, к сожалению, нуждается в самолечении. От дешевого, словесного исторического оптимизма, от еще более дешевой, поверхностной социальной заданности, от навязанной обстоятельствами герметизации, укрытия живого импульса за крепостными стенами затасканной поэтики. Выражаясь кратко: поэзия должна вернуться к себе самой. Очевидно, что этот процесс действительно протекает, и если в него снова не вмешаются насильственные влияния извне, то мы получим вполне подлинные духовные портреты индивида и общества 80-х годов.

Однако было бы несправедливым задерживаться на одних лишь недомоганиях поэзии. К тому же представители других жанров (а временами и какой-либо поэт, выпавший из круга внимания) уже достаточно потрудились в этом направлении, стараясь занизить престиж поэзии в глазах публики. Надо сказать, в полной мере это не удалось. Огляды-

ваясь назад, отметим сильные стороны современной латышской поэзии.

Весь период застоя поэзия боролась с конъюнктурщиной. Мы, по сравнению с окружающими соседями, на этом этапе заметно реже выполняли «социальный заказ», который хоть и благими намерениями был порожден, но привел туда же: заказом и оставался, а его исполнители — лакеями. Именно тот факт, что процент «литературных поденщиков» был невелик, и поднял престиж нашей поэзии за пределами республики. Представляется, что наступление демократизации, перестройки и гласности не пошатнет устоявшееся положение в нашей поэзии и не вызовет потопа антиконъюнктуры. Написанные ранее стихи, из тех, которые замалчивались, естественно, без лишней шумихи вписались в современный контекст.

Индивидуальные манеры продолжают развиваться и укрепляться, а поэтический хор становится все более полифоничным. Актуализируется наш собственный традиционный опыт; европейские литературные течения начала века своеобразно влияют на нынешнюю ситуацию.

К общим рассуждениям добавим, что сейчас доминанта поэзии, как и всей культуры, — уже не эксперимент, ломка жанров и кругозоров. XX век со своими катаклизмами, лихорадочными переоценками ценностей близится к завершению и тяготеет к завершенности. Поэтому в по-

эзии нарастает самоанализ, поиски национальной идентичности, создание исторической перспективы, возрождение и сохранение традиций. Даже дебютанты теперь теснее связаны с традицией, нежели прежде. И этот культурный процесс надо бы не игнорировать, не пренебрегать им, противопоставляя его периодам «бури и натиска».

Разумеется, реальность поэзии всегда разнообразнее и многозначнее.

В последнее время латышская поэзия неоднократно сравнивалась с поэзией близких и далеких народов. Вечера латышской поэзии в Литве, Финляндии, антологии латвийской поэзии, публикации в прессе на других языках также наводят на известные обобщения. Успехи латышского стиха связаны с характерным для нас чувством равновесия между личностным и общим, рациональным и эмоциональным, новаторством и традицией, между разными поколениями поэтов. Характерен, существен для нас и диалог — прямой и косвенный. Заинтересованный разговор с человеком пробивает себе путь и через самые экзотические переводы. Многие из того, что нам самим казалось приметами провинциальной отсталости, отжившими свое, оказалось стабильной ценностью.

Но довольно комплиментов, даже заслуженных. Возьмем быка за рога.

Начиная обзор стихов этого года, сразу оговорюсь, что не задержу особого внимания на юбилейных сборниках избранного и тому подобных изданиях. У них — определенная культурно-историческая функция, требующая особого подхода: монографических исследований об авторах за длительный период времени. Янис Сирмбардис составил крупный сборник «Чертова дюжина» из неопубликованных стихов, но из учета той стилистической дистанции, что отделяет стихи 60-х и даже 70-х годов от современных, его основная функция также является культурно-исторической. В этом же плане следует отметить сборники Олафа Гутманиса и Иманта Аузиня, где все стихи точно датированы. В принципе то же самое делал и Витаутс Люденс, к сожалению оставивший недатированными первые публикации. Алберт Лочмелис не счел нужным

проставлять года и тем затруднил возможности оценки. Но в основе его сборника «Кроны яблонь» — то же богатство из прежних сборников, уже соответственно оцененных.

О сборнике Витаутса Люденса «В своем доме» надо сказать, что именно недатированная часть стихов придает всей книге дополнительную свежесть, независимо от того, написаны они давно или недавно. В положительном идеале Люденса, который ныне считается постоянным, устойчивым, здесь обозначились и трагические, драматические черты. Приятно, что цикл «Письма полковника Вацietиса» наконец-то увидел свет полностью.

Упомянем для порядка и сборник Аусмы Пормале. И теперь можем приступить к актуальной ситуации.

Одна из существеннейших книг этого года — «Пора желтения» Визмы Белшевицы. Эта книга рождалась медленно и серьезно, как и все предыдущие книги поэтессы. Пользуясь поэтической аналогией, можно сказать, что каждое стихотворение взращено, выхожено, как деревце. Присутствие отдельных написанных ранее стихов в этом контексте тщательно оговорено. Поэтесса по-прежнему поддерживает живым дух и собственной, и всей нашей поэзии. Сдержанное, порой ироническое, остротанное выражение скрывает в себе заряд напряженной трагичности. Эта сдержанность одновременно и глубоко индивидуальна и глубоко народна. В формировании национального стиля поэзии Визма Белшевица занимает очень значительное место. «Ворона с золотым сердцем иволги» — этот образ не только поэтически ярок, но и символически емко, точен. В нем индивидуальная психология поэтессы объединена с конкретной исторической ситуацией, с эпохой, в которой ей суждено жить и работать. Не напрасно первая, композиционно законченная часть называется «В споре цветка и топора...», оставляя «в уме» конец фразы — «...победителем всегда выйдет топор...». А еще в уме остается то, что, несмотря на это горькое сознание, цветок от спора не удержишь, ведь этот спор — основа жизни и жизнениности.

Вторая часть книги «Знаки времени» — в сущности, книга в книге,

самостоятельный лироэпический цикл, который вовсе не противоречит лирической части. «Знаки времени» — важнейшая за последнее время квинтэссенция сознания и чувства историзма. Особенно хочется подчеркнуть именно чувство историзма, которого кое-кому из авторов разрозненной ныне исторической тематики явно не хватает. Для Белшевицы исторический факт — лишь трамплин для самостоятельной поэтической медитации, и не только на конкретную историческую тему. Представляется целесообразным в ближайшее время переиздать этот цикл уже отдельной книгой.

Тематически переключается с произведениями Визмы Белшевицы антологическая книга Александра Пелециса «Упрямый ясень». Антологическая потому, что автор составил книгу из шести различных по жанру и тематике разделов: краеведческого, лироэпического, сатирического, лирического и др.

Именно эта перекличка, особенно в лироэпической части, не только позволяет, но и сама напрашивается на сравнение. Лироэпические сочинения Пелециса, хоть и заслуживающие похвал, страдают одним существенным недостатком: чрезмерным следованием историческому факту. Этот недостаток, между прочим, в принципе характерен для нашей лироэпической поэзии. Подыскивается яркий, сам по себе красноречивый исторический эпизод, который более или менее ловко обыгрывается, без учета того, что таким образом стих лишь дублирует факт, чье поэтическое или историческое звучание гораздо шире. Так, в стихотворении «Знаки препинания истории», в котором отображены события 1905 года в Талсы, именно прозаические вставки являются реальным содержанием этого стихотворения. Зная о последних днях жизни поэта Юлия Диевкоциньша, мы не находим, что поэтическое обыгрывание этих мгновений более убедительно, чем документальные свидетельства. Полезно упомянуть здесь ранее опубликованное стихотворение Визмы Белшевицы, посвященное памяти Диевкоциньша. Там всего две исторические детали, но самостоятельное поэтическое мышление сделало это стихотворение и историческим, и современным,

и вечным. Идя на поводу у факта, особенно когда в самом событии недостает целеустремленности и оценочности, Пелецис приходит к неточным акцентам мысли. В этой связи характерна «Поэма о корове». Интересный замысел (или, точнее говоря, интересный факт) тонет в какой-то нелепой патетике. Склонять голову перед подвигом коровы лишь за то, что она, ослабевшая, следом за телегами беженцев доковыляла почти до самого Берлина — наверное, все же не стоит: пафос не может компенсировать недостаточность трагизма. А известный по публикации в печати эпизод с ободраным карательной экспедицией в 1905 году ясенем, который чудесным образом снова зазеленел, — сам по себе настолько выразителен, что его облечение в стихотворную форму мало что дает. Также и прелестные, простосердечные происшествия житель Малиены просятся в более простое и содержательное изложение живой прозой. Лучшая часть книги Пелециса — ранняя лирика, не датированная, но легко угадываемая. Там есть та особенная реакция на мир и судьбу, без претензии и поэмы.

Похоже, доброхоты и судьи нашей лироэпики порой слишком готовы радоваться количественному приросту, чем основательнее критиковать художественное исполнение и степень самостоятельности в обработке фактов.

Довольно заштампованной манерой, «готовой красотью» страдают поэтические открытия Элзы Судмале. В ее книге «Серебряная река» чувствуется как бы боязнь чрезмерной откровенности. Серые, даже черные полосы жизни спешно подпираются бодрой, оптимистической сентенцией. Слишком бодрой, чтобы мы ей поверили. Боль остается где-то внутри, недоблестной, радость — непрочувствованной, невыплеснутой. Может, это — наследство времен казенного оптимизма? «И над нами звучит голос надежды / как бы ни злобил северный ветер: / «Зимнее солнце — светлое обещание». Нет тут толком ни надежды, ни злобы — к уяснению, переживанию они не ведут.

Не хочу утверждать, что такие стихи не имеют права на существова-

ние. У нас довольно широк круг читателей, которые как раз ищут стихи успокаивающие, а не подвергающие катарсису. «Еловые пуши северной Латвии, / Заиндевелые, затуманенные, / Хранят цвета родимой стороны...» — такая давно знакомая картина, уже привычное выражение народности по-прежнему выполняют свои эстетические и этические функции. Но находится она в стороне от магистрального движения поэзии.

Сложнее проблематика сборника Мары Мисини «Все, что больше никогда». Здесь тоже ощущается некоторое недоверие, страх перед недоразумениями, стремление разрешить до конца поэтическую ситуацию, как бы собственноручно снять излишнее напряжение. В противовес Судмале, с ее условным романтизмом, Мисиня — несущая боль, резкая, прямая, даже суровая. Другие времена, другие песни... Драма стихов Мары Мисини насыщена и значительна, по-латышски уравновешена, только вот рациональное начало нередко перевешивает. Здесь нет готовых моделей — каждое слово и каждый образ, каждая мысль рождены самой, на родной земле, коренятся в отцах и детях. Социальное и этическое ядро сборника Мары Мисини — сознание традиционной нравственности, которая в условиях наших дней находится под угрозой унификации и отчуждения: «Нам хлеба хватает, единомыслия — нет». Это серьезный язык, которому не помешало бы чуть побольше уверенности в себе и крутости.

У книги Мисини, как и других, уже упомянутых, есть определенная историческая центрированность. Не столько в тематическом смысле, сколько в виде отдельных, веских реалий, которые выступают, словно черты предков в лице современной женщины.

История как исходный материал и фактура, история как главный персонаж стиха — таков метод Юриса Кунноса. Его книга «Пять-семь», заслужившая приз поэзии этого года, продолжает и углубляет линии предыдущей книги «Холоп». Даже чисто сегодняшние микропроцессы стихов Кунноса в контексте превращаются в монументальную историю. Колористически богатые экскурсы в иные культуры и языки, пестрая, но целе-

направленная стилистика образуют некий своеобразный эпос из услышанного, увиденного, вычитанного, но принципиально неапробированного материала. Коллизии целой эпохи зачастую спрессованы в одну-две строки. В эглическое повествование о глуховатой тетушке-пенсионерке внезапно врывается тревожная нота: «Кто это там вышел из леса? Почтальон? Уполномоченный, спустя 35 лет? Соседи? Пришлый?..» Куннос параллельно углубляет наше историческое сознание и ощущение, всплывает малоизвестные или забытые пласты, сознательно перепахивая с ними и свое личностное. В его стихах появляются еще некоторые, иногда упоминаемые особенности современной поэзии. Прежде всего — тенденция к анонимности автора или главного действующего лица поэзии, растворение в своем материале. Вот таких — целенаправленная ориентация на живую речь, а не на литературный язык. Эта черта, к сожалению, порой либо не принимается критикой во внимание, либо вызывает бесцельные дискуссии.

Печатью истории отмечен и новый сборник Юриса Хелдса «Осколки памяти». Центрированной на импрессионистском и сюрреалистическом опыте, поэзия Хелдса здесь повернулась к более широкой перспективе в судьбах личности, народа и мира: «Профиль над морем / падает тень/ долгая верность цинготных лет / падает тень (можно и не заметить) / только память не ампутируешь...» Вместе с тем уменьшился арсенал интересных, но самоцельных метафор и образов. Нельзя сказать, что Хелдс вырвался из плена манеры, но долго копившийся протест против насилия и бесчеловечности вломился в русло этой манеры и придал стихам контактность, демократичность.

Большой заряд природной жизненной энергии — в слове, произнесенном Евой Мартужей (даже на бумаге скорее «прознесенном»), чем «написанном»). В книге «Мастерица» оставлено позади безумное, сумасбродное время юности, любовь теперь лишь изредка задевает болезненным воспоминанием. Мартужа все постояннее обращается к судьбам других людей, своей Родины, своего народа. Ее манера — энер-

гично взъерошенная, достаточно оригинальная, местами торопливая и недоработанная. Справедливости ради заметим, что недоработок становится все меньше, так как поэтесса обращается к широкой аудитории, и это помогает прояснить и поднять голос. Трагическая емкая, как редко бывает у кого-либо, формула народной судьбы: «Нас не несут на кладбище / На кладбище мы живем». Временами, подталкиваемая своим социальным задором, Ева Мартужа впадает в слишком сниженный утилитаризм, не соответствующий тембру ее голоса. Если, может быть, другому поэту темперамент надо развивать (а это вполне возможно), то Мартуже его, пожалуй, надо бы отшлифовать, не растеряв при этом азарта.

Поэтическая интонация Марты Барбале хорошо знакома нашим читателям: она — теплая, с легким сентиментальным оттенком. Барбале принадлежит к той плеяде поэтов среднего и старшего поколения, чью логику и выразительность в большой мере определяет песня, традиционный латышский романс. Эта песенная стилистика порой становилась камнем преткновения для суровых критиков. Словоохотливые, обязательное решение поэтической линии без пропусков и умолчаний, метафорическая приближенность плюс декларативные выступления действительно можно считать грехом, если упустить из виду эту песенную перспективу. В сходной ситуации, скажем, Лаймонис Вацземниекс наряду со справедливыми упреками получал и незаслуженные. Книга Барбале «По седой росе» последовательно продолжает начатый поэтессой путь без особых подъемов и особых спадов. Разве что слишком много в этой книге специально написанных посвящений, однодневок, которые пока еще портят сборник не одного поэта.

Взволнованная пульсация, как обычно, ощутима в небольшом сборнике Лаймы Ливены «Поднять с земли слово». Ее поэтическое видение имеет, так сказать, живописную природу: цвет и линия в нем играют большую роль. Местами даже слишком большую: радость красок и их интенсивность затмевают тот подспудный поток, в котором сильнее всего вибрирует душа поэтессы. Ес-

ли между яркими мазками остается непрописанное поле, глоток вольного воздуха, то этот поток сразу вздымает волну: «Унеслись паруса облаков / вырвалась парусина на волю / падают яблоки в алых полосках / славя короткую жизнь...». Ливена тоже старается проецировать себя на плоскость народа и истории; может, не очень прямо, убедительно, но заметно. Мощные аккорды — в ее любовной лирике, которой, правда, в этом сборнике немного. В Лайме Ливене постоянно идет борьба между порывами буйной жизненной энергии и попытками их приглушить, «окультурить».

Особое, необычное место в поэтической панораме этого года занимает «Танец пепла» Эгилса Плаудиса. Судьба, к сожалению, сделала эту книгу последней в жизни поэта. Но так как эта наша потеря слишком свежа во времени и в памяти чувств, то и книга Плаудиса носит еще актуальный, а не мемориальный характер. И не только потому. Долго зревший и поздно открывшийся нам талант Эгилса Плаудиса сразу выказал высокую степень своеобразия и самостоятельности. Критики не без основания связывали Плаудиса с влияниями инациональных литератур, с собственными неоромантиками и неосимволистами. Но часто от их оценок ускользали многие более важные поэтические установки Плаудиса. Прежде всего — стремление и способность сгореть и возродиться. По ходу времени в его стихах наряду с золотом инков и бедуинским караваном появляются мешок картошки, ежик, дворянжка. Это, конечно, лишь внешняя атрибутика, но она сигнализирует об интенсивных внутренних процессах. Если в ранних сборниках еще чувствуется традиционная орнаментальность, которой украшено трагическое предчувствие, то понемногу этот трагизм жизни обретает то гротескный, то комический, то бытовой образ выражения. С годами стихи Эгилса Плаудиса становятся все более непредвиденными, необычайными, страстными. Уже невозможно отделить культурную реминисценцию от повседневно наблюдаемой. Поэтический импульс может объединять, казалось бы, несоединимые представления и понятия. Если и не во всех случаях сто-

процентный успех налицо, то та степень раскованности и личного участия, которые достигнуты в этих стихах, дают и наверняка еще дадут сильный толчок сравнительно узкому кругу воображения латышской поэзии. В смысле поэтической раскованности Эгилс Плаудис (конечно, совершенно в ином плане) может тягаться с Оярсом Вацietисом, другим уникалом нашей нынешней поэзии.

Как бы интимная лирика Плаудиса все же ни на миг не отгораживается от внешнего мира, от окружающих людей. Плаудису, как и всем в мире, больно от «фресок Сикейроса под лавой», незащищенности культуры перед природной стихией. С кажущейся легкостью, но не легкомысленно поэт стоически провозглашает вечность мира и жизни: «Забить бы мне свои беды / И вечно играть на свирели. / Фрески Сикейроса под лавой. / А курица хочет нестись».

Со всеми своими фантастическими зигзагами стихи Эгилса Плаудиса глубоко демократичны и глубоко гуманистичны. Теперь они стали наследством, достойное освоение и достойная оценка которого еще предстоит.

Итак, мы подошли к важнейшему, пожалуй узловому, пункту нашего обзора: к дебютам. Именно дебюты бывают самыми чувствительными сигнализаторами поэтического климата в данный момент. К тому же они дают известную возможность прогнозировать.

Первая книга Петериса Брувериса «Черный скворец, красные вишни» всецело заслуживает одобрения. Путь Брувериса к первой книге объективно и субъективно не был ни коротким, ни легким, зато плодотворным. Теперь уже можно говорить о профессионально самостоятельном поэте, который одинаково ярко выражает себя и в романтической элегии, и в апокалиптических исторических видениях. Бруверис своеобразно актуализирует европейский поэтический опыт начала века, особенно экспрессионизм. Не только потому, что он — поэт-переводчик и прямое соприкосновение с поэзией на других языках не проходит бесследно. Важно и то, что, скажем, характерное для экспрессионизма восприятие мира созвучно сегодняшним чувствам, находящимся под да-

мокловым мечом атома. Эту созвучность надо ощущать и ценить. Это не надуманное, не вычисленное. Поэтическая манера Брувериса — чувственная и плотная: он старается полифонически использовать все имеющиеся в его распоряжении средства, начиная с нетрадиционной расстановки знаков препинания и кончая привлечением латинской номенклатуры птиц или растений. В известной мере это школа Улдиса Берзиньша, приемы лингвистической поэтики, но ощутимо переплавленные в каждом контексте. Порой попадают и непеработанные блоки, блеск и эффект реализуются лишь на уровне игры звуков или красок, но это уже рабочие детали. Петерис Бруверис вполне определенно расширил диапазон нашей поэзии.

Своеобычен, содержателен и дебют Эйнара Пелша. В его книге «Майя» есть точки соприкосновения с Бруверисом как с предшественником того же поэтического поколения: тенденция насыщать, делать по возможности многозначнее текст стиха. Стихи Пелша более конструктивны. У Брувериса идея вырастает из ситуации, у Пелша — скорее наоборот. Пелш не избегает демонстрировать свою конструкцию: «где звезды — боги Лебедей / где лебеди — звезды богов / где боги — лебеди звезд / где лебеди — боги звезд...» Напротив, он ее даже акцентирует рифмами, аллитерациями, особым стилистическим лаконизмом (похожим на цветаевский, только с иной функцией). Пелш предрасположен к концептуальности. Само название книги «Майя» именуется вовсе не музу или девушку грез, а иллюзию действительности, термин из древнеиндийской философии, означающий определенное восприятие мира. Поэтому и в поэтических картинах Пелша многое от статической архитектоники: «Гудит юрта полушария / Под нимбозом созвездий...» (Этим я не хочу сказать, что статика — нечто негативное, менее ценное, чем динамика.) У Пелша — интересные поэтические приемы по созданию широкого мысленного контекста, при максимальном сжатии, укорочении текста: «Люди — вороны, / Люди — вороги. / Орут: — Вора нам!..» Сейчас эти приемы еще бросаются в глаза, как швы, но ищущий дух,

уверенность в верности своих мыслей, своей миссии (чего порой недостает и молодым и немолодым поэтам), надеюсь, еще укрепит руку и око Эйнара Пелша.

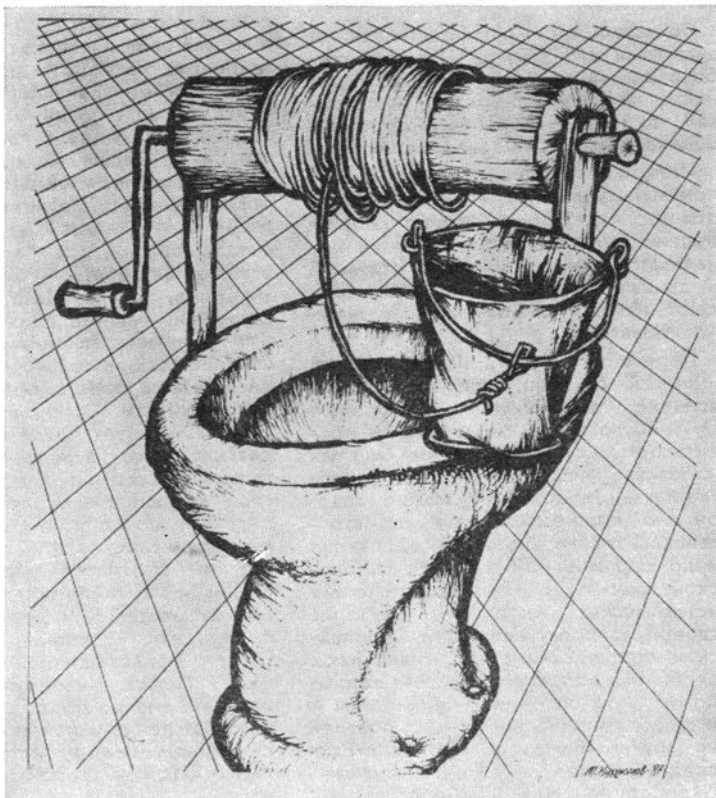
Так что же мы унаследовали в 1987 поэтическом году? Прежде всего, более истинное и открытое ощущение историчности. Это не та историчность, которая мобилизует, — во всяком случае, не теперь. Она напоминает людям их реальное место в мире, позволяет им не лгать ни себе, ни другим.

И еще мы унаследовали больше сознательного труда и поэтической свободы одновременно. В руках мастера исчезают границы: между ро-

мантизмом и натурализмом; слову высокого слога — те же права, что и подобранному на улице. Комическое становится трагическим, а трагическое — комическим; словом, продолжается демократизация поэзии. Конечно, так было и в 70-х годах, так было всегда. Но в этом году, по-моему, это особенно чувствуется.

По сравнению с каким-нибудь другим годом поэзия, возможно, не достигла заоблачных вершин: все выглядит гораздо обычнее (правда, только выглядит), зато стабильнее, подлиннее и надежнее.

Перевела Ирма БАЛТГАЛВЕ

Михаил Курдюмов (Харьков)

Петр КРУПНИКОВ,

кандидат исторических наук

ОСТЗЕЙЦЫ И РУДОЛФС БЛАУМАНИС

Остзейцы — так было принято называть немецкие привилегированные сословия Прибалтики, главным образом дворянство. Свое отношение к ним Р. Блауманис выразил в произведениях, написанных в годы первой русской революции. И чтобы во всем объеме понять их значение, необходимо ознакомиться с общественным фоном произведений Блауманиса, дать современному читателю точное разъяснение некоторых вопросов, которые касаются конкретной политической ситуации, связанной с «верхами» прибалтийских немцев в соответствующий период.

Одним из «остзейских» стихотворений Блауманиса является «По-дейчски». Стихотворение появилось в 1902 г. в литературном приложении «Пурвсмала» (На краю болота) либерально-демократической «Петербургас авизе» (1901—1905 гг.).

Стихотворение является ответом на очередную статью рижской немецкой реакционной газеты «Дюна-Цайтунг», посвященную местным политическим проблемам. Блауманис цитирует статью от 29 ноября 1902 года, в которой подчеркивается неполноценность латышского языка, что часто утверждалось остзейскими авторами. Многие из них замолкли после появления перевода «Фауста», сделанного Райнисом. Высокий уровень перевода, доказавшего годность латышского языка для передачи высоких мыслей Гете, привлек пристальное внимание прибалтийских немцев. Но, однако, и после «Фауста» ими часто подчеркивалось, что признание равноправия

немецкого и латышского языков в Прибалтике исключается.

Ответ Блауманиса, фельетон в форме стихотворения (один из тех случаев, когда Блауманис с присутствием ему остроумием пользуется языком «псевдонемцев») политически резок. Построением и лексикой стихотворение является изложением известного произведения Гете «Мишень» на языке так называемых «ольховых немцев» — тех латышей, которые лезли из кожи вон, стараясь выдать себя за немцев (в Эстонии их называли «можжевеликовыми немцами»).

Язык «псевдонемцев» был карикатурой на немецкий литературный язык. Блауманис этим приемом пользуется и в прозе. Так, в ряде фельетонов под названием «Мадам Бирк и мадам Эйк» Блауманис шаржирует диалог двух псевдонемецких «дам». В первом он в очередной раз высмеивает «Дюна-Цайтунг». Обе дамы беседуют о том, что пес мадам Бирк околел. Удалось установить, что причиной гибели собаки явился кусок колбасы, завернутый в страницу «Дюна-Цайтунг». По словам продавца, газета эта — «сушая отравка и в «Политехнике» из нее гонят синильную кислоту».

Предметом другого разговора является содержание и направление местных немецких газет. Обе дамы обмениваются мнениями о «Балтише тагесцайтунг», «Ригаше рундшау», «Дюна-Цайтунг» и других. Мадам Бирк отмечает, что «Ригаше рундшау» пишет слишком умно и недостаточно ругает латышей («не понять

никогда, ругает ли она латышей или нет»). В конце концов дамы решают, что лучшей газетой является крайне реакционная «Балтише тагесцайтунг», ибо она ругает «доллер ви долл» — беднее бешеного.

Очередной диалог посвящен проблеме, которой прибалтийско-немецкая и латышская печать в то время уделяла много внимания. При встрече с фрау Бирк фрау Эйк сообщает, что заказала своей портнихе платье голубое с ярко-красным. На замечание фрау Бирк, что цвет уж больно яркий, фрау Эйк поучает, что хотя портниха такого же мнения, в данном случае платья должны быть яркими — ведь ожидается важный прием по случаю приезда в Ригу «господина Пуришкевича». (В. Пуришкевич (1870—1920) был монархистом, черносотенцем. Бессарабский помещик, он стал одним из основателей «Союза русского народа», а затем и «Союза Михаила-Архангела». Выступал в Государственной думе со скандально-реакционными речами. Принимал впоследствии участие в убийстве Распутина.)

События, связанные с Пуришкевичем, о которых идет речь в беседе обеих дам, подробно описаны в мемуарах редактора «Дюна-Цайтунг» Эрнста Серафима, изданных незадолго до первой мировой войны.

В Государственной думе весьма активно выступал латышский депутат социал-демократ Янис Озол. В своем выступлении он подробно описал зверства, совершенные карательными экспедициями при содействии прибалтийских немцев — помещиков, которые выступали в роли «почетных полицейских».

Сравнительно демократичный избирательный закон, действовавший в то время (после столыпинского третьеиюньского переворота 1907 г. он был резко изменен), не давал балтийским помещикам возможности послать своих представителей в Думу. Но на радость реакционным остзейцам в Думе все-таки нашелся защитник помещиков. В воспоминаниях Серафима это описано следующим образом: «Тут против него (Озола) выступил депутат Пуришкевич и пламенной речью ответил клеветнику, крикнув: «Ты лжешь, каналья!» После этого выступления Пуришкевич объявил в петербургской печати о том, что он

готов защищать прибалтийских немцев от «всяческих Озолов».

У Пуришкевича — крайнего реакционера, черносотенца, активного теоретика и практика политики русификации — была чрезвычайно скандальная репутация. В связи с этим часть прибалтийско-немецких общественных деятелей отнеслась к декларации Пуришкевича, как с сожалением отмечает Серафим, «с недоверием и даже с ярко выраженной антипатией». В связи с этим «Дюна-Цайтунг» (в апреле 1907 г.) опубликовала декларацию о том, что Пуришкевич — приемлемая фигура и что редакция нравится именно его «божественная грубость». Газета поясняла, что, поскольку у остзейцев в Думе нет союзников, в подобных условиях надо сотрудничать с такими людьми, как Пуришкевич.

Видный немецко-балтийский либеральный журналист, председатель немецкой фракции в парламенте буржуазной Латвии Пауль Шиман впоследствии писал, что Пуришкевич своими экзальтированными реакционными погромными речами и репликами заслужил весьма «своеобразную» репутацию.

Спустя несколько недель Пуришкевич опубликовал открытое письмо редакции «Дюна-Цайтунг», в котором сообщил, что он весьма занят делами «Союза русского народа», но что он все-таки найдет время «поддерживать остзейцев». Пуришкевич прислал редакции свою политическую программу, в которой сказано, что он считает себя «убежденным и страстным борцом за неприкосновенность принципов самодержавия», а также националистом.

«Дело Пуришкевича» обсуждалось на собрании членов Прибалтийской конституционной партии. Руководитель партии Н. Эрхарт заявил, что сотрудничество с Пуришкевичем невозможно. Эрхарт считал даже, что если немцы примут предложения Пуришкевича, они многое потеряют. Как заместитель председателя «Союза русского народа» Пуришкевич принимал активнейшее участие в составлении программы этого союза. По отношению к окраинным областям империи в вопросе русификации местного самоуправления, судебных учреждений и школ встречаются столь реакционные положения,

такая нетерпимость в вопросах религии и церкви, что осуществление подобной программы означало бы гибель «прибалтийских губерний».

Во-вторых, подчеркнул Эрхарт, «следует принять во внимание, что прибалтийские немцы уже и так рассматриваются другими народностями России как реакционеры». «Если мы примем предложения Пуришкевича, то это вызовет у наших латышских и эстонских сограждан крайнее подозрение в отношении к нам, что заранее исключает возможность любого компромисса и даже возможность политического сотрудничества». Эрхарт считал, что принятие предложения Пуришкевича было бы «несовместимо с политической порядочностью». Против Эрхарта ополчились редактор «Дюна-Цайтунг» Е. Серафим, фанатичный реакционер А. Штельмахер и др. В конце концов после неоднократных голосований драматическое собрание закончилось отклонением предложения Пуришкевича. «Дюна-Цайтунг» сопроводила этот отказ гневными комментариями.

Заявление Пуришкевича не было случайным. Такую позицию Пуришкевича в остзейском вопросе занимали также другие видные черносотенцы. Не менее реакционный и столь же скандальный депутат Государственной думы Н. Марков-второй даже накануне мировой войны поддерживал остзейских помещиков против латышей. Об этом свидетельствует весьма интересный документ — протокол заседания бюджетной комиссии IV Государственной думы от 26 ноября 1913 года.

Было решено делить казенные имения на отдельные земельные участки и продавать их крестьянам. В этой связи возник вопрос: кому предлагать такие участки в Остзейском крае? Некоторые, более либеральные депутаты рекомендовали продавать их местным безземельным латышам или эстонцам. Марков высказался против этого и предложил продавать эти участки одним только русским крестьянам. На возражение депутата Шингарева, что это вызовет недовольство прибалтийских крестьян, «местного безземельного населения», а это отнюдь не в государственных интересах России, Марков с гневом ответил: «Я, конечно, держу того мнения, что именно не-

мецкие бароны будут в случае войны и германского нашествия гораздо раньше, чем все эти господа латыши и эстонцы...»

Во время революции 1905 г. Р. Блауманис опубликовал много стихотворений, направленных против прибалтийско-немецкой реакции. В 1906 г. появилось стихотворение «Без чего образованный и зажиточный латыш не может обойтись?». Писатель упрекает латышскую буржуазию в равнодушии к национальной культуре, непосещении театров и других грехах. В то же время он отмечает, что латышские бюргеры «не могут обойтись без чтения «Дюна-Цайтунг»! Эта газета изображает жителей Прибалтики как «древних гуннов или же как основателей смехотворной республики».

О гуннах и «Дюна-Цайтунг» Блауманис высказывался уже ранее. В начале 1906 года в связи с революцией в Прибалтике он писал о шовинизме немецких реакционеров. «Наш народ покрыт позором, и ловкие языки и перья, раздувая его во сто крат, разносят этот позор по белу свету. «Дюна-Цайтунг» пишет о прибалтийских гуннах». «В Мюнхене изощряются в описании ужасов и разност нечелюсти о латышах, в Дрездене пастор из Кримулды Скрибанович... вещает с амвона собора, а в Берлине в рейхстаге у народных представителей волосы становятся дыбом при слушании разглаговольствований одного графа о том, как латыши у здешних немцев живьем вырывают ногти из пальцев».

Что касается слов «смехотворная республика», то речь идет о ложном сообщении, появившемся в конце 1905 года в прибалтийской немецкой и реакционной германской печати, а затем и в части русских газет о так называемой «латышской республике», прокламированной «по всей форме». Германская печать сообщала, что эта республика якобы выпустила денежные знаки с изображением «президента» Кродера на купюрах. Жупел о «латышской республике» преследовал две цели — либо ускорить прибытие царских карательных экспедиций в Прибалтику, либо — в случае если старый строй России рухнет — добиться военной интервенции кайзеровской Германии. Вильгельм II в 1906 г. заявил, что в случае развала

России он направит свои войска на восток, так как ни в коем случае не допустит создания польского государства и «латышской республики».

Как известно, в 1905 году об отделении от России и речи не было — разве что об автономии типа Финляндии в составе России. Больше того — П. Стучка считал, что в будущем свободной Латвии будет нужна не финляндская автономия, а более тесное (на основах автономии) сближение со свободной Россией.

Блауманис неоднократно обращался в стихах и прозе к деятельности карательных отрядов. В 1906 г. он опубликовал стихотворение «Доктор Крупп прав». Стихотворение было репликой на письмо немецкого врача Круппа, напечатанное в немецкой газете в Дерпте (Тарту). Крупп пояснял, что четырехста ударов не опасны для здоровья человека и их можно применять для наказания революционеров. Круппа поддерживали реакционные немецкие газеты; напротив, как прибалтийская, так и столичная русская печать и прогрессивные германские газеты протестовали против подобных высказываний.

Об этом эпизоде Райнис написал стихотворение, которое заканчивает резким вопросом: «Тебе, чуткому врачу, значит, можно всыпать вдвое?»

Блауманис в свою очередь описывает, как он «в воскресенье смотрел в Латышском театре «На дне» Горького и, дрожа от ужаса, при виде падших людей вспомнил доктора Круппа. С иронией Блауманис «осуждает» выступления многих газет против Круппа и то, что они «господина доктора» назвали кровожадным. Блауманис пишет, что он осмотрел «продолжение спины крестьян». «Я наблюдал, как мужик сидит, видел его на корточках и могу спокойно утверждать — прав Крупп, потому что народ семь веков бит палками, батогами, плетками и розгами бит рыцарями, управляющими, баронами, старостами — и в итоге в течение веков у крестьян в известном месте образовалась „костяная шубка, кожа, на которой при желании бритвой можно рубить фрикасе»» (В письме Круппа было отмечено, что крестьяне после 400 ударов сами уходили домой). «Дюна Цайтунг» была возмущена стихотворением Блауманиса.

В стихотворении «Базар в местеч-

ке Малдус» (Малдус — дословно «Заблуждение», речь идет о небольшом городе Салдусе) Блауманис комментирует явление, которому уделялось большое внимание после разгрома революции 1905 г. Речь идет о создании немецких обществ («ферейнов»), с помощью которых остзейские помещики пытались сплотить всех немецких жителей Прибалтики, включая и так называемых «малых немцев» (клеиндейче) — ремесленников, мелких торговцев, рабочих, мещан и полупролетарские элементы. Немецкий «ферейн» в Курляндии возглавлял фон Мантейфель, владелец имения Казданга, в Лифляндии — владелец имения Скривери фон Зиверс. Оба они были известны своими реакционными, шовинистскими воззрениями. Эти «ферейны» организовывали вечера, с помощью которых пытались преодолеть пропасть между помещиками и «малыми немцами». Наряду с попытками колонизировать Прибалтику немецкими крестьянами из других районов России организация этих ферейнов была важнейшей ответной мерой прибалтийских помещиков и крупной буржуазии на революцию 1905 года.

В стихотворении сообщается, что в Курляндии находится местечко Малдус. Недавно в немецком ферейне были накрыты столы и устроена вечеринка и базар, чтобы усилить узы между «мелким людом» и «барами». Блауманис отмечает, что из-за спеси помещиков эта политика не приносит настоящего успеха, однако тут же сообщает: «газеты с восторгом объявляют, что свежий ветерок встряхивает листочки в немецком лесу, а ферейн в Малдусе здорово раздувает пламя любви между «большими и малыми» братьями».

Блауманис посвящает первым попыткам упомянутой выше колонизации свое стихотворение «О большом и малом Михеле». Напомним, что на западе было принято выражение «немецкий Михель». Стихотворение начинается словами: «В Саратове на шесте синичка поет. Пойди, женушка, послушай, что за новости птичка нам сообщает! Синичка нам весть приносит: Перебираться нам с тобой в Курземе, в божьям землю Курземе — помогать братьям господам!» Далее саратовский немец поет: «Прощай, Саратов, не будет нас больше на

юге, не выращивать нам больше арбузов. Вей, ветерок, гони ты лодочку со всей компанией в Курземе!»

И в следующих песнях использованы элементы латышского фольклора, например в третьей из них на мотив и ритм латышской песни рассказывается о том, как колонистам из Саратова нелегко привыкнуть к более трудным условиям работы в Курземе.

В пятой песне Блауманис рассказывает об отъезде части колонистов из-за недовольства условиями работы и бытом во многих имениях. У Блауманиса это звучит примерно так: «Имение гудит, имение гремит, чем же вызван этот грохот?» А ответ звучит: «То братцы поругались, которые говорят по-немецки! Один дядя размахивает кулаками из-за кудышной хаты, другой плюется из-за черного хлеба, а сам барон аж посинел, размахивая плеткой».

В шестой песне конфликты между баронами и колонистами также описываются в стилизованной форме народных песен: «А ну-ка, ребята, давай поглядим, что за чудеса на поле творятся: барин молотит колониста, придерживая его за чуб!»

В седьмой песне молодой колонист жалуется, что «чужой барин обещал белый хлеб. Обещать-то обещал, но дать не дал. Обозвал меня обжорой!» Возмущенный этими упреками колонист отвечает: «У кого же я клять опустошил, у кого окорок украл? Грыз я черствый мякинный хлеб, размачивая его своими слезами».

В последней песне Блауманис описывает, как колонисты возвращаются в Саратовскую губернию, в свои родные края. Помещики пытаются задержать их с помощью полиции: «Что ж нам, господа, делать? Ведь холопы бегут домой! Расставим стражников на дорогах, до самых южных границ!»

Обратившись к прозе, Блауманис рассматривает этот вопрос в статье «Слово о немецких сельскохозяйственных рабочих». Ирония тут ярче всего проявляется в предложении Блауманиса, каким способом все-таки задержать немецких рабочих на местах. Он предлагает создать для облегчения их труда новые сельскохозяйственные орудия. Например, «плательное кресло». «Сидя в нем, ра-

бочий смог бы легко управлять лошаадьми и притом читать «Балтише тагесцайтунг», повышая свою интеллигентность». В таком же духе описаны «диван для боронования», «безмен для навоза», «перчатки для чистки хлевов» и т. д.

В 1908 г. Блауманис в большом стихотворении «Латышская революция» откликнулся на книгу под таким же наименованием, первый том которой появился в Берлине в 1906 г., второй в 1907 г. Это, по существу, самый объемистый «труд» о революции 1905 года в Латвии, отмеченный фанатичной ненавистью к народам Прибалтики и России, отказом хотя бы в каком-либо вопросе пойти на уступки народному движению. Книга появилась анонимно.

Несколько лет назад председатель Прибалтийской исторической комиссии (ФРГ), историк прибалтийско-немецкого происхождения Герт фон Пистолкорс назвал эту книгу «политическим заказом ландратской коллегии Лифляндии».

Труд привлек внимание германской, русской и латышской прессы. Это внимание (по крайней мере, в Германии) объяснялось тем, что автором предисловия книги был профессор Теодор Шиман, основатель и долготелетний руководитель кафедры истории народов восточной Европы при Берлинском университете, автор передовиц в реакционной «Кройц-Цайтунг», один из приближенных Вильгельма II.

Блауманис досконально проанализировал книгу. Он с иронией указывает на то, что в книге виновниками революции называются деятели консервативного буржуазного Рижского латышского общества Вебер, Босвалдс и другие ярые противники революции, которые «всегда были деятелями на поприще разрушающего анархизма».

Что касается прибалтийских помещиков, то «балтийские бары со своими госпожами, барышнями и тетками такие невинные, как белые овечки с розовыми бантиками», ибо «они всегда шли навстречу мужикам; но последние постоянно разрушали путь к взаимопониманию». «Достоверность книги торжественно подтверждает также берлинский профессор Шиман. А это такой человек, который с грехом пополам все знает. Особенно

хорошо знает он Прибалтийский край, так как он его очень любит, а о том, чего не знает, он гадает на кофейной гуще».

Блауманис говорит, что «в честь автора он и сочинил эти вирши. Художник журнала «Свари» (латышского сатирического журнала) придумал для них новую печать». На печати видна «прекрасная звезда славы, появляющаяся из чернильницы, она почти полностью покрывает весь герб. На правой стороне лежит правда... загубленная мечом, на левой — справедливость, задушенная и попранная». А далее виден «красивый вензель» «А. ф. Т.» Тем самым Блауманис первым отгадал личность составителя книги. Это был нотариус Лифляндского дворянства, очень известный специалист по истории средних веков Астаф фон Транзее. Будучи подданным Российской империи и жителем Латвии, Транзее не мог открыто подписать столь фанатичную противорусскую и болезненно патологически антилатышскую книгу.

Блауманис реагировал статьей «Своеобразное письмо» на еще одно событие, вызвавшее в годы революции много толков. Письмо было адресовано: «Земной шар, Кулакия, в город епископа Альберта. Домская площадь. Высокопочтимой редакции газеты «Цайтунг фон Дюнакант». Совершенно секретно».

Следует полагать, что Кулакия — это царская Россия: во время карательных экспедиций здесь господствовало кулачное право. Город епископа Альберта — Рига. Таким же прозрачным было наименование газеты. Ясно, что речь идет о «Дюна-Цайтунг». Однако у слова «Дюнакант» есть еще и подтекст. В Риге в то время большой популярностью пользовались вирши прибалтийско-немецкого поэта Бориса Семенова о спившемся босяке «Жанно с берегов Двины» (Жанно фон Дюнакант), словами которого автор комментирует многие происшествия.

В «Своеобразном письме» Вельзевул пишет из преисподней в редакцию, что он, управляющий адом, поручил некоему «фон Шилинскому обнародовать закон, согласно которому за душу каждого Шилинга, Бистрама и т. д. латышам следует сдать

души двенадцати Калнинов, Берзиной и т. д.». Ясно, что речь идет о статье барона О. Ф. Шиллинга, где автор требовал «за каждого убитого барона Бистрама отправить на виселицу определенное количество „Калниной или Озолиной“». Эти слова в то время часто приводились в печати, упомянуты они также и в советской литературе. Но ни разу не были упомянуты дальнейшие пояснения Шиллинга: «Если кому-либо мои суждения покажутся нехристианскими, то советую прочитать, что Мартин Лютер сказал о мятежном крестьянстве... Эти слова подходят и для наших дней!»

Вспомним слова, сказанные Мартином Лютером во время Крестьянской войны. Ратуя за борьбу против «банд мужиков — грабителей и убийц», Лютер призывает убивать их как «бешеных собак», для того чтобы помнили, что нет ничего более «ядовитого, вредного, дьявольского, чем мятежник», и чтобы каждый, «кто только в состоянии, поднялся колоты, бить и душить мятежных мужиков». В постскрипуме мы читаем: «Конфиденциально доверяю Вам, что в ближайшем будущем надеюсь получить крупную партию душ и из Вашего фатерланда, ибо мой представитель в данный момент ведет секретные переговоры с фирмой «Вильгельм Гогенцолшгук». Речь идет, конечно, о последнем царствующем представителе династии Гогенцоллернов, германском кайзере Вильгельме II. В какой связи наряду с Шиллингом упомянут также кайзер? Блауманис, без сомнения, читал в газетах о том, что в господствующих кругах Германии шли разговоры о необходимости вмешательства в русские события. Полагали, что Вильгельм II решил это сделать. Кроме того, раздавались голоса, что надо было бы направить военные корабли к балтийским портам. Надо полагать, что Блауманис упомянул кайзера именно в этой связи.

В заключение следует напомнить, что Р. Блауманис, конечно, не был глашатаем революции. В этом отношении его не сравнить с таким писателем, как Райнис.

Однако нет сомнений в том, на чьей стороне Р. Блауманис был в момент народной борьбы против привилегированных сословий.

Михаил ЗОРИН

ПОСЛЕДНИЙ ЧАЙ СО ШКЛОВСКИМ

Этот апрельский день 1983 года в Москве выдался теплым. Была среда. Я пришел к Шкловскому в послеобеденное время.

Виктор Борисович сидел в рабочей комнате, в углу, в мягком кресле. На стене, как раз над головой — портрет совсем юного Виктора Шкловского. Нарисовал его Илья Репин в 1914 году.

Виктор Борисович оживлен.

— Как там? — он показал на окно.

— Апрель... Реки взламывают лед...

В тот день возник разговор о том, как Владимир Маяковский относился к работе других поэтов, другой поэтической школы, другой традиции, иного направления и, наконец, разного восприятия жизненного материала.

— Звонили с телевидения... Готовят передачу, Маяковскому — 90 лет... Мы — однолетки... Мне уже в январе исполнилось — девяносто... Мы не ощущаем, когда уходит молодость, мы чувствуем, когда она уже ушла...

Виктор Борисович сидя медленно вращает полку по часовой стрелке, и кажется, что полка заменяет Шкловскому четки, которые задумчиво перебирают восточные мудрецы.

— Маяковский печатал в «Лефе» разных поэтов. Когда ему говорили, что этот конструктивист, тот — имажинист, третий — из Пролеткульта или из «Кузницы», Маяковский отвечал: «Да, но он талантлив...» В редак-

ции «Лефа» в приемной работала жена писателя Сергея Третьякова. Она принимала рукописи. Там стоял стол — обыкновенный, круглый... К знакомым авторам выходил Маяковский, если он был в редакции, усаживал посетителя, беседовал... Маяковский говорил: «За круглым столом места не выбирают...» Этим он отметил высокомерие...

— Виктор Борисович, вы ближайший друг Маяковского, его соратник и спутник... Об этом написано и в трехтомнике, и в зарубежных изданиях. Как в Италии писали в афише: «Друг Маяковского...»

Виктор Борисович едко посмеивается, морщится, останавливает меня жестом, совсем не старческим. В глазах иронический блеск, лукавая улыбка.

— Там им нужна сенсация... Политическая, литературная, адюльтерная, трагедийная... В Древнем Риме, когда не было печатного слова, сенсацию объявляли специально тренированные рабы — риторы...

— Как Маяковский отнесся бы к Владимиру Высоцкому?

— С любовью! — моментально отвечает Шкловский. — Маяковский его печатал бы в «Лефе»...

И грустно улыбается. И умолкает. И мы оба молчим, понимая, какие периоды и какие сломы времен разделяют эти два имени.

Вдруг:

— Что значит стихи для эстрады, стихи для печати... Пушкина поют, Маяковского поют... Как бы он радовался... Осмеянного Белинским

Бенедиктова поют... Моего Андрея Вознесенского... Я люблю его... Высоцкого будут печатать... Это — поэзия... Высоцкого надо издавать...

...И вот три года с лишним спустя после этой беседы с Виктором Шкловским я читал в журнале «Дружба народов» (№ 10) стихи Владимира Высоцкого. Опубликовано десять стихотворений. Публикацию подготовила критик Наталья Крымова. Предисловие написал поэт Давид Самойлов.

Самойлов пишет:

«Поэтика Высоцкого шире поэтики городского романа. В ней слышны некрасовская и есенинская традиции, отголоски Северянина, гражданский накал Маяковского».

...Вспомнив опубликованные в журнале стихи, я раскрыл свою тетрадь с записями давних бесед с Виктором Шкловским.

— Какие традиции близки Высоцкому? — спросил я. — И есть ли вообще они у него?

Виктор Борисович хмурится:

— Это все равно, что сказать: ребенок родился без помощи отца и матери. Традиция писателя зависит от общего склада литературных норм, так же как традиция изобретателя состоит из суммы технических возможностей его времени. Конечно, в технике и науке есть еще предвидение, впрочем как и в литературе. Я помню: первый автомобиль в Петербурге вызвал восторженный переполох. От него дорога к космическому кораблю Гагарина... Действует закон ассоциации идей... Это важно...

Он роняет палку. Я наклоняюсь, чтобы поднять ее. Он машет рукой: «Пусть лежит...» С яростью в голосе продолжает спорить с невидимыми критиками, делящими поэзию на изустную и на печатную, «на слуховую и читаемую», как выразился Виктор Борисович. Талантливая поэзия и поется и читается.

— Высоцкого будут читать... — сердится Шкловский. — Все, что сокрыто теперь, раскроет когда-нибудь время.

— А вам не кажется, что у Высоцкого есть нечто общее с Шукшиным?

Шкловский приподнимается с кресла, опирается на поданную палку,

подходит к письменному столу, перекладывает книги, находит одну, возвращается, перелистывает страницы. На обложке: «Дон Кихот».

— Я не терплю слова «что-то...», — ворчит Виктор Борисович. — У Шукшина и у Высоцкого есть несомненно один источник — мудрость фольклора. В романе Сервантеса, в конце третьего тома, Санчо выступает на первый план и заслоняет собой даже Дон Кихота. Явление в истории романа довольно обычное. У Санчо — мудрость народа, у Дон Кихота — книжно-светская мудрость...

Виктор Борисович неожиданно, взволнованно рассказывает о похоронах Василия Шукшина. Так обычно в тугой нити исповеди завязывается у Шкловского еще один «узелок». На этот раз «узелок» Шукшина.

Внезапная смерть Шукшина потрясла его.

— Решили похоронить Шукшина на Новодевичьем кладбище. Там нашли вечный покой выдающиеся писатели, ученые, артисты, полководцы и военачальники, великие деятели нашего Отечества. Предки и современники наши. Ходатайство о захоронении Шукшина на Новодевичьем председателе исполкома Моссовета Промыслов отклонил. Тогда одна народная артистка СССР, — глаза у Шкловского блеснули, — лауреат, Герой Социалистического Труда, отдала свое место, которое по рангу было забронировано ей на Новодевичьем кладбище. Она написала в Моссовет об этом, звонила по телефону, и Шукшина похоронили на Новодевичьем кладбище...

В тот майский день, когда я был на могиле Шукшина, на ней лежали расшитые украинские рушники-полотенца, конверты с письмами, прижатые камушками, свежие цветы и засохшие цветы, коробки из ракушек, календарь, вложенный в целлофан, с отметкой даты смерти Шукшина, две желтоватые уточки — дар детей.

— Грустный, драматический рассказ для Зоценко, — вдруг говорит Шкловский — Зоценко у нас не поняли, твердили, что Зоценко — зубоскал, а Зоценко — русский Дон Кихот, полон мудрой печали. Зоценко, как Шолом-Алейхем, смеялся и плакал... Это уже слова Горького... Зоценко в сорок шестом году

лишили продовольственных карточек... Ему помогали писатели, особенно Каверин. Зощенко не жаловался, скорбь была безмолвна...

Шкловский снова умолкает. Молчание его — это продолжение разговора. Он смотрит на меня с такой пронзительностью, словно хочет понять, почувствовал ли собеседник его боль. Печаль и радость, смелость и страх, гнев и доброта одинаково присущи человеку в истории его душевного мира и в истории его жизни. У Шкловского в жизни больше печали. Он молчит. Смотрит на портрет Осипа Мандельштама, который висит прямо над кроватью. Потом на фотографию, где он снят с Маяковским.

Мне уже знакомо такое состояние Виктора Борисовича. Я тоже молчу. Его нельзя тревожить словом. Оно может оказаться слишком будничным, слишком серым. Никто в комнате не входит, и слава богу, не прерывает его глубокое молчание, ход его мыслей. Так он замолкает после рассказа о Маяковском. Об Эйзенштейне, о Тынянове. О своем родном брате Владимире, который погиб в 1937 году, настоящий ученый, литературовед. Однажды Шкловский сказал: «Он был талантливей меня». Он подписывался: «Владимир Б. Шкловский». Работу Владимира Б. Шкловского: «Граммон: звук как средство выразительности речи. Звук и его значение» очень ценит Владимир Маяковский.

Шкловский потирает высокий лоб. Снова начинает говорить. Опять о Зощенко. О том, как любил его Горький.

— Зощенко создал свою природу в литературе. Он соединил нас с Гоголем, Салтыковым-Щедриным... Жданов сказал, что Зощенко клеветает на народ... Это — неправда... Зощенко любил народ и обличал уродов и уродство... Это и продолжали Шукшин, Высоцкий... Когда Чехов написал своего унтера Пришибеева, цензура запретила печатать этот рассказ во время первой мировой войны. Николай Второй не любил Чехова, говорят, из-за этого рассказа... Клевета... Оскорблен мундир...

После 14 августа 1946 года, то есть после доклада Жданова, в котором он заклеил Зощенко и Ахматову,

о творчестве Михаила Зощенко появилось много «работ». Виктор Борисович едко улыбнулся: «Люди часто пренебрегают истиной, но истина не погибает». Вот что писал в ту пору о Михаиле Зощенко академик-литературовед, имя которого Шкловский просил не называть:

«Зощенко разработал особый прием: он прячет собственное лицо за персонажем своего повествования, так что публика не видит того, кто сфабриковал произведение, и не слышит настоящего голоса. Мистификация так хитро запрятана в повествовании, что никак нельзя распознать или хотя бы почуять — не сам ли тут Зощенко говорит или размышляет? Литературная махинация сделана так умно, что публика может волноваться, возмущаться, бранить хитрого мужика, подлого торгаша, тупоумного обывателя — соучастие же самого писателя недоказуемо: абсолютно невозможно утверждать, что он самолично инсценировал такое сборище уродливых и отвратительных типов. Это растленное «искусство» еще нетерпимее потому, что за сборищем маскарадных субъектов с их диаметрально противоположными, противоречивыми, хаотически запутанными утверждениями и назойливостью неуловимо и неясно, но все же ощутимо маячит ухмыляющееся лицо самого Зощенко».

Ничего не скажешь, написано академически, со знанием дела.

— Можно издать несколько томов статей с подобными разборами творчества Зощенко, — говорит Шкловский. — Писали многие, люди, которых я уважал. У меня были равные отношения с руководителями Союза писателей, с Фадеевым, Ставским, Павленко, Фединым, Вишневским... С некоторыми даже дружеские, почти дружеские, — добавляет Виктор Борисович. — Когда вышла моя книга о Маяковском, Всеволод Вишневский прислал мне большое, нежное письмо. Мы были с ним на «ты»... Но когда он написал самую ужасную статью о Зощенко, я не знал, как себя вести при встрече с ним. Была такая газета «Культура и жизнь», которой руководил критик Рюриков. Что там только не писали о Зощенко и Ахматовой... «Чужие»... «Несоветские»... «Враждебно настроенные»...

Удивительное совпадение: о Высоцком писали так же. Вот заголовки статей в газетах: «С чужого голоса», «О чем поет Высоцкий», «Чьи это песни?», «Пора об этом сказать...»

— Вы знаете, кто в Ленинграде в двадцатье годы пропагандировал Зоценко? — сказал мне однажды Шкловский. — Латыш Баузе... Он редактировал знаменитую ленинградскую вечерку «Красная газета»... Это был умнейший мужик, талантливый редактор... Когда Маяковский приехал в Ленинград, Баузе приходил к нему в гостиницу... Он любил Зоценко, Тынянова, Ольгу Форш, дружил с Алексеем Толстым... Я его тоже хорошо знал... Каверин его должен помнить... Спросите у Каверина...

Шкловский оживает. Все радостное в прошлом, все светлое озаряет его, и он радуется, как ребенок, которому досталась наконец желанная игрушка и он прижимает ее к сердцу. И эти воспоминания, мне кажется, Шкловский тоже хранит у самого сердца, и они, как добрые птицы, вылетают из его сердца, и эта комната, в которой все скромно, почти бедно — две кровати, круглый стол, большое мягкое старое кресло, в котором всегда сидит Шкловский, несколько стульев, на которых усаживаются гости, телефон с многометровым шнуром, и книги, книги, журналы, газеты и фотографии и портреты любимых людей — она, эта комната, сразу освещается удивительным теплым светом, который ты уносишь и который светит тебе долгие годы и вряд ли когда-либо погаснет.

— Теперь редакторы — люди официальные, сухие, церемонные, занятые, — морщится Виктор Борисович. — Много лет тому назад, перед войной, мне рассказывал Новиков-Прибой, что ему позвонили из «Правды»: его приглашал Мехлис... Он тогда был редактором... И представьте, Алексей Силыч мне искренне говорил, что он всю ночь перед этим не спал, так он волновался... Когда он вошел в кабинет Мехлиса, от волнения трижды сказал Мехлису: «Здравствуйте...» — Шкловский иронически сверкнул глазами, — и это автор знаменитой «Цусимы»... Оказывается, Мехлис пригласил его уз-

нать, как идет работа над новым романом «Капитан первого ранга», и просил дать главу для публикации. Это еще больше разволновало Новикова-Прибоя... А вдруг Сталину не понравится... Глава была напечатана, и все обошлось... Сталин не любил «Красную газету». Говорят, он сказал Кирову: «Что это за название газеты? «Красная...» А что, остальные у нас белые газеты?» Я верю этому...

...Когда я и Серафима Густавовна приехали в Италию, нас принял генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Энрико Берлингуэр... Как раз в те дни в Италии вышла моя книга «Интервью». Там опубликованы мои работы, их не знают у нас... В этой книге биография чувств... Ощущение разных эпох...

Об этой книге хотелось бы сказать особо. Виктор Борисович привез в Москву пять экземпляров этой книги. Одну из них он подарил мне. На обложке значится: «Шкловский. Свидетель эписа. Один из толкователей мировой литературы. Революция, Сталин, Маяковский, Горький, Эйзенштейн». Книга вышла в сентябре 1979 года. Продавалась один день. К вечеру весь тираж был продан.

Книга «Интервью» трагедийна. Шкловский рассказывает о судьбах Бухарина, Мейерхольда, Булгакова, Ахматовой, Третьякова, Зоценко, Пастернака, Татлина, Тынянова, Каверина, Шостаковича... Шкловский пишет о докладе Жданова, сделанном по указанию Сталина. В книге — переплетение судеб Блока и Есенина, Горького и Менделеева, разных эпох и времен, в которых жил автор. Много горестных строк о Бабеле.

После беседы Энрико Берлингуэр предоставил советским гостям свою машину и просил шофера показать им Рим и его окрестности.

— Машину Берлингуэра знали римляне, и когда мы останавливались у красного сигнала, они заглядывали в машину и удивлялись, видя в ней старика и пожилую даму, — посмеивается Виктор Борисович. Вдруг: — В Италии мы слышали песни Высоцкого...

Когда началась первая сталинская пятилетка, автор этих строк еще учился в школе. Одна старшеклассница принесла томик Есенина. «Есе-

нин — это похабщина», — сказала учительница и забрала книгу. И она повторила мысли критики тех времен: Есенин не воодушевляет, а расслабляет. И на первомайской демонстрации тридцатого года мы с воодушевлением пели: «Гремит, ломая скалы, ударный труд, прорвался песней алой ударный труд, в труде нам слава и почет, в труде кирка и молот бьет...» И этот словесный сумбур, словесный мусор, эта мертвая риторика выдавалась за поэзию! Я рассказал об этом Шкловскому.

— При Сталине были мужественные люди, они делали то, что считали для себя правильным... Хотя рисковали... Вот таким был в Ленинграде Баузе. Друг Кирова... В кабинете Баузе можно было иногда увидеть и самого Кирова, и очень часто Алексея Толстого, Николая Тихонова, Тынянова, Ольгу Форш, молодую Ольгу Берггольц, Саянова и особенно, конечно, Зощенко... «Красная газета» была для Зощенко родным домом. Я помню, как обиделся Баузе, что Маяковский по приезду в Ленинград напечатал одновременно свое стихотворение в «Ленинградской правде» и комсомольской «Смене». Мне очень хотелось бы о Баузе написать, но я уже стар... Напишите, он того стоит...

О Баузе я не написал, но некоторые материалы обнаружил. Вот биографическая справка из партийного архива. Я привожу ее без всяких комментариев:

«Баузе Роберт Петрович (1895—1942) — латышский революционер, коммунист, член партии с 1910 г., за революционную деятельность был несколько раз арестован, сослан в Нарымский край, в 1916 г. бежал из ссылки. После февральской революции вел партийную работу в Самаре, потом редактировал латышскую газету («Социалдемократс») — орган ЦК СДЛК в Москве, активный участник Октябрьской социалистической революции в Латвии, член Исколата, редактор органа ЦК СДЛК «Циня» (Борьба). В 1919 году — начальник политотдела Реввоенсовета Латвии, на VI съезде КП Латвии избран членом ЦК. После гражданской войны редактор газеты («Российская борьба») — органа латышских секций при ЦК РКП(б) в Москве. С 1926 по 1937 год работал в Ленинграде, редактор

вечерней газеты «Красная газета», председатель радиокомитета. В 1937 г. был подвергнут репрессиям и погиб в заключении. Реабилитирован».

Вот такая справка. Почти одиннадцать лет Роберт Баузе редактировал одну из самых популярных в нашей стране газет.

— Жданов не терпел всех, кто работал с Кировым, а Баузе работал еще и при Зиновьеве, — добавляет Шкловский... — Напишите о нем...

Напишите...

Шкловский раздавал темы, события, факты, героев прошлого, древнего, настоящего. Он просил, воодушевлял, требовал, настаивал: напишите. Он повторял слова своего друга Юрия Олеши: ничего и ничто из написанного не должно пропасть. Напишите о Шукшине, напишите о Высоцком, напишите о наполеонском генерале Жомини, напишите о Ване Каляеве, который убил губернатора Москвы Сергея Александровича, напишите о Бабеле, напишите о Лиле Брик («я сейчас позвоню ей, чтобы она вас приняла...»), напишите об Иване Катаеве — был такой писатель, однофамилец нашего современника, которого я не люблю, напишите об Андрее Соболе (прекрасный писатель, его ценит Горький)... В Москве живет его сын, поэт — Марк Соболев... Напишите...

Это был вечный клич, вечный призыв человека, который нежно и трогательно любил жизнь и прожил долгую суровую, трагедийную и, пожалуй, мучительную жизнь.

— Напишите о Фадееве... Когда исключили Зощенко и Ахматову из Союза писателей, Фадеев — тогда генеральный секретарь Союза — исчез на длительное время и не показывался в своем рабочем кабинете... Он запил от тоски и горя, что вынужден был совершить это расписание... У него была большая совесть... Когда я его встретил случайно, у Фадеева были скорбные, взыскующие правды глаза... Он кивнул мне очень почтительно, но руки не протянул, он опасался, зная мой характер... Однажды он нам помог... — Шкловский задумался, замолчал.

Мудрый Шкловский умел преодолевать скорбь и печали. Знаменитый американский писатель Уильям Фол-

кнер в одном из своих интервью сказал: «Неудача для меня выше всего. Надо постараться превзойти себя». Это был и жизненный принцип Шкловского. Он пришел по просьбе Бориса Полевого для встречи с молодыми писателями в журнал «Юность». Вместе с Кавериным. Говорили о том, как трудно писать. Прощаясь, Шкловский сказал: «Поздравляю вас с будущими неудачами». Некоторые молодые писатели не поняли этого.

— Когда арестовали Лидию Густавовну — жену Багрицкого, мы обращались с письмами в различные инстанции, на письма нам не отвечали, — показывает Шкловский на свою жену Серафиму Густавовну.

Багрицкий, Шкловский и Олеша были женаты на сестрах. Жену Олеша звали Ольга Густавовна. Они — славянского происхождения, но когда начались в Москве аресты иностранцев, Лидию Густавовну арестовали, как немку. Из трех сестер я близко знал Серафиму и Ольгу.

— У нас были метрики, что мы русские, но родились вне России, — говорит Серафима Густавовна. — Метрику Лидии удалось найти после ее смерти. Под книгами изогнулась полка, и домашняя работница, желая ее укрепить, достала картонную тетрадь, согнула и сунула под полку, чтобы удержать ее... В картонной тетради находилась метрика о рождении... Но ее нашли после ремонта, когда в ней отпала необходимость...

Шкловский нежно смотрит на Серафиму Густавовну, чей облик уже заметно тронула старость, потом останавливает ее, видимо жалея, не жестом, не словом, а каким-то мгновением взгляда, который сильнее слов. Вдыхает:

— Тогда я сказал Фадееву: «Саша, первого мая 1939 года ты стоял на трибуне ленинского Мавзолея рядом с великим Сталиным, ты можешь сказать великому Сталину, что арест жены великого русского поэта Эдуарда Багрицкого — жестокая ошибка...

Фадеев действительно в тот первомайский день стоял на трибуне. Правда, не рядом со Сталиным. Рядом стояли Берия, Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков, Кали-

нин и другие государственные деятели.

— Если не Сталину, скажи Берии, уступил я. — И Шкловский горько усмехается. — Фадеев ответил: «С ним тяжело говорить...» Через некоторое время мы встретились. Фадеев был бледен. Он посмотрел на меня: «Виктор, я ничего не сделал для тебя. Берия ответил лаконично и резко: «Она — немка, она шпионка, ее арестовали правильно...»

Шкловский умолкает. Звонит телефон. Трубку не берем. Входит милая и добрая домашняя работница Шкловских — Матрена Сергеевна и спрашивает: «Слесарь пришел, кран ремонтировать... Пустить?..»

— Такая жизнь... — Виктор Борисович поднимает голову. — Конечно, пустить. Но все-таки кое-чего мы добились... Вероятно, тут помог Фадеев. Разрешили Серафиме Густавовне и сыну Багрицких Всеволоду навестить сестру и маму в лагере. Серафима Густавовна была опекушкой Всеволода после ареста Лидии Багрицкой...

Молоденький слесарь, московский паренек жаловался Матрене Сергеевне, что у него нет нового крана, что такого крана нет и в мастерской, но в магазине «Тысяча мелочей» продают такие краны и если...

— Симочка, дай слесарю десять рублей, он купит кран, а о том, как ты и Всеволод ехали в Казахстан в лагерь, мы расскажем Зориным в следующий раз.

Мне думается, что я уже в какой-то степени уловил манеру речи Шкловского. Он почти избегает местоимений, когда говорит о людях, которых любит и почитает. Отсюда частые повторения имен и фамилий.

— Зоценко — это трагическая история. Так вот, что я вам скажу: Шукшин в своих рассказах и Высоцкий в песнях — оба идут от Зоценко... Смех и горе...

Шкловский смотрел на меня, ожидая дискуссии. Я молчал. Я был удивлен, что этот старый человек, который по состоянию здоровья без провожатого, без опоры уже не мог выйти из дома, этот блестящий оратор и критик, талантливый импровизатор, энциклопедист, зажатый четырьмя стенами рабочей комнаты и спальни (Шкловский жил в скромной

двухкомнатной квартире), давно лишенный шумных литературных собраний, с отчетливой точностью и определенностью объяснил истоки творчества двух художников.

— Вот что я вам скажу: Шукшина читает, будет читать и Высоцкого... Время мстительно...

Виктор Шкловский сказал это в ту пору, когда публикаций Высоцкого было до обидного мало. И никогда не забуду грустно-задумчивого Шкловского, когда он слушал поющего Высоцкого. Кто знает, может быть ему вспоминался Маяковский и внутренне он слушал его голос, отзвуки которого находил в поэзии человека нового времени.

— Говорят, история повторяется дважды: один раз как фарс, другой раз как комедия, — говорит Виктор Борисович. — Не люблю повторять чужие изречения, — он посмеивается. — История с Высоцким мне напоминает Есенина. Я хорошо знал его. Однажды встретил с молодой женщиной. Есенин говорит: «Знакомьтесь, графиня...» Это была внучка Льва Толстого... С лицом деда, хмурый взгляд, скулы, крутой подбородок, не хватало только бороды. Жена Есенина — Софья Андреевна — по бабушке... Он пожаловался — не печатают, не издают... Через несколько месяцев встретил его снова — веселый. Есенин рассказал: был у Луначарского, у Каменева — председателя Моссовета. Рассказывал в образах, жестах, пародировал старых большевиков очень трогательно...

Он вспоминает, трет лоб до красноты, вдруг преображается и театрально говорит:

— «Будь милостив, отец родной, Лев Борисович... — это Есенин так обратился к Каменеву, — помоги издать книжицу...» И стал ему читать стихи... И вот книжка... «Дарю вам, Шкловский...» И подарил мне книжечку в издании «Огонька». С портретом на обложке... Хитрюга Есенин — фото дал дореволюционное, этакий херувимчик — не галстук, а повязанный бант, и волосы словно заплоенные... Возьмите лестницу и посмотрите у меня в кабинете, на самом верху лежит эта книжечка с автографом, — это уже будничным голосом.

— Я отдала ее в музей литературы, — уточняет Серафима Густавовна, закуривая бог знает какую по счету папиросу.

— Когда меня не печатали, — извиняющимся тоном объясняет Виктор Борисович, — я продал Союзу писателей целый шкаф — редкую библиотеку, собранную за годы. Шкаф стоит до сих пор закрытым...

— Откупите, — посоветовал я.

— Не продадут, и потом у меня денег нет... Библиотека дорогая... Так в будущем будет с книгами Высоцкого... Пойдемте пить чай...

Слушали записи Высоцкого. Казалось, Шкловский полудремал. Руки на палке. В руках много коричневых точек. Я был вместе с женой и сыном-врачом. Позднее сын сказал: «пигментация...» А я думал по-своему: это годы, как на коре могучего дерева...

А в комнате плыл хрипловатый баритон и Высоцкий умолял: «Чуть помедленнее, кони...»

Уже прощались с Виктором Борисовичем.

— Когда вы уезжаете в Ригу? Приезжайте, приезжайте, надо еще поговорить, надеюсь судьба еще не даст мне мат, заматованными могут быть только короли...

В 1983 году, еще при жизни Шкловского, вышло новое, дополненное издание его книги «О теории прозы». И в ней я нашел отсветы нашей беседы о Владимире Высоцком. Столько публикаций появилось о Высоцком, но, по-моему, лучше Шкловского никто о нем не сказал. Он указал на истоки его творчества — это главное. И тут сказался аналитический ум Шкловского. Вот отрывок:

«Блаженны обиженные.

Роль как бы вне главной дороги; неожиданность находки, запрятанность мудрости, причем такая запрятанность, что эта мудрость кажется читателю или зрителю дрянью, ошибкой.

Мы не всегда понимаем, что мы любим.

Актер, которого любят зрители и незрители, может быть слушатели, а может быть, просто современники, играл роль Гамлета, мудрого, главного человека, носителя мудрости трагедии. Он играл в очень незаметном костюме, он играл на не-

нарядной гитаре, играл просто сидя на полу сцены. Но он был любим всеми, он был всеми замечен, потому что это был человек «не на своем месте». Это и есть герой...

Актер вырастает постепенно или взрывается, — вырастает и потом долго учится быть самим собой, используя свое первоначальное вдохновение.

Гамлета играл Владимир Высоцкий, которого по-разному, но внимательно любила Москва.

Можно сказать, что стихи Высоцкого часто говорят про жизнь «нет». В мире они поются так, что читатель или слушатель, как читатель великого нашего писателя, полузабытого Зощенко, понимал, что ему нужно вырасти и душевно переодеться.

Конечно, проще сказать просто — не люблю своего времени. Но время и есть жизнь, и москвичи, которые дежурят на могиле умершего актера-поэта, актера-гитариста, справляют на тризне песни, необходимые для своей души.

А душу, как косу во время косьбы, натачивают звонко и укоризненно, и этот момент остановки для исправления косы — в то же время момент отдыха.

Это первый заметил и подчеркнул Лев Николаевич Толстой, великий косарь прошлого. Толстой взял косу и пошел работать вместе с крестьянами.

Не надо сердиться на людей, которые поют странные песни Высоцкого. Надо включить в эту музыку косы и сабли и ржанье лошадей.

Надо сказать людям — поэзия не суживает, а расширяет жизнь; и

жизнь в быстром своем беге, своим напряжении сама очищает себя».

... В январе 1984 года я приехал в Переделкино. 25 января Виктору Борисовичу исполнялось 91. Была среда. Внук Шкловского Никита принимал по телефону поздравления. Никита называл фамилии: Каверин, Карпов, Андроников, Лихачев, Чудакова, Вознесенский...

— Меня приглашают слависты в Париж на столетний юбилей Эйхенбаума... Они забыли, что я старик... — смеивается Виктор Борисович... Я напишу для них статью... А вот письмо Карпова, он просит написать воспоминания о Первом съезде писателей, в этом году сорокалетие...

Вдруг:
— Здесь, в этом доме, над нами живет писатель, который писал книгу за Брежнева... Что поделаешь? В Австрии были талантливые музыканты, они писали для королевских композиторов оперы, симфонии... Потом они приходили в оперный театр, слушали свою музыку и плакали, а мнимый автор выходил на аплодисменты. Если я не забыл, это есть в дневниках Цвейга... Давайте пить чай...

Варвара Викторовна, — дочь Шкловского, принесла душистый чай. Я принял чашку и поил Виктора Борисовича, поддерживая блюдце. Руки девяностолетнего писателя дрожали.

Из соседней комнаты слышен был Высоцкий: «Чуть помедленнее, кони...»

— Это Никита — для меня, — грустно произнес Виктор Борисович.

Андрис ЯКУБАН

КАРИКАТУРА ЗАЩИЩАЕТ ПРИРОДУ

В этом номере «Даугавы» представлены и цветные, и черно-белые рисунки с выставки «Карикатура защищает природу», состоявшейся в начале года. Это уже третья выставка под таким названием, которую организует Московское районное отделение Рижского городского общества охраны природы совместно с Союзом художников нашей республики. Рисунки на эту выставку шлют со всех уголков Советского Союза, география местожительства авторов включает в себя все республики, все заметные города Союза, что и понятно: карикатуристы, так же как поэты, астрономы или кинорежиссеры, слишком редкая профессия, чтобы у их обладателей были шансы заявить о себе, не выходя за пределы своего города или даже страны. И представители столь уникальной профессии находят друг друга, несмотря ни на какие расстояния, климатические условия или часовые пояса. Так вот вроде и получается, что Рига мало-помалу становится столицей карикатуристов, занимающихся темой защиты природы.

Как еще раз доказала выставка, хорошей карикатуре никогда не были свойственны тупость, поверхностность, огрубленность, которые могут вызвать лишь идиотское хихиканье. Здоровый взгляд на мир, неподдельная мудрость, нотка грусти и чистая лиричность являются столь же необходимыми условиями, как и неожиданно парадоксальный взгляд на при-

вычные истины, элегантность решения и волшебная легкость, чтобы карикатура могла доставить такое же творческое удовлетворение, как и любое произведение искусства. Так как в экспозиции участвовали вместе с многочисленными лауреатами различных международных выставок и совсем молодые и неизвестные авторы, могло сложиться впечатление, что все в полном порядке — карикатура блестяще защищает природу, не давая покоя ее осквернителям и обрушиваясь на них громами своих насмешек, и губители природы, покидая выставку, тут же подают прошения об отставке, уходят на пенсию и уже в этом качестве включаются в ряды защитников природы.

Но карикатура отличается определенной двойственностью. Она решает свои задачи в двух плоскостях: и в области искусства, и в публицистике.

Долгое время я никак не мог понять, почему именно эта третья выставка не удовлетворяет меня, чего в ней не хватает. Выдающихся работ? Да, в общем-то есть и такие. Многие выполнены с таким графическим совершенством, что вполне могли бы найти себе место на любой выставке графики. И только позже понял в чем дело — изменилось время, а года два назад мы смотрели бы на работы такой выставки с тайным восторгом. Во времена расцвета так называемого периода стагнации мы бы тихонько ликовали про себя и перешептывались с друзья-

ми — до чего едкие работы, как безжалостно контрастируют они со всеобщей умиротворенностью.

Да, время изменилось так, что с трудом в это сам веришь, а сами мы изменились куда меньше. Фатальная неизбежность, с которой мы принимали все, что происходит в нашем обществе, в определенной степени уступило место неудовлетворенности, с которой мы начали смотреть на все окружающее. Можно сказать, что та самая насмешливость по отношению ко всеобщей умиротворенности, которая была столь смела и актуальна два-три года назад, сегодня воспринимается как инерция, против которой мы все так восстаем. Губители природы по инерции продолжают уничтожать ее, а их противники, повинувшись той же инерции, продолжают смеяться. Все как и встарь, только радоваться тут нечем.

Может, именно в деле защиты природы (почти так же, как в искусстве) мы поняли, что с привычными стереотипами идти вперед уже невозможно, один раз надо все понять — и остановиться. Об этом свидетельствуют исторические решения по приостановке работ по повороту северных рек, решение, принятое в нашей республике об отказе строительства Даугавпилсской ГЭС. Создан государственный комитет, которому поручено защищать природу не только в общественном порядке, но и от имени государства. Сложилась совершенно новая ситуация, следов которой, к сожалению, на выставке не было видно: нашим карикатуристам все кажется, что ничего не изменилось, и они продолжают работать по той же самой инерции, ибо понять и воспринять новую ситуацию в самом деле нелегко и, наверное, еще труднее ее выразить в карикатуре; когда в обществе, наконец, воцаряется надежда, что отныне все действия по отношению к природе и миру будут диктоваться разумом, бесконечно трудно найти объект для сатиры, да и вообще смеяться ста-

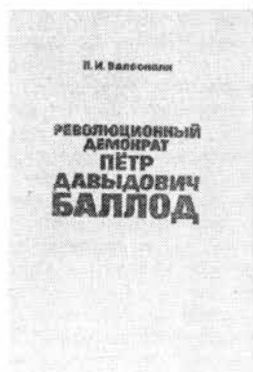
новится не так легко, хотя, откровенно говоря, несуразностей вокруг нас еще хватает.

Возможно, в сложившейся на выставке ситуации виноваты сами защитники и охранители природы, ибо задача, которую они поставили перед карикатуристами, была слишком обширна, она носила слишком общечеловеческий характер. Все шло заведенным порядком: со всех концов страны художники шлют рисунки, открываются выставка, через месяц она закрывается, художникам присуждаются премии, их благодарят, рисунки отсылают обратно. И защитники природы могут поставить в своих планах галочку — проведено соответствующее мероприятие, воспитательное значение которого просто не оценимо.

Может быть, те, кто занимается защитой природы, могли бы дать художникам более конкретную установку. Например, рассказать о проблемах нашей Юрмалы, об экологической ситуации в Олайне и Вентспилсе, или хотя бы о водах нашей Даугавы, которые, как утверждают фотографы, могут служить проявителем для цветных снимков. И заранее можно было сообщить художникам, кто конкретно отвечает за то, что природа стала отравленной «средой обитания».

Вполне возможно, что в таком случае некоторые карикатуры потеряли бы долю философичности, стали бы не так изысканны в художественной выразительности. Но в этом случае их можно было бы преподнести виновным или хотя бы ответственным в качестве новогодних подарков. Можете себе представить лица ответственных товарищей, получающих такие подарки!

Вероятно, тогда Рига потеряла бы право считаться столицей карикатуристов — защитников природы, но она могла бы обрести известность как город, в котором карикатуристы всего Союза в самом деле помогают защищать природу, встречающуюся порой в Риге тут и там.

ПОВТОРНОЕ ПРИГЛАШЕНИЕ

Тридцать лет назад латышский историк академик П. И. Валескалн собрал все известное к тому времени о П. Д. Баллоде и издал книгой с подзаголовком: «Материалы к биографии». Никто ими не воспользовался. Биография П. Д. Баллода написана не была. Поэтому не выглядит странным на повторном издании книги прежний подзаголовок: не одними лишь этими «материалами» пренебрегла наука за минувшие тридцать лет. Быть может, новое издание книги П. И. Валескална побудит к написанию биографии Баллода, осмыслению его жизненного пути, критической оценке наличных документов и фактов. Материал для такой работы книга содержит немалый.

Вот хотя бы такая деталь. Всякая биография начинается с даты рождения героя. Современное издание дает новую в сравнении с прежней — 1837, а не 1839 год. Будущему биографу придется пояснить, откуда взялась в определении сената по делу Баллода неверная дата его рождения, почему в 1864 году его называли 24-летним (определение сената состоялось накануне его 25-летия) — с собственных слов Баллода или по каким-то документам?

Потребуется критических комментариев и уточнений сведения, приводимые в самом просторном мемуарном тексте о Баллоде — «Среди политических преступников» С. Г. Стахевича. В нем, например, со слов Баллода (датированных 1909 годом), сообщается, что он оставался на каторге в Александровском заводе до весны 1871 года. Это ошибка памяти Баллода. Существует его обширное письмо другу и соавтору А. Фаминцыну, написанное из Иркутска, по дороге на поселение, и датированное 19 июля 1870 года (письмо хранится в Отделе рукописей

П. И. Валескалн. Революционный демократ Пётр Давыдович Баллод: Материалы к биографии. — Изд. 2-е, дол. — Рига: Зинатне, 1987.

и редких книг ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, фонд 805, оп. 1, № 466).

В этом письме содержатся интересные автохарактеристики, которые входят в противоречие (будущему биографу потребуется его объяснить) с воспоминаниями Стахевича. Баллод, ведущий «значительную подпольную работу», чуть ли не возглавляющий большую группу чуждомышленников, душа обширного круга друзей — таков он и во многих частях книги. В письме, о котором я упомянул, иное: неуживчивость, раздражение необходимостью быть в обществе — следствие не только отсутствия душевно близких людей, но, видимо, психологического склада: он был нелегальным типографом-одиночкой не случайно. Вот как Баллод передает свои переживания от невыносимого житья с сокаторжниками: «Заключение в Петропавловской крепости один ночное и там Вы можете заниматься чтением, писать и вообще Вы там несколько привыкаете и чувствуете себя сравнительно свободным и разве несколько начинаете дичать. Здесь Вы сидите в обществе 5 или 8 человек, смотря по величине номера, и решительно не располагаете собой и потому как бы начинаете свирепеть. Вам хочется читать, а тут затянута такая песня, что и книга вывалится, или заведут разговор о лошадях, о собаках, о повстании, и как начнут высказывать свои взгляды, то Вы приходите в ужас и отчаяние за человечество. Человека, выдающегося по своему развитию, не было, да и сомневаюсь, чтоб он принес существенную пользу — народ все едва-едва посредственный и каждый из нас считает себя выше всех остальных. Разумеется, что деньги играют тут немаловажную роль. Затянули было публичные лекции, чтобы развлечь общество. Затянули их люди добрые и с хорошими намерениями; хотели, хотели хоть несколько развить своих убогих развитием товарищей, — но возможны ли были лекции там, где каждый считал себя способным читать лекции по всем отраслям наук? Разумеется, они скоро исчезли. И вот снова, вместо нескольких часов развлечения, несколько часов Вы должны проводить в слушании разной дребедени... Вы, разумеется, не удивитесь, что я в это ужасное время думал о побеге, хотя мысль о голодной смерти в здешних пустынях и лесах никогда не покидала меня...»

Видимо, придется уточнить трактовку Баллода как лидера революционного движения. Судя по всему, не свойственно было инициативно объединять людей — если получалось, что за ним шли, его советов слушались, то лишь вследствие личного примера, который он подавал различными удачно предпринимавшимися им на каторге и поселении затеями, вроде огородничества и мыловарения. Баллод признавался: «... мне решительно все равно, какого мнения обо мне общество — считает ли оно меня подлецом или

честнейшим в мире человеком, я не откажусь от своих взглядов ни на один волос. Я буду считать себя подлецом только тогда, когда буду действовать под чьим бы то ни было влиянием. Что ж Вы думаете — ведь говорит, кажись, человек решительный, окончательно сложившийся и который действительно не обращает внимания на возгласы людей. И чтоб Вы сказали, если бы Вы увидели этого решительного человека, как он, притаившись где-нибудь, заливается горькими слезами. И случалось это со мной не раз, не два. И Вы не удивитесь после этого, что у меня уже и седой волос по временам показывается, а Вам, верно, еще далеко до седины...» Это не монолог лидера, но исповедь глубоко одинокого человека — об этой стороне судьбы Баллода пока не было речи.

Материалы к биографии Баллода, представленные книгой П. Валескална, могут — с современных исторических позиций — дать возможность без ненужного пафоса трезво взглянуть на внутреннюю драму первой русской революционной ситуации.

Реформы 60-х годов захлебнулись не только от общелиберального говорения и намеренной, в интересах власти, их недовершенности. В самом демократическом движении, к которому принадлежал и Баллод, было немало изъянов политического, тактического и морального свойства, что сказалось на судьбах движения в целом и многих его участников.

Почти все, кто писал о Баллоде, не обошли эпизода с показаниями, которые он дал на Писарева, автора подготовленной им к нелегальному анонимному изданию статьи. Симпатизируя Баллоду, авторы воспоминаний о нем по-разному объясняли морально-этическую сторону его поведения. Дал свою мотивировку и сам Баллод: полагая, что Писарева и так обязательно найдут и чтоб не подумали, что он, Баллод, прикрывал Писарева как важную фигуру демократического движения, Баллод решил назвать его имя. Вследствие этого показания Писарев оказался в Петропавловской крепости. Дело не в том, просчитался Баллод или нет, — важно, что он считал, рас считывал. Тут, как и во многих других случаях, — и не у одного лишь Баллода, — была игра, стремление перехитрить, обыграть своих врагов. На самом же деле единственно нравственным путем в ситуации, в которой оказался Баллод, — и это надо сказать совершенно недвусмысленно, — был категорический отказ предавать в руки врагов кого бы то ни было из своих друзей. И никакие другие расчеты тут не могли иметь силы.

Из прежнего издания книги в новое перешли некоторые суждения, которые за тридцать лет несколько устарели, например о тайне «Великорусса» — первой нелегальной газеты-прокламации в России, тайне, которую, как сказано, унесли

в могилу ее составители. За прошедшие десятилетия найдено немало документов, вышли работы историков, эту тайну приоткрывающие. Вплоть до смелой гипотезы Н. Новиковой о принадлежности «Великорусса» перу Чернышевского.

Сохранились в новом издании и отдельные неточности — вроде наименования тогдашнего министра народного просвещения Головиным вместо Головнина.

Все это — дополнительные аргументы в пользу того, что материалы к биографии Баллода ждут исследователя. Второе приглашение перед нами.

Валерий САЖИН

Авторы снимков в тексте: Лаймонис Блодник, Атис Иевиньш, Айварс Лиепиньш, Гунарс Янайтис.

На первой странице обложки: Владимир Береснев (Каунас).

На четвертой странице обложки: Геннадий Чегодаев (Челябинск).

Фото Гунара Янайтиса

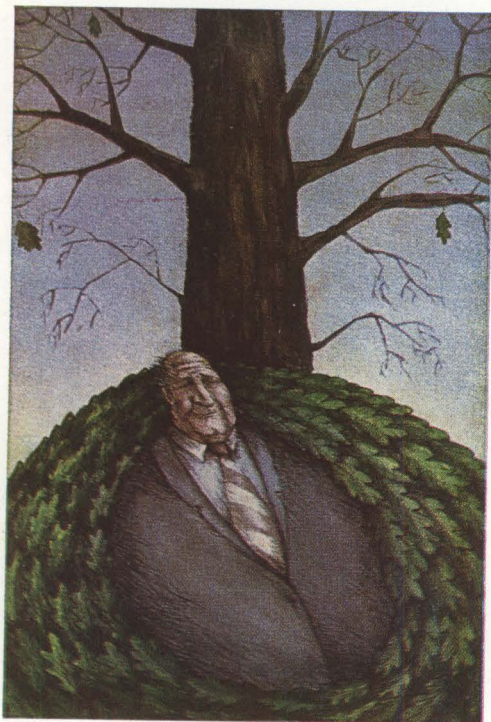
Сдано в набор 16.02.88.
Подписано к печати 21.03.88. ЯТ 03120.
Формат 60×90/16. Типогр. бумага № 1,
мелованная бумага. Высокая печать.
8,0+0,25+0,25 усл.-печ. л., 9,86 ус. кр.-отт.,
10,21 уч.-изд. л. Тираж 37 000.
Заказ № 126. Цена 45 коп.
Адрес редакции: 226081, Рига, ГСП.
Баласта дамбис, 3.
Телефоны: гл. редактор 466049,
зам. гл. редактора 465913,
отв. секретарь 465996.
отд. прозы 465992,
отд. поэзии 465998,
отд. критики и публицистики 465990.
техн. секретарь 465993.
Отпечатано в тип. Издательства ЦК КП Латвии.
226081, Рига, Баласта дамбис, 3.

Технический редактор
Мудите АРАЯ.

Корректор
Любовь СОКОЛОВСКАЯ.

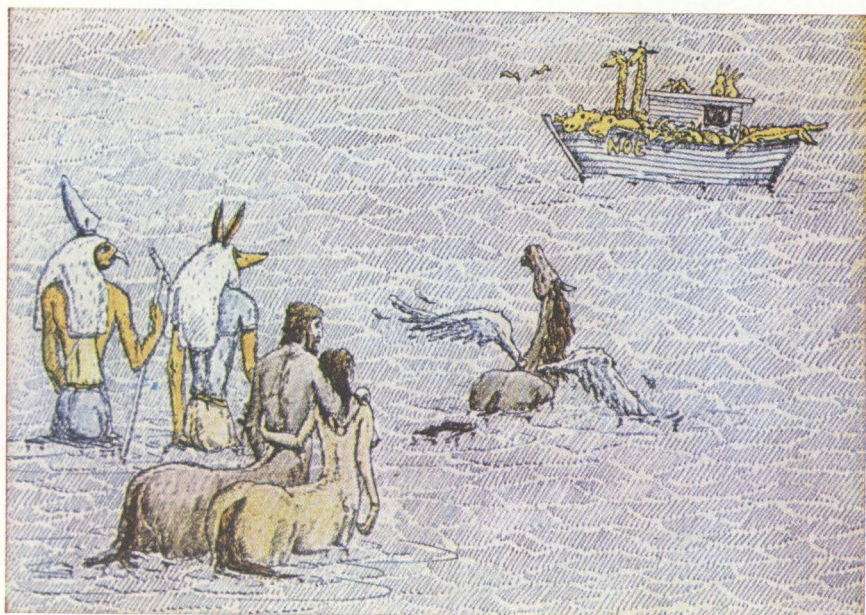
С ВЫСТАВКИ «КАРИКАТУРА ЗАЩИЩАЕТ ПРИРОДУ»

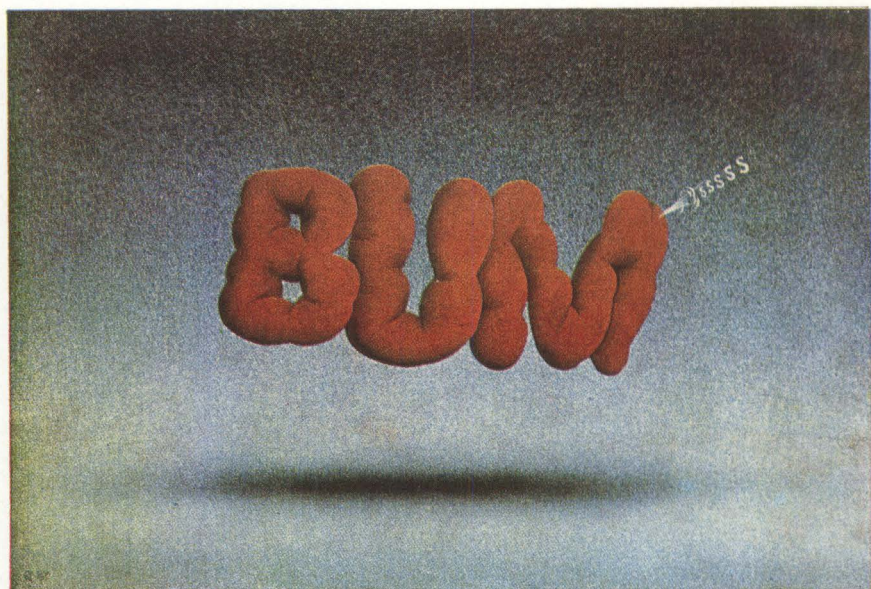

Саулюс Мадженис (Каунас)

Линас Делтува
(Каунас)

Александр Сергеев (Ленинград)

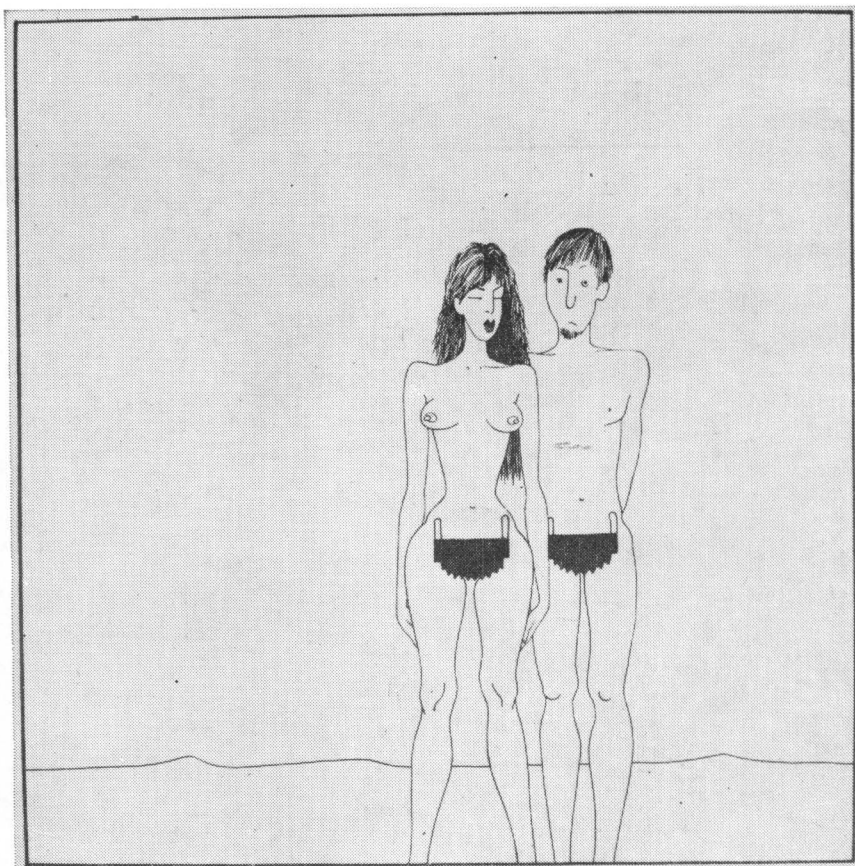

Сергей
Савилов
(Донецк)

Владимир Уборевич-Боровский (Москва)

Фото Гунара Янайтиса

Вилнис Дитрихсонс (Рига)

